

СТИВЕН КИНГ

Под Куполом

Стивен Кинг

Под Куполом

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4387285

Под Куполом : [роман] / Стивен Кинг: Астрель; Москва; 2012

ISBN 978-5-271-40678-2

Аннотация

Потрясающая история о маленьком городке, который настигла БОЛЬШАЯ БЕДА.

Однажды его, вместе со всеми обитателями, накрыло таинственным невидимым куполом, не позволяющим ни покинуть город, ни попасть туда извне.

Что теперь будет в городке?

Что произойдет с его жителями?

Ведь когда над человеком не довлеет ни закон, ни страх наказания – слишком тонкая грань отделяет его от превращения в жестокого зверя.

Кто переступит эту грань, а кто – нет?

Содержание

Некоторые (но не все) из тех, кто оказался в	7
Честерс-Милле в День Купола	
Самолет и лесной сурок	12
1	12
2	15
3	17
Барби	18
1	18
2	21
3	24
4	26
5	28
Младший и Энджи	30
1	30
2	33
3	35
4	37
5	39
6	43
Большаки и проселки	48
1	48
2	53
3	55

4	60
5	61
6	62
7	68
Уйма дохлых птиц	72
1	72
2	80
3	87
4	90
5	93
6	95
7	98
Полная мутня	100
1	100
2	107
3	114
4	122
5	129
6	131
7	133
«И за команду за одну мы все болеем»	135
1	135
2	143
3	155
4	162
5	168

6	173
На благо города, на благо горожан	174
1	174
2	182
3	189
4	192
5	201
6	203
7	220
Молитвы	223
1	223
2	231
3	242
4	247
5	251
6	258
7	264
Сумасшествие, безумие и оцепенение сердца	276
1	276
2	282
3	284
4	286
5	292
6	303
7	307
8	309

9	313
10	319
11	327
12	335
Бывает и хуже	336
1	336
2	339
3	343
4	345
5	349
6	352
7	365
8	374
9	379
10	385
11	392
Няк, няк, няк	401
1	401
2	412
3	415
4	419
5	423
6	427
Конец ознакомительного фрагмента.	429

Стивен Кинг

Под Куполом

*Памяти Сурендры Дахайбхая Пателя
Нам грустно без тебя, друг мой.*

*Кого-то потерял, сынок?
Не видишь, что ли:
На игровом весь городок
Собрался поле.
Наш город мал – его судьбу
Мы вместе делим,
И за команду за одну
Мы все бодем¹.
Джеймс Макмертри².*

Некоторые (но не все) из тех, кто оказался в Честерс- Милле в День Купола

Городские чиновники

Энди Сандерс, первый член городского управления
Джим Ренни, второй член городского управления
Андреа Гриннел, третий член городского управления

Сотрудники «Эглантерии»

Роуз Твитчел, хозяйка

Дейл Барбара, повар

Энсон Уилер, мойщик посуды

Энджи Маккейн, официантка

Доди Сандерс, официантка

Полицейский участок

Говард Перкинс по прозвищу Герцог, чиф

Питер Рэндолф, заместитель чифа

Марти Арсено, патрульный

Фредди Дентон, патрульный

Джордж Фредерик, патрульный

Руперт Либби, патрульный

Тоби Уилен, патрульный

Джекки Уэттингтон, патрульная

Линда Эверетт, патрульная

Стейси Моггин, патрульный-диспетчер

Ренни-младший, экстренно назначенный помощник

Джорджия Ру, экстренно назначенный помощник

Френк Дилессепс, экстренно назначенный помощник

Мелвин Сирлс, экстренно назначенный помощник

Картер Тибодо, экстренно назначенный помощник

Священнослужители

Преподобный Лестер Коггинс, церковь Христа Святого

Искупителя

Преподобная Пайпер Либби, Первая Конгрегациональная церковь (церковь Конго)

Медики

Рон Хаскел, врач

Эрик Эверетт по прозвищу Расти, фельдшер

Дуги Твитчел, медбрат

Джинни Томлинсон, медсестра

Джина Буффалино, медсестра-волонтер

Гарриет Бигелоу, медсестра-волонтер

Городские дети

Джо Макклэтчи по прозвищу Пугало

Норри Кэлверт

Бенни Дрейк

Джуди и Джанель Эверетт

Олли и Рори Динсморы

Литл Уолтер Буши

Жители города, упоминаемые в книге

Томми и Уиллоу Андерсоны, владельцы и сотрудники ресторана «Дипперс роудхаус»

Стюарт и Фернолд Боуи, владельцы и сотрудники «Походного бюро Боуи»

Джо Боксер, стоматолог

Ромео Берпи, владелец и продавец «Универмага Берпи»
Фил Буши, Шеф с сомнительной репутацией
Саманта Буши, его жена
Джек Кейл, управляющий супермаркета
Эрни Кэлверт, управляющий супермаркета (бывший)
Джонни Карвер, управляющий и совладелец круглосуточного магазина

Олден Динсмор, владелец молочной фермы
Роджер Кильян, владелец птицефермы
Лисса Джеймисон, городской библиотекарь
Клер Макклэтчи, мать Пугала Джо
Элва Дрейк, мать Бенни
Коротышка Норман, торговец антиквариатом
Бренда Перкинс, жена чифа Перкинса
Джулия Шамуэй, владелица и редактор местной газеты
Тони Гуэй, спортивный репортер
Пит Фримен, новостной фотограф
Сэм Вердро по прозвищу Бухло, городской пьяница

Приезжие

Элис и Эйден Эпплтон, сироты Купола («сиркупы»)
Терстон Маршалл, литератор с медицинскими навыками
Каролин Стерджес, аспирантка

Собаки, упоминаемые в книге

Горас, корги Джулии Шамуэй

Кlover, немецкая овчарка Пайпер Либби
Одри, золотистый ретривер Эвереттов

Самолет и лесной сурок

1

С высоты двух тысяч футов, на которой проходил учебный полет Клодетт Сандерс, городок Честерс-Милл, поблескивая в утреннем солнышке, казался некоей вещицей, только что смастеренной и поставленной на землю. Автомобили катили по Главной улице, подмигивая солнечными зайчиками. Острый шпиль церкви Конго, казалось, пронзал безоблачное небо. Солнечная дорожка бежала по поверхности реки Престил-Стрим, когда «Сенека-V» пролетал над ней: и самолет, и вода пересекали город по одной диагонали.

– Чак, кажется, я вижу двух мальчишек около моста Мира! Они ловят рыбу! – Клодетт от переполнявшей ее радости рассмеялась. Возможность учиться пилотированию она получила благодаря своему мужу, первому члену городского управления. И пусть Энди считал, что Бог дал бы человеку крылья, если б хотел, иной раз он прислушивался к мнению других, и в конце концов Клодетт удалось добиться своего. Она с самого первого занятия наслаждалась полетом. Но сегодня наслаждение переросло в восторг. Впервые Клодетт действительно поняла, почему летать – прекрасно. Почему летать – круто!

Чак Томпсон, ее инструктор, мягко коснулся ручки управления, указал на приборную панель:

– Я в этом уверен, но держи самолет ровнее, Клоди, идет?

– Извини, извини.

– Ничего страшного.

Он уже много лет учил людей летать, и ему нравились такие ученики, как Клодетт, постоянно стремящиеся узнать что-нибудь новенькое. Очень скоро ее увлечение могло обойтись Энди Сандерсу в приличную сумму: Клодетт влюбилась в «сенеку» и уже высказала желание приобрести точно такой же самолет, только новый. Подобная покупка тянула на миллион долларов. Пожалуй, не стоило считать Клодетт Сандерс совсем уж избалованной, но она, бесспорно, отдавала предпочтение дорогим вещам. Впрочем, счастливчику Энди, похоже, не составляло труда удовлетворять ее капризы.

Чак также любил такие дни: неограниченная видимость, полное отсутствие ветра, идеальные условия для обучения. Тут «сенека» стал чуть покачиваться, словно Клодетт чрезмерно реагировала на любое отклонение от курса.

– Ты отвлекаешься, не надо. Выходи на курс один-двадцать. Полетим вдоль Сто девятнадцатого шоссе. И спустись до девянтисот футов.

Она выполнила указанный маневр, и «сенека» практически перестал покачиваться. Чак расслабился.

Они пролетели над «Салоном подержанных автомобилей

Джима Ренни», а потом город остался позади. С обеих сторон шоссе тянулись поля, листва деревьев пылала под яркими лучами солнца. Крестообразная тень «сенеки» скользила по асфальту, одно темное крыло на мгновение накрыло человека с рюкзаком на спине, шагающего по обочине. Мужчина-муравей поднял голову, помахал рукой. Чак ответил тем же, пусть и знал, что снизу его не увидишь.

– *Обалденно* прекрасный день! – воскликнула Клоди.

Чак рассмеялся.

Жить им оставалось сорок секунд.

Лесной сурок неуклюже ковылял по обочине шоссе номер 119, направляясь в сторону Честерс-Милла. От города его отделяли еще полторы мили, «Салон подержанных автомобилей Джима Ренни» подмигивал солнечными зайчиками в том месте, где дорога уходила влево. Сурок планировал (насколько сурки могли что-либо планировать) свернуть в лес задолго до того, как поравнялся бы с салоном, но пока обочина его вполне устраивала. Он ушел от норы гораздо дальше, чем собирался, но солнце приятно согревало спину, а в нос били бодрящие запахи, вызывая заманчивые образы в его мозгу.

Сурок остановился и на несколько секунд поднялся на задние лапки. Зрение с годами, конечно, ухудшилось, но он все равно сумел разглядеть человека, который шагал навстречу по противоположной обочине.

Сурок решил, что стоит пройти чуть дальше. Люди иной раз оставляли за собой вкусную еду.

Он прожил на свете немало лет и изрядно растолстел. За свою жизнь сурок излазил множество баков с пищевыми отходами, а дорогу к свалке Честерс-Милла знал так же хорошо, как все три тоннеля в собственной норе: на мусорке всегда удавалось чем-нибудь поживиться. Он вразвалочку двинулся дальше походкой всем довольного старичка, наблюдая

за человеком, приближающимся к нему по другой обочине.

Человек остановился. Сурок осознал, что его засекли. Справа и чуть впереди лежала береза. Сурок решил, что спрячется под ней, дождется, пока человек уйдет, а потом обследует обочину на другой стороне дороги в поисках...

Сурок успел подумать о возможной находке и сделать еще три шага вразвалочку, хотя его уже разрезало пополам. Потом он упал на бок. Хлынула кровь, внутренности вывалились в дорожную пыль; задние лапки дважды быстро дернулись, потом застыли.

Последняя мысль, которая приходит перед тем, как нас накрывает темнота, у сурков та же, что и у людей: *Что произошло?*

На всех дисках приборной панели стрелки свалились на ноль.

– Какого черта?! – Клоди Сандерс повернулась к Чаку. Ее глаза широко раскрылись, в них читалось недоумение – но не паника. Паника появиться просто не успела.

Чак хотел было взглянуть на приборную панель, но тут увидел, как сплющивается нос «сенеки». Потом увидел, как отваливаются пропеллеры.

А больше увидеть ничего не успел. Потому что времени не осталось. Самолет взорвался над шоссе номер 119 и, пылая, обрушился на землю. Вместе с его осколками падали и куски человеческих тел. Дымящаяся рука Клодетт с глухим стуком приземлилась рядом с аккуратно располовиненным лесным сурком.

Происходило это двадцать первого октября.

Барби

1

Настроение Барби начало подниматься, как только он миновал «Мир еды» и оставил за спиной центр города. Когда же Барби увидел щит с надписью: «ВЫ ПОКИДАЕТЕ ГОРОД ЧЕСТЕРС-МИЛЛ. ВОЗВРАЩАЙТЕСЬ ПОСКОРЕЕ!» – ему стало совсем хорошо. Он радовался, что снова в пути, ведь в Милле ему крепко досталось. Как минимум две последние недели тучи над ним сгущались, а закончилось все дракой на автомобильной стоянке у «Дипперса». Да и грядущие перемены сами по себе придавали Барби бодрости.

– В сущности, я всего лишь бродяга, – изрек он и рассмеялся. – Бродяга, шагай напрямиком в Биг-Скай³. И почему нет, черт побери? Монтана! Или Вайоминг! Даже Рэпид-мать-его-Сити в Южной Дакоте. Куда угодно, лишь бы уйти отсюда.

Он услышал приближающийся шум двигателя, развернулся – теперь шагая спиной вперед – и вытянул руку с поднятым большим пальцем. Увидел очаровательную комбинацию: старый грязный «форд-подвези-меня» и свеженькая,

---

³ Биг-Скай – горнолыжный курорт в штате Монтана.

юная блондинка за рулем. *Пепельная* блондинка, которых он ставил выше любых других блондинок. Барби изобразил самую обворожительную улыбку. Девушка, что сидела за рулем «подвези-меня», ответила тем же, и, Господи, он съел бы последний чек, полученный в «Эглантерии», если она прожила хоть на день больше девятнадцати годков. Слишком молодая для джентльмена тридцати лет, но с которой уже все можно, как говорили в кукурузной Айове его юности.

Пикап притормозил, Барби уже направился к нему... а потом автомобиль вновь набрал скорость. Проезжая мимо, девушка бросила на Барби еще один короткий взгляд. Улыбка осталась, но теперь в ней уже читалось сожаление. *Меня вдруг переклинило*, говорила эта улыбка, *но теперь здравый смысл вернулся на свое место.*

Барби подумал, что узнал ее, но с уверенностью утверждать не мог: в воскресенье утром «Эглантерия» более всего напоминала дурдом. Но Барби полагал, что видел ее с мужчиной постарше, вероятно, ее отцом, и они оба сидели, уткнувшись в воскресную «Таймс». Если б он мог обратиться к ней, когда она проезжала мимо, то сказал бы: *Если ты доверилась мне, съев поджаренную мной яичницу с колбасой, то вполне можешь довериться и в другом: посадить меня на пассажирское сиденье и подвезти на несколько миль.*

Но само собой, шанса такого ему не представилось, и он просто вскинул руку, как бы говоря: *Я не в обиде.* Тормозные огни пикапа вспыхнули, словно она передумала. Но тут же

погасли, и автомобиль укатил, набирая скорость.

В последующие дни, когда ситуация в Милле начала меняться от плохого к худшему, Барби вновь и вновь проигрывал в памяти этот эпизод, случившийся под теплым октябрьским солнышком. Он думал о той мгновенной вспышке тормозных огней... будто она все-таки узнала его. *Да это же повар из «Эглантерии», я почти уверена. Может, мне надо...*

Но «может» — это пучина, в которую проваливались и более достойные люди, чем он. Если бы девушка действительно передумала, в его жизни изменилось бы все. Но он больше не видел блондинку с юным личиком, сидевшую за рулем старого грязного фордовского пикапа «Ф-150». Должно быть, она пересекла границу Честерс-Милла за считанные минуты (а то и секунды) до того, как граница эта закрылась. Будь он рядом с ней, то оказался бы вне города и на свободе.

Если бы только, позднее размышлял Барби, когда не мог уснуть, остановка не отняла бы много времени. Секундное дело, и меня бы здесь не было. И ее тоже. Потому что на Сто девятнадцатом шоссе разрешалось ехать со скоростью пятьдесят миль в час. А при скорости пятьдесят миль в час...

Тут мысли его всегда возвращались к самолету.

Самолет пролетел над ним сразу после того, как он миновал «Салон подержанных автомобилей Джима Ренни», место, к которому Барби не питал добрых чувств. Нет, он не купил здесь какую-то развалюху (больше года обходился без машины, последнюю продал в Пунта-Горде, штат Флорида). Просто Джим Ренни-младший был одним из тех парней на парковке у «Дипперса». Студентик, пытающийся кому-то что-то доказать, а если в одиночку доказать не получалось, то доказывал вместе с большой компанией. И по собственному опыту Барби знал, что такая уж манера у всех Джимов-младших этого мира.

Но теперь все осталось позади. «Салон подержанных автомобилей Джима Ренни», Джим-младший, «Эглантирия» («Жареные моллюски – наш конек. Всегда *целые* – никогда кусочками»), Энджи Маккейн, Энди Сандерс. Все-все, включая «Дипперс» («Избиения на парковках – наш конек»). Все позади. А впереди что? Ну как же, ворота в Америку. Прощай, Мэн, с его маленькими городишками, привет, Большое Небо⁴!

Или может, черт побери, опять податься на юг? Каким бы прекрасным ни выдался этот конкретный день, зима затаилась за одним или двумя листочками календаря. А на юге,

---

⁴ В оригинале: Big Sky – большое небо (англ.).

возможно, очень даже ничего. Он никогда не бывал в Масл-Шоулсе⁵. Это чертовски поэтично, Масл-Шоулс! Идея так вдохновила его, что он, услышав шум приближающегося к нему маленького самолета, вскинул голову и энергично помахал рукой. Надеялся, что в ответ самолет покачает крыльями, но просчитался, хотя полет проходил на небольшой скорости и на малой высоте. Барби предположил, что в самолете туристы – день просто создан для них, – или за штурвалом какой-нибудь молодой парнишка с лицензией ученика, слишком боящийся напортачить и вообще не обращающий внимания на рожденных ползать, таких, как Дейл Барбара. Но он пожелал им счастливого пути. Туристам, любующимся красотами природы, или парнишке, которого от первого самостоятельного полета отделяли еще шесть недель, Барби пожелал счастливого пути. День ему нравился и становился лучше с каждым шагом, уносящим его от Честерс-Милла. Слишком много говнюков в Милле, а кроме того, путешествия благодатно влияют на душу.

Может, переезд в октябре надо возвести в ранг закона, подумал Барби. Новый национальный девиз: «ВСЕ УХОДЯТ В ОКТЯБРЕ». Берешь разрешение на переезд в августе, в середине сентября подаешь положенное заявление об увольнении. Потом...

Он остановился. Впереди, не так уж и далеко, на обочине с другой стороны шоссе, увидел лесного сурка. Чертовски

---

⁵ Масл-Шоулс – город в штате Алабама.

толстого. С блестящей шерстью, да еще и нахального. Вместо того чтобы юркнуть в высокую траву, сурок продолжал идти вперед. Верхушка упавшей березы лежала на обочине, и Барби мог поспорить, что сурок шмыгнет под нее и будет ждать, пока большой плохой Двухногий минует его. Если нет, они пройдут мимо друг друга, как двое бродяг, коими они и являлись, один, о четырех ногах, направится на север, второй, о двух, — на юг. Клево, однако.

Мысли эти пролетели в голове Барби за считанные секунды; тень самолета еще находилась между ним и сурком — черный крест, бегущий по асфальту. А потом практически одновременно произошли два события.

Первое касалось сурка. Только что он был единым целым. А тут разделился на две части. Обе дергались и исходили кровью. Барби остановился, нижняя челюсть отвисла, словно удерживающие ее мышцы внезапно растянулись до предела. Создавалось ощущение, что на сурка опустился нож невидимой гильотины.

И тут же, прямо над разрезанным сурком, взорвался самолет.

Барби посмотрел вверх. С неба падала расплющенная версия самолета из Мира Бизарро⁶, красивого маленького самолета, который пролетел над ним чуть раньше. Скрученные оранжево-красные лепестки огня плясали над аэропланом, и цветок этот все еще распускался – роза «Американская беда»⁷. Из падающего самолета вырывались клубы дыма.

Что-то ударилось о дорогу и вышибло из нее кусочки асфальта, прежде чем, раскачиваясь, укатиться в высокую траву за левой обочиной. Пропеллер.

Если бы он покатился на меня...

Барби представил себе, как его разрезает пополам, – то же самое произошло с сурком, – и развернулся, чтобы убежать. Что-то упало перед ним, и он закричал. Но не второй пропеллер – нога мужчины в джинсовой штанине. Крови Барби не увидел, но боковой шов распоролся, открыв белую кожу и курчавые черные волосы.

Ступня отсутствовала.

Барби побежал, судя по ощущениям, будто в замедленной

---

⁶ Мир Бизарро – вымышленная планета, впервые появившаяся в комиксах в начале 1960-х.

⁷ Роза упомянута в связи с тем, что в 1986 г., выполняя решение конгресса, Рональд Рейган, президент США, объявил розу Национальной цветочной эмблемой Соединенных Штатов Америки.

съемке. Он видел, как одна нога в старом, потертом высоком ботинке выдвигается вперед и опускается. Потом исчезает позади него, и вперед выдвигается вторая нога. Все медленно, медленно. Словно наблюдаешь повтор эпизода бейсбольного матча, когда игрок пытается украсть вторую базу.

Что-то огромное и полое хряпнулось у него за спиной, последовал грохот еще одного взрыва, и тут же от макушки до каблуков его окатило жаром и будто толкнуло вперед горячей рукой. Все мысли пропали, и не осталось ничего, кроме инстинктивного желания выжить.

Дейл Барбара бежал, спасая свою жизнь.

Через сотню ярдов, чуть дальше или чуть ближе, большая горячая рука перестала давить на него, хотя запах горящего бензина – плюс сладковатая вонь плавящегося пластика и поджаривающейся человеческой плоти – оставался сильным: его приносил легкий ветерок. Барби пробежал еще шестьдесят ярдов, остановился, оглянулся. Он тяжело дышал. Не думал, что причина в беге. Он не курил, находился в хорошей форме (ну... относительно, ребра справа болели после драки на автомобильной стоянке у «Дипперса»). Пришел к выводу, что причина в обуявшем его ужасе. Его могли убить падающие обломки самолета – не только катящийся пропеллер, – или он мог сгореть заживо. И такого не случилось лишь благодаря слепому случаю.

Потом от увиденного учащенное дыхание перехватило. Он не отрывал глаз от места катастрофы. Дорогу засыпало обломками – оставалось только удивляться, что его ничем не пришибло; более того – даже не ранило. Перекрученное крыло лежало справа; второе крыло торчало из высокой нескошенной тимофеевки слева, недалеко от того места, куда укатился пропеллер. Помимо ноги в джинсовой штанине, он видел оторванную руку. Кисть указывала на совершенно изуродованную голову, как бы говоря: *Это моя*. Женскую голову, если судить по волосам. Провода, которые тянулись

параллельно дороге, отрезало. Они лежали на обочине, потрескивая и подергиваясь.

Позади головы и руки лежал изломанный фюзеляж. Барби прочитал: «NJ3». Если были другие буквы и цифры, их оторвало.

И тут его внимание привлекло другое – роза «Беда» исчезла, но огонь в небе оставался. Горел, разумеется, бензин. Но...

Он стекал вниз по воздуху тонкой пленкой. За пленкой и сквозь нее Барби видел сельский пейзаж Мэна – мирный, еще никак не реагирующий, но пребывающий в движении, колышущийся, как воздух над мусоросжигательной печью или бочкой. Создавалось впечатление, будто кто-то плеснул бензин на оконное стекло и поджег его.

Словно под гипнозом – во всяком случае, такое было ощущение – Барби двинулся к месту катастрофы.

Прежде всего у него возникло желание прикрыть части человеческих тел, но не знал чем. Барби видел еще одну ногу (в штанине от зеленых слаксов) и женский торс, угодивший в куст можжевельника. Он мог снять рубашку и накрыть ею женскую голову, а все остальное?

Со стороны Моттона, ближайшего города, расположенного с юга, приближался автомобиль, один из маленьких внедорожников. Он ехал быстро. Кто-то или услышал грохот, или увидел вспышку. Подмога. Слава тебе Господи, подмога! Встав над белой разделительной полосой и держась подальше от огня, который по-прежнему так странно стекал с неба, словно вода по оконному стеклу, Барби замахал руками над головой, снова и снова скрещивая их в большую букву «Х».

Водитель один раз просигналил, давая понять, что все понял, и ударил по тормозам, оставив за собой сорок футов резинового следа. Выскочил на асфальт чуть ли не до того, как маленькая зеленая «тойота» остановилась, крупный, мускулистый мужчина с длинными седыми волосами, торчащими из-под бейс болки Тюленей⁸. Побежал к обочине дороги, намереваясь обогнуть огненный занавес.

– Что случилось?! – прокричал он. – Что тут, нах...

И в этот момент к чему-то приложился. Крепко. Рядом

---

⁸ Имеются в виду «Портлендские тюлени» – бейсбольная команда.

с ним вроде бы ничего не было, но Барби увидел, как нос мужчины свернулся в сторону, словно его сломало. Мужчину отбросило от «ничего», кровь полилась изо рта и из носа, закапала со лба. Он упал на спину, потом сел. Таращился на Барби мутными изумленными глазами, тогда как кровь стекала на рубашку, а Барби таращился на него.

Младший и Энджи

1

Двое мальчишек, которые ловили рыбу около моста Мира, не посмотрели в небо, когда над ними пролетел самолет, а Ренни-младший посмотрел. Он находился в квартале от этих мальчишек, на Престил-стрит, и узнал звук: «Сенек-а-V» Чака Томпсона. Младший посмотрел вверх, увидел самолет и тут же опустил голову: яркий солнечный свет, пробивающийся сквозь листву, резанул по глазам, прострелив голову болью. Опять. В последнее время голова у него болела часто. Иногда лекарства помогали. Случалось, особенно в последние три-четыре месяца, что и нет.

Мигрень – такой диагноз поставил доктор Хаскел. От боли этой голова просто разламывается, а яркий свет боль усиливает, особенно если она еще в зародыше. Иной раз он думал о муравьях, которых, мальчишками, они жгли на пару с Френком Дилессепсом. Берешь увеличительное стекло и фокусируешь луч на насекомых, когда те выползают из муравейника или вползают в него. Результат – фрикасе из муравьев. А теперь, когда головная боль начинала усиливаться, сам его мозг будто становился муравейником, а глаза – двумя одинаковыми увеличительными стеклами.

Ему только двадцать один, и так ему мучиться до сорока пяти, когда, по словам доктора Хаскела, мигрень наконец-то отпустит?

Возможно. Но в то утро головная боль не могла остановить его. Внедорожник «фо-раннер» Генри Маккейна или «приус» Ладонны Маккейн на подъездной дорожке, возможно, остановили бы: в этом случае он скорее всего развернулся бы, потопал домой, принял еще одну капсулу имитрекса и улегся на кровати, задернув шторы и положив на лоб смоченную холодной водой тряпку. Возможно, боль начала бы уходить, а может, и нет. Стоило этим черным паукам уцепиться...

Младший вновь посмотрел вверх, на сей раз сощурившись, приготовившись к встрече с ненавистным светом, но «сенека» уже улетел, и даже гудение двигателей (тоже раздражающее – все звуки раздражали, когда начинался очередной приступ) затихало. Чак Томпсон с парнем или девушкой, косящими под летчика. Младший не имел ничего против Чака Томпсона – едва его знал, – но ему вдруг с детской жестокостью захотелось, чтобы этот ученик Чака напортачил по-крупному и самолет рухнул на землю.

Хорошо бы на отцовский автосалон.

Вновь сильный, до тошноты, укол боли пронзил голову, но он все равно поднялся по ступенькам крыльца дома Маккейнов. Потому что это следовало сделать. Собственно, следовало давно. Энджи нуждалась в уроке.

Но в уроке маленьком. Не выходи из себя.

И тут же он услышал голос матери, будто ее звали. Сводящий с ума, самоуверенный голос: *Младший всегда был вспыльчивым, но теперь он гораздо лучше умеет держать себя в руках. Ведь так, Младший?*

Да. Конечно. Во всяком случае, *умел*. Футбол помог. Но теперь футбола нет. Теперь нет даже колледжа. Вместо них – головные боли. И они превращали его в злобного зверя.

Не выходи из себя.

Нельзя, конечно. Но поговорить надо, болит у него голова или нет.

И возможно, с ней поговорит и его кулак. Как знать? Если Энджи станет хуже, ему, пожалуй, полегчает.

Младший нажал на кнопку звонка.

Энджи Маккейн только что вышла из душа. Надела халат, перетянула пояском, накрутила полотенце на мокрую голову. «Иду!» – громко крикнула она, рысью сбегая по лестнице на первый этаж. Губы изгибались в легкой улыбке. Это Френки; она практически не сомневалась, что это Френки. Наконец-то все начинает налаживаться. А этот мерзкий повар блюд быстрого приготовления (красавчик, но все равно мерзкий) или уехал из города, или уезжает, и родителей дома нет. Соедините первое со вторым, и вы получите знак Божий о том, что все двинулось в правильном направлении. Они с Френки смогут забыть все это дерьмо и вернуться друг к другу.

Она совершенно точно знала, как надо сделать: сначала распахнуть дверь, а потом халат. Прямо сейчас, в ярком свете субботнего утра, когда ее мог увидеть любой прохожий. Конечно, сначала надо убедиться, что это Френки, – она не собиралась вгонять в краску старого толстого мистера Уикера, если бы тот стоял под дверью, принеся посылку или заказное письмо, – но почту обычно приносили где-то через полчаса.

Нет, это Френки. Никаких сомнений.

Она открыла дверь, легкая улыбка сменилась приветственной широкой – может, и зря, поскольку зубы у Энджи

налезали друг на друга, да и размерами соперничали с «Чиклетс»⁹. Одна рука легла на пояс. Но не развязала его. Потому что пришел не Френки, а Младший, и выглядел он таким злобным...

Злобным она видела его и раньше – чего там, много раз – но таким злобным только в восьмом классе, когда Младший сломал руку Дюпре. Тот маленький гомик посмел припереться на городскую баскетбольную площадку и попроситься в игру. И она полагала, что такие же громы и молнии метало лицо Младшего в ту ночь на парковке у «Дипперса», но, разумеется, Энджи там не было, она только об этом слышала. В Милле все об этом слышали. Ее вызывали к чифу Перкинсу, и там сидел тот чертов Барби...

– Младший? Младший, что?..

Тут он влепил ей оплеуху, и мыслительный процесс прервался.

---

⁹ «Чиклетс» – жевательные подушечки.

В первый раз ударил несильно, потому что стоял в дверях и не мог размахнуться; так что бил с полузамаха. Мог и не бить вовсе, по крайней мере не начинать с этого, если б она не улыбнулась во весь рот – Господи, эти зубы, от их вида у него мурашки бежали по коже еще в начальной школе – и если б не назвала Младшим.

Разумеется, в городе все звали его Младшим, он сам о себе думал как о Младшем, но не осознавал, как сильно ненавидит это прозвище, просто до смерти ненавидит, пока не услышал, как оно выскальзывает между пугающих, похожих на надгробия, зубов той сучки, что доставила ему так много неприятностей. Озвученное, слово это пронзило его голову, точно солнечный свет, когда он хотел взглянуть на самолет.

Но для оплеухи с полузамаха получилось неплохо. Энджи пятилась, пока не уперлась в стойку лестничных перил, и полотенце слетело с ее головы. Мокрые каштановые кудряшки зазмеились по щекам, придав ей сходство с горгоной Медузой. Улыбка сменилась изумлением, и Младший увидел струйку крови, побежавшую из уголка рта. Хорошо. Прекрасно. Кровь сучке пущена по заслугам. Слишком много неприятностей она доставила. Не только ему, но и Френки, и Мелу, и Картеру.

В голове зазвучал голос матери: *Не выходи из себя, милый,*

она померла, но по-прежнему давала советы, *урок ей не помешает, но только маленький.*

И наверное, он смог бы ограничиться маленьким уроком, да только халат Энджи распахнулся, и выяснилось, что под ним она – голая. Младший увидел островок темных волос на ее плодильной ферме, ее чертовой зудящей плодильной ферме, которая и была главной гребаной проблемой, и, если на то пошло, из-за этих ферм и возникали все гребаные проблемы этого мира, и боль пульсировала, стучала, бухала, громыхала, грозя развалить его голову. В любой момент она могла взорваться, как термоядерная бомба. И тогда грибовидное облако вырвется из каждого уха, прежде чем взорвется все, что находилось выше шеи, и Ренни-младший сойдет с ума. (Он не знал, что у него опухоль мозга – страдающий одышкой, старый доктор Хаскел даже не рассматривал подобной возможности, не могло такого случиться у совершенно здорового в остальном молодого человека, едва перешагнувшего двадцатилетний рубеж.)

Это утро выдалось неудачным для Клодетт Сандерс и Чака Томпсона; можно сказать, оно выдалось неудачным для всех в Честерс-Милле.

Но лишь некоторым не повезло до такой степени, как бывшей подружке Френка Дилессепса.

Две более или менее связные мысли мелькнули в голове Энджи, когда она привалилась к стойке лестничных перил, посмотрела в выпученные глаза Младшего, увидела, как он кусает язык – кусает так сильно, что зубы в нем утопают.

Он спятил. Я должна позвонить в полицию, прежде чем он покалечит меня.

Она повернулась, чтобы через коридор добраться до кухни, дернуть трубку с настенного телефона, набрать 911, а потом кричать, кричать и кричать. Сделала два шага, зацепилась за свалившееся с головы полотенце. На ногах удержалась – в старшей школе она входила в группу поддержки спортивных команд, так что хорошая координация осталась при ней, – но потерянные секунды дорого ей обошлись. Голову рвануло назад, ноги ушли из-под нее вперед. Младший схватил ее за волосы.

Дернул, прижав к своему телу. Он весь горел, как при высокой температуре. Она почувствовала, как быстро-быстро стучит его сердце, словно убегая от него.

– Лживая сука! – проревел он ей в ухо.

Крик острой болью пронзил ее голову. Она закричала сама, но в сравнении с ним тихо и робко. Потом его руки обхватили талию Энджи, и ее потащило по коридору с невероятной скоростью, так что ковра касались только пальцы ног.

В голове пронеслось, что она – фигурка на капоте бешено мчащегося автомобиля, а потом они оказались на кухне, залитой сверкающим солнечным светом.

Младший закричал вновь. На этот раз не от ярости, а от боли.

Свет убивал, поджаривал вопящий от боли мозг, но Младший не позволил свету остановить его.

Не снижая скорости, он протаранил девушкой кухонный стол с пластмассовым верхом. Стол ударил Энджи в живот, заскользил по полу и врезался в стену. Сахарница, солонка и перечница слетели с него. Воздух разом вырвался из легких Энджи. Одной рукой держа ее за талию, а другой схватившись за мокрые кудряшки, Младший развернул девушку и бросил на холодильник «Колдспот». Она врезалась в его дверцу с такой силой, что чуть ли не все магнетики холодильника посыпались на пол. Упала и Энджи, лицо застыло, стало бумажно-белым. Теперь кровь шла не только из нижней губы, но и из носа, ярко выделяясь на белой коже.

Младший увидел, как ее взгляд метнулся к стойке с ножами на разделочном столике, и, когда она попыталась встать, он ударил ее коленом в лицо, и сильно. Послышался глухой хруст, словно в соседней комнате уронили что-то большое и фарфоровое – скажем, блюдо.

Вот как следовало врезать Дейлу Барбаре, подумал он и отступил назад, прижимая ладони к пульсирующим болью вискам. Слезы наполнили глаза и покатались по щекам. Он сильно прикусил язык, кровь потекла по подбородку и капала на пол, но Младший этого не замечал. Слишком сильно

болела голова.

Энджи лежала лицом вниз на полу среди магнитов с холодильника. Надпись на самом большом гласила: «ЧТО СЕГОДНЯ ПОПАДЕТ В РОТ, ЗАВТРА ПОЯВИТСЯ В ЗАДНИЦЕ». Младший подумал, что Энджи отключилась, но тут ее всю начало трясти. Пальцы дрожали, точно она готовилась сыграть что-то сложное на пианино. Энджи заколотила ногами об пол, так же повели себя и руки. Она будто собиралась от него уплыть. У нее начался припадок.

– Прекрати! – закричал он, но ничего не изменилось. – Прекрати! Прекрати это делать, сука!

Младший упал на колени, ее дергающаяся голова оказалась между ними. Лоб снова и снова стучался об пол, как у погонщика верблюдов, отбивающего поклоны Аллаху.

– Прекрати! Прекрати, твою мать!

Энджи зарычала. На удивление громко. Господи, а если кто-то услышит ее? Если его здесь накроют? Это тебе не объяснение с отцом, почему ты бросил колледж (о чем Младший пока умалчивал). На сей раз дело не ограничилось бы четырехкратным урезанием денег, обычно выдаваемых на месяц, как за драку с поваром (а спровоцировала ее эта никчемная сука Энджи). На сей раз Большой Джим Ренни не сможет уговорить чифа Перкинса и местных легавых. На сей раз...

Перед его мысленным взором внезапно появились мрачно-зеленые стены Шоушенка, тюрьмы штата. Не хотел бы он туда попасть, перед ним лежала целая жизнь. Но ведь мог.

Даже если б сейчас заткнул ей рот, все равно мог. Потому что позже она заговорит. И ее лицо – выглядело оно гораздо хуже, чем лицо Барби после той драки на парковке – заговорит тоже.

Если только не заставить Энджи замолчать навсегда.

Младший схватил девушку за волосы и помог биться лбом о керамические плитки пола в надежде, что она лишится чувств. И тогда он сможет закончить... ну, понятно *что*... Но припадок только усилился. Она начала лупить ногами по «Колдспоту», и оставшиеся на дверце магниты дождем посыпались вниз.

Он отпустил волосы девушки и сжал ей горло. Сказал: – Сожалею, Энджи, не думал, что так выйдет.

Но он не сожалел. Только чуть ли не выл от головной боли и боялся, что ее конвульсии в ярко освещенной кухне никогда не закончатся. Его пальцы начали уставать. Кто бы мог предположить, что это такая тяжелая работа – задушить человека?

Где-то далеко-далеко на юге что-то грохнуло. Будто кто-то выстрелил из очень большой пушки. Младший не обратил на это внимания. Он усилил хватку, и наконец Энджи начала затихать.

Где-то гораздо ближе – в доме, на этом этаже – раздалось тихое позвякивание. Он вскинул голову, широко раскрыв глаза, в полной уверенности, что позвонили в дверь. Кто-то услышал шум и вызвал полицию. Голова разламыва-

лась, он чувствовал, что растянул все пальцы, и выходило, что зря. Младший ясно представил: его везут в суд округа Касл для предъявления обвинения, голова накрыта пиджаком какого-то копа.

И тут Младший узнал этот звук. Точно так же, когда отрубали свет, позвякивал его компьютер, переключаясь на аккумуляторную батарею.

Бинг... Бинг... Бинг...

Бюро обслуживания номеров, пришлите мне в номер, пронеслось у него в голове, и он продолжил душить Энджи. Теперь она лежала недвижно, но Младший не разжимал рук еще минуту, отвернув голову, чтобы не нюхать ее дерьмо. Как это на нее похоже – выдать напоследок такой отвратительный подарочек! Как это похоже на них всех! Женщины! Женщины и их плодильные фермы! Те же муравейники, покрытые волосами! А еще говорят, что все проблемы от *мужчин!*

Он стоял над ее окровавленным, обосранным, безусловно мертвым телом, гадая, что делать дальше, когда далеко на юге вновь что-то грохнуло. Не похожее на выстрел – что-то побольше. Взрыв. Может, красивый маленький самолетик Чака Томпсона все-таки разбился? Такое возможно. В день, когда ты собираешься просто накричать на девицу, – сделать внушение, ничего больше, – а она сама напрашивается на убийство, возможно все.

Завыла полицейская сирена. Младший не сомневался, что едут за ним. Кто-то заглянул в окно и увидел, как он ее душил. Мысль эта его подстегнула. По коридору Младший направился к парадной двери, добрался до полотенца, которое сшиб с головы Энджи первой оплеухой, остановился. Копы же приедут этим путем, именно этим. Встанут перед домом, их новенькие светодиодные мигалки вонзят стрелы боли в визжащую мякоть его несчастного мозга...

Младший развернулся, побежал обратно на кухню. Посмотрел вниз, прежде чем переступить через тело Энджи, не смог не посмотреть. В первом классе он и Френк иногда дергали ее за косички, а она показывала им язык и собирала глаза в кучку. Теперь ее глаза вылезли из орбит, как у древних мраморных статуй, а рот заполняла кровь.

Это сделал я? Неужто я?

Да. Он. И даже одного мимолетного взгляда хватило, чтобы объяснить почему. Ее гребаные зубы. Эти чудовищные зубищи.

Вторая сирена присоединилась к первой, потом третья. Но они удалялись. Слава Иисусу, они удалялись. Патрульные машины мчались по Главной улице в ту сторону, откуда доносились взрывы.

Больше задерживаться в доме Младший не стал. Прокрался через двор Маккейнов, не отдавая себе отчета, что любой, кто случайно увидел бы его (никто не увидел), сразу вынес бы вердикт: виновен. За томатными грядками Ладонны высился дощатый забор. В принципе калитка запиралась на замок, но и на этот раз он висел на засове открытым. В детстве и юности Младшему иногда доводилось бывать здесь, и ни разу он не видел, чтобы калитку запирали.

Младший ее распахнул. К забору подступали заросли кустарника и низкорослых деревьев, через которые тропинка вела к реке Престил-Стрим. Однажды, в тринадцать лет, Младший подсмотрел, как Френк и Энджи стояли на этой тропинке и целовались. Ее руки обвивали его шею, его пальцы тискали ее грудь, и Младший осознал, что детство закончилось.

Он наклонился и блеванул в бегущую воду. Злобные солнечные блики на ее поверхности просто убивали. Потом, когда его зрение прояснилось, Младший взглянул направо, на мост Мира. Рыбачившие мальчишки ушли, два патрульных

автомобиля мчались вниз с холма городской площади.

Загудела городская сирена. Генератор, установленный в здании муниципалитета, включился, как ему и полагалось при прекращении централизованной подачи электроэнергии, и сирена громкими децибелами сообщала всем о постигшей беде. Младший застонал и закрыл уши руками.

Мост Мира представлял собой крытый пешеходный мостик, теперь обветшавший и провисший. На самом деле он назывался Переходом Элвина Честера, но стал мостом Мира в 1969 году, когда какие-то мальчишки (в те времена по городу ходило много слухов о том, кто именно) нарисовали на нем большую синюю «голубиную лапку» – символ мира. Она и теперь оставалась на прежнем месте, только практически выцвела. Мост Мира уже десять лет как закрыли. Полицейские ленты с надписями «ПРОХОД ЗАПРЕЩЕН» крест-накрест перегораживали его с обоих концов, но, разумеется, по нему продолжали ходить. Два или три вечера в неделю шайка легавых чифа Перкинса освещала мост фарами своих автомобилей, всегда с одной или другой стороны, никогда – с обеих сразу. Они не хотели забирать в участок молодняк – выпивавших или обнимавшихся на мосту, ограничивались тем, чтобы шугануть их. Каждый год на городском собрании кто-то вносил предложение о сносе моста Мира, а потом кто-то вносил предложение о его реставрации, и оба предложения оставляли для дальнейшего обсуждения. Создавалось впечатление, что в городе сложился тайный консенсус, кото-

рый заключался в следующем: мост Мира должен оставаться таким, какой он есть.

Сегодня Ренни-младшего это только радовало.

Пошатываясь, он брел по северному берегу Престил-Стрим, пока не оказался под мостом – полицейские сирены затихали, городская ревела так же громко, – а потом поднялся на Страут-лейн.

Посмотрел в обе стороны, быстро прошел мимо щита с надписью «ТУПИК. МОСТ ЗАКРЫТ», поднырнул под скрепленные желтые ленты и юркнул в тень, под навес моста. Солнце просвечивало сквозь дырявую крышу, разбрасывая монеты света по истертым деревянным доскам настила, но – после ослепительного ада той кухни – здесь царила блаженная темнота. Голуби ворковали на стропильных балках. У дощатых стенок валялись пивные банки и бутылки из-под алленовского бренди с кофейным вкусом.

Сухим из воды мне не выйти. Я не знаю, осталась ли у нее под ногтями моя кожа, не могу вспомнить, оцарапала она меня или нет, но моя кровь там точно есть. И мои отпечатки пальцев. Вариантов у меня только два: сбежать или прийти с повинной.

Нет, был и третий. Он мог покончить с собой.

Но сначала надо добраться до дома. Затянуть шторы в спальне. Превратить ее в пещеру. Принять еще капсулу имитрекса, лечь, может, немного поспать. Потом, возможно, он вновь обретет способность думать. А если за ним придут,

когда он будет спать? Ну что же, это избавит его от необходимости выбирать между вариантом № 1, вариантом № 2 и вариантом № 3.

Младший пересек городскую площадь. Когда кто-то – какой-то старик, которого он смутно помнил – схватил его за руку и спросил: «Что случилось? Что происходит?» – Младший лишь покачал головой, освободил руку и пошел дальше.

За его спиной городская сирена выла, как при конце света.

Большаки и проселки

1

В Честерс-Милле выходила еженедельная газета, которая называлась «Демократ». В названии крылась дезинформация, потому что грозная Джулия Шамуэй – издатель и редактор газеты – была закоренелой республиканкой. Шапка газеты выглядела следующим образом:

ЧЕСТЕРС-МИЛЛ

ДЕМОКРАТ

Изд. с 1890 г.

*Служит «маленькому городку,
напоминающему башмак»!*

Но и в девизе не обошлось без дезинформации. Че-

стерс-Милл не напоминал башмак. Куда больше он походил на спортивный носок, такой грязный, что мог стоять сам по себе. Почти соприкасающийся на юго-западе с более крупным и процветающим Касл-Роком (пятка носка), Милл находился в окружении четырех административных единиц, больших по площади, но меньших по численности населения. Город Моттон подступал с юга и юго-востока, Харлоу – с востока и северо-востока, на севере находилась территория Ти-Эр-90, еще не получившая статуса города, на западе – Таркерс-Миллс. Честерс и Таркерс в свое время звались фабриками-близнецами¹⁰, и на пару – когда текстильные предприятия Центрального и Западного Мэна работали на полную мощность – превратили Престил-Стрим в загаженную и лишенную рыбы сточную канаву, вода в которой меняла цвет каждодневно и в зависимости от места. В те дни человек мог спустить каноэ на зеленую воду в Таркерсе, и она стала бы ярко-желтой, пересеки он границу между Честерс-Миллом и Моттоном. Кроме того, краска на каноэ ниже ватерлинии скорее всего облезла бы.

Но последнюю из этих прибыльных и загрязняющих окружающую среду фабрик закрыли в 1979 году. Вода в Престил-Стрим обрела обычный цвет. В реке вновь появилась рыба, но вопрос о том, годится она человеку в пищу или нет, остается открытым («Демократ» голосовал «за»).

---

¹⁰ Mill – фабрика (англ.); то есть Честерс-Милл – Фабрика Честера, а Таркерс-Миллс – Фабрики Таркера.

Численность населения Честерс-Милла менялась в зависимости от сезона. Между Днем поминовения и Днем труда приближалась к пятнадцати тысячам, в остальное время колебалась около двух, в зависимости от соотношения умерших и родившихся в «Кэтрин Рассел», больнице, считавшейся лучшей к северу от Льюистона.

Если бы вы спросили людей, приезжавших в Честерс-Милл на лето, сколько дорог ведет в город, большинство ответило бы, что две: шоссе номер 117, которое уходило к Норуэю и Саут-Пэришу, и шоссе номер 119, пересекавшее центр Касл-Рока по пути к Льюистону.

Те, кто прожил в городе лет десять, смогли бы назвать как минимум на восемь больше, все двухполосные, с твердым покрытием, от Блэк-Ридж-роуд и Дип-Кат-роуд, которые вели в Харлоу, до Претти-Вэли-роуд (да, такой же прелестной, как и название), уходившей на север, в Ти-Эр-90.

Старожилы, отдавшие городу тридцать лет и более, если дать им время подумать (возможно, в подсобке «Магазина Брауна», где еще стояла дровяная печь), назвали бы еще десяток, с разными названиями, от богоугодной (Год-Крик-роуд) до вульгарной (Литл-Битч-роуд), на городских картах помеченных только номерами.

Самым старым жителем Честерс-Милла на тот день, когда появился Купол (его так и называли – День Купола), являлся Клайтон Бресси. Он был также старейшим жителем округа Касл, а потому обладателем трости «Бостон пост». К со-

жалению, Клайтон уже не помнил, что такое трость «Бостон пост»¹¹, и достаточно смутно представлял себе, кто он такой. Иногда принимал свою праправнучку Нелл за жену, умершую сорока годами раньше, и репортеры «Демократа» уже три года как перестали общаться со «старейшим жителем города» (во время последнего интервью на вопрос, в чем секрет его долголетия, Клайтон ответил: «Где мой Христовый обед?»). В старческий маразм он начал впадать после своего сорокового дня рождения, двадцать первого октября ему пошел сто шестой год. Когда-то Клайтон был прекрасным краснодеревщиком, специализировавшимся на комодах, лестничных перилах, декоративных накладках. В последнее время его достижения заключались в другом: съесть пудинг «Джелло», не забив им нос, и изредка добратсья до унитаза, по пути не уронив в штаны с десяток замаранных кровью катышков.

Но в расцвете сил и в здравом уме – скажем, в восемьдесят пять лет – он назвал бы все дороги, ведущие в Честерс-Милл и из него, а общее их число равнялось тридцати четырем. Большинство были грунтовыми, про многие уже забыли, и практически все забытые дороги вились через густой молодой лес, поднявшийся на вырубках, принадлежащих компаниям «Даймонд мэтч», «Континентал пейпер компани» и «Американ тимбер».

---

¹¹ Имеется в виду традиция, возникшая по инициативе газеты «Бостон пост» в 1909 г. Старейшим жителям городов Новой Англии вручали несколько сотен изготовленных на заказ тростей. С 1930 г. трость может получить и женщина.

Незадолго до полудня двадцать первого октября все дороги в мгновение ока перекрыло.

На большинстве из этих дорог не произошло ничего такого выдающегося вроде взрыва «Сенеки-V» или последующей трагедии с лесовозом, но кое-какие неприятности случились. Не могли не случиться. Невозможно обойтись без мелких неприятностей, если вокруг города внезапно возникает нечто, сравнимое с невидимой каменной стеной.

В тот самый момент, когда сурка разрезало на две части, его судьбу повторило пугало, которое стояло на тыквенном поле Эдди Чалмерса, недалеко от Претти-Вэли-роуд. Пугало стояло точно на административной границе между Миллом и Ти-Эр-90. Двойственность его положения всегда забавляла Эдди, и он прозвал своего распугивателя птиц Пугалом без определенного места жительства, или попросту мистером Бомжом. Половина мистера Бомжа упала в Милл, вторая – в Ти-Эр, как называли местные эту территорию.

Несколькими секундами позже вороны, стая которых направлялась к тыквам Эдди (ворон мистер Бомж совершенно не пугал), ударились обо что-то такое, чего раньше там не было. Большинство сломали шеи и черными комками попадали на Претти-Вэли-роуд и на поля по обе ее стороны. Собственно, птицы везде, внутри Купола и снаружи, бились об него и падали мертвыми; их тела стали одним из способов определения местоположения этой новой преграды.

Боб Ру копал картофель возле Год-Крик-роуд. Он возвращался домой на ленч (в тех местах его обычно называют обедом), сидя на стареньком тракторе «дир» и слушая новехонький айпод, подарок жены на его, как выяснилось, последний день рождения. Дом Боба находился в какой-то полумиле от поля, где он копал картофель, но, к несчастью для него, поле было в Моттоне, а дом – в Честерс-Милле. Трактор врезался в барьер на скорости пятнадцать миль в час. Боб в это время слушал песню Джеймса Бланта «Ты прекрасна». За руль он, можно сказать, и не держался, видел, что дорога пустынна до самого его дома. Поэтому, когда трактор резко остановился, наткнувшись на преграду, картофелекопалка, которую он тащил за собой, подпрыгнула, а потом грохнулась вниз. Боб перелетел через двигательный отсек трактора и врезался в Купол. Айпод взорвался в широком нагрудном кармане его комбинезона, но Боб этого уже не почувствовал. Он сломал шею и раздробил череп о ничто, с которым столкнулся, и вскоре умер на земле около одного из высоких колес его трактора, которое продолжало вращаться. Сами знаете, ничто не работает так долго, как «дир».

Моттон-роуд на самом деле границу Моттона нигде не пересекала, целиком и полностью находилась в пределах Честерс-Милла. Рядом с ней построили новый жилой район, который где-то с 1975 года начали называть Истчестером. Принадлежали эти дома в основном тридцати- и сорокалетним, которые по будням мотались в Льюистон-Обурн, где получали хорошие деньги, занимая беловоротничковые должности. Все эти дома стояли в Милле, но у многих дворы захватывали и часть территории Моттона. В частности, выше-сказанное относилось и к участку Джека и Майры Эванс, проживавших по адресу 379, Моттон-роуд. Майра разбила за домом огород, и хотя уже собрала практически весь урожай, на грядке еще остались несколько увесистых кабачков «голубой хаббард», которые лежали за парой сгнивших тыкв. Майра тянулась к одному из кабачков в тот самый момент, когда опустился Купол, и, хотя колени ее оставались в Честерс-Милле, кабачок лежал уже в Моттоне, примерно в футе от административной границы.

Она не закричала, потому что боли не почувствовала – во всяком случае, сначала. Кисть срезало очень уж резко и чисто.

Джек Эванс на кухне сбивал яйца для полуденного омлета. Играла «Эл-си-ди саундсистем» – трек «Североамери-

канская пена», – и Джек подпевал. Когда услышал тихий голос, произнесший его имя у него за спиной, в первое мгновение и не понял, что это голос жены, с которой он прожил четырнадцать лет. Но, обернувшись, увидел, что звала действительно Майра. Она стояла, переступив порог кухни и прижимая правую руку к телу. На полу за ней тянулся земляной след, чего раньше никогда не бывало. Обувь, в которой она работала в огороде, Майра обязательно оставляла на крыльце. Ее левая рука в грязной садовой перчатке зажимала правую руку, и что-то красное текло сквозь грязные пальцы. Сначала ему показалось, что это клюквенный сок, но только на секунду: Джек понял, что это кровь. Выронил стеклянную миску, которую держал в руках. Она разбилась об пол.

Майра вновь произнесла его имя, тем же тихим, дрожащим, детским голоском.

– Что случилось? Майра, что с тобой?

– У меня беда. – Она показала правую руку. Только грязная садовая перчатка, такая же, как на левой руке, отсутствовала. Как и правая кисть. Рука заканчивалась фонтанирующим обрубок. Она чуть улыбнулась и выдохнула: – Ох! – Затем ее глаза закатились. Промежность джинсов, в которых она работала в саду, потемнела от полившейся мочи. Колени подогнулись, она упала. Кровь продолжала хлестать из обрубка – по срезу студенты могли изучать анатомию, – смешиваясь на полу с яичной массой, которую Джек сбивал в

миске.

Когда он упал на колени рядом с женой, осколок миски глубоко вонзился ему в колено. Джек этого даже не заметил, хотя остался хромым на всю оставшуюся жизнь. Он схватил руку жены и сжал предплечье. Поток крови сбавил напор, но не прекратился. Джек вырвал брючный ремень из петель и затянул на предплечье Майры. Кровотечение остановилось, но он не мог закрепить ремень: дырочки под такой маленький диаметр не было.

– Господи, – сказал он пустой кухне. – Господи!

Только тут обратил внимание, что на кухне потемнело. Отключилось электричество. Из кабинета донеслось позвякивание: компьютер подавал сигнал бедствия. «Эл-сиди саундсистем» продолжала играть, потому что маленький проигрыватель работал на батарейках. Впрочем, Джека это не волновало: он потерял вкус к техно.

Как много крови, как много.

Вопроса, как она лишилась руки, даже не возникло. Хватало и других, более насущных проблем. Он не мог отпустить ремень, чтобы добраться до телефона: снова полилась бы кровь, а Майра и так потеряла ее слишком много. Значит, жену надо брать с собой. Он попытался тащить ее за рубашку, но сначала она вылезла из джинсов, а потом воротник начал душить Майру – Джек услышал, как жена захрипела. Поэтому обмотал руку ее длинными каштановыми волосами и потащил к телефону, на манер какого-нибудь троглодита.

Мобильник, само собой, работал. Он набрал 911 и услышал короткие гудки: занято.

– Быть такого не может! – прокричал Джек пустой кухне, где теперь не горел свет (хотя по-прежнему играла музыка). – Девятьсот одиннадцать не может быть занят, твою мать!

Он нажал кнопку повторного набора.

Занято.

Он сидел в кухне, привалившись спиной к дверцам шкафчика, как мог, крепко перетягивал ремнем руку жене, смотрел на кроваво-яичную жижу на полу, периодически нажимал на кнопку повторного вызова, в ответ всегда слышал в трубке это дурацкое пик-пик-пик. Что-то взорвалось не так уж и далеко, но он едва расслышал грохот сквозь музыку, ставшую уж слишком громкой (взрыва «сенеки» он не услышал вовсе). Джек хотел выключить музыку, но, чтобы добраться до проигрывателя, следовало поднять Майру. Поднять ее или отпустить ремень на две-три секунды. Не нравилось ему ни первое, ни второе. Вот он и сидел, тогда как «Северо-американская пена» сменилась «Кем-то великим», а эта песня уступила место «Всем моим друзьям». Потом последовали еще несколько треков, и наконец компакт-диск, который назывался «Звук серебра», закончился. Когда это случилось, наступила тишина, нарушаемая только далеким воем полицейских сирен и близким беспрерывным позвякиванием компьютера. Тут Джек осознал, что жена его больше

не дышит.

Но я собирался приготовить ленч. Вкусный ленч, на который не стыдно пригласить и Марту Стюарт¹².

Сидя у шкафчика и по-прежнему держа ремень (как выяснилось позже, разжимание пальцев оказалось весьма болезненной процедурой), с правой штаниной, потемневшей от крови, текущей из разрезанного колена, Джек Эванс прижал голову жены к груди и заплакал.

---

¹² Марта Стюарт (р. 1941) – знаменитая телеведущая, обожаемая американцами «богиня стиля» и гуру ведения домашнего хозяйства.

Неподалеку от дома Эвансов, на заброшенной лесной дороге, которую не вспомнил бы даже старый Клай Брэсси, олень объедал нежные побеги на краю Престильского болота. Так уж вышло, что за очередным побегом он потянулся на сторону Моттона, и когда возник Купол, голову оленю отрезало, так аккуратно, словно его гильотинировали.

Мы совершили экскурсию по носкообразному контуру, который являл собой административную границу Честерс-Милла, и вернулись на шоссе номер 119, где, спасибо магии повествования, ни секунды не прошло с того мгновения, как мужчина лет шестидесяти, выскочивший из «тойоты», впечатался лицом во что-то невидимое, но очень прочное и сломал нос. Он сидит и в полнейшем замешательстве тарашится на Дейла Барбару. Морская чайка, летевшая по привычному маршруту от отменного салат-бара на городской свалке Моттона к чуть менее отменному салат-бару на городской свалке Честерс-Милла, камнем падает вниз и приземляется в каких-то трех футах от бейсболки Тюленей, принадлежащей мужчине лет шестидесяти. Тот подбирает бейсболку, отряхивает от пыли, надевает на голову.

Он и Дейл смотрят вверх, откуда свалилась чайка, и снова видят нечто непостижимое. Впрочем, непостижимого будет в этот день просто навалом.

Прежде всего Барби подумал, что наблюдает некий послеобраз взорвавшегося самолета – так иногда видишь большую синюю плавающую точку, если чья-то фотовспышка срабатывает рядом с твоим лицом. Только он увидел не точку, и не синюю, и она не поплыла, когда Барби посмотрел в другую сторону – в данном случае на нового знакомого. Грязное пятно осталось висеть в воздухе в том самом месте, где и висело, когда Дейл заметил его.

Тюлень посмотрел вверх и потер глаза. Он вроде бы забыл про сломанный нос, раздувшиеся губы и кровоточащий лоб. Встал, чуть не свалился вновь, поскольку слишком уж закидывал голову назад.

– Что это? Что это, черт побери, такое?! – Большое черное пятно – по форме похожее на пламя свечи, если напрямчь воображение, пачкало синее небо. – Это... облако? – Сомнение в голосе Тюленя предполагало, что ответ он и так знает: нет.

– Я думаю... – Барби замолчал. Не хотелось ему слышать произнесенные далее слова. – Я думаю, это место, где ударился самолет.

– Что вы говорите? – переспросил Тюлень, но, прежде чем Барби успел ответить, приличных размеров гракл пролетел над ними на высоте пятидесяти футов. Он вроде бы ни обо что не ударился – во всяком случае, они не увидели, обо что

гракл ударился – и упал недалеко от чайки. – Вы это видели?

Барби кивнул, потом указал на полоску горящего сена слева от него. От этой полоски и от двух-трех по правую сторону шоссе поднимались столбы густого дыма, который смешивался с дымом, шедшим от обломков «сенеки», но зона горения особо не расширялась: днем раньше прошел сильный дождь, и сено еще не подсохло. Повезло, иначе травяной пожар быстро распространялся бы в обоих направлениях.

– Вы *это* видели? – спросил Барби Тюленя.

– Ну и дерьмо! – Тюлень окинул долгим взглядом окрестности.

Огонь уже выжег участок земли примерно в шестьдесят квадратных футов и продвигался дальше, пока не поравнялся с тем местом, где Барби стоял напротив Тюленя. Продолжил неспешное распространение – на запад к обочине шоссе, на восток по четырем акрам пастбища, принадлежащим владельцу молочной фермы, – не беспорядочно, как обычно продвигается травяной пожар, когда огонь бросается то в одну сторону, то внезапно в другую, а ровно, будто по линейке.

Еще одна чайка летела к ним, на этот раз направляясь в Моттон, а не к Миллу.

– Осторожно! – Тюлень указал на чайку. – Берегитесь птицы.

– Может, все обойдется. – Барби поднял голову, прикрыл ладонью глаза. – Может, это что-то останавливает их, если только они летят с юга.

– Сомневаюсь я, судя по разбившемуся самолету. – Тюлень говорил тоном человека, пребывающего в глубоком недоумении.

Чайка, летевшая от Милла, ударилась о барьер и рухнула на самый большой обломок горящего самолета.

– Останавливает с обеих сторон. – Тюлень, похоже, только что получил веское подтверждение ранее не доказанного предположения. – Это какое-то силовое поле, как в «Стар трюке».

– *Треке*, – машинально поправил его Барби.

– В чем?

– Черт! – Барби смотрел за спину Тюленя.

– Что? – Тот оглянулся. – Вот дерьмо!

К ним приближался лесовоз. Большой, загруженный выше разрешенного предела гигантскими бревнами. И мчался он, заметно превышая разрешенную скорость. Барби попытался прикинуть, каким должен быть тормозной путь у этого бегемота, но даже представить себе не смог.

Тюлень рванул к «тойоте», припаркованной под углом на прерывистой разделительной линии. Парень, который сидел за рулем лесовоза, может, закинувшийся таблетками, может, обкурившийся, может, просто молодой, куда-то очень спешащий и полагающий себя бессмертным, увидел Тюленя и нажал на клаксон. Не сбавляя скорости.

– Чтоб тебя! – Тюлень прыгнул за руль. Завел двигатель и задним ходом попытался убрать «тойоту» с дороги, даже

не закрыв водительской дверцы. Маленький внедорожник съехал в кювет, задрав квадратный нос к небу. В следующее мгновение Тюлень уже выскочил из кабины. Споткнулся, упал на одно колено, поднялся и побежал в поле.

Барби, думая о самолете, птицах, думая о странном черном пятне, возможно, в месте удара самолета о невидимое препятствие, тоже побежал, только на пастбище, через небольшие, вялые языки пламени, поднимая облачка черного пепла. Увидел кроссовку – слишком большую для женской – с торчащей из нее мужской ногой.

Пилота, подумал он. *Надо мне перестать бегать, как зайцу.*

– Идиот, тормози! – крикнул Тюлень водителю лесовоза тонким, паническим голосом, но с инструкциями припозднился.

Барби, оглядываясь через плечо (не мог заставить себя удержаться), подумал, что водитель этой громадины в последний момент, возможно, придавил педаль тормоза. Вероятно, увидел обломки самолета. Но разумеется, результата это не дало. Лесовоз врезался в сторону Купола, обращенную к Моттону, на скорости шестьдесят миль в час, а то и больше, при этом вес бревен составлял порядка сорока тысяч фунтов. Кабину при столкновении смяло в лепешку. Грузенный прицеп, подчиняясь законам физики, продолжал двигаться вперед. Топливные баки тащило под бревнами, рвало в клочья, металл искрил. Когда баки взорвались,

бревна уже поднялись в воздух, летели над тем, что недавно было кабиной, а теперь превратилось в зеленый металлический аккордеон. Бревна, которые инерция тянула вперед и вверх, ударились о невидимый барьер и разлетелись уже во всех направлениях. К небу густо взметнулся огонь и черный дым. Жуткий грохот прокатился по окрестностям, как громадный валун. Бревна дождем падали на землю со стороны Моттона, приземляясь на шоссе и окружающие поля, словно громадные соломинки. Одно стукнуло по крыше внедорожника, принадлежащего Тюленю, и продавило ее. Ветровое стекло выплеснулось на капот фонтаном осколков. Другое бревно упало перед самым Тюленем.

Барби уже не бежал – только смотрел.

Тюлень отпрянул, упал, уставился на бревно, которое едва не лишило его жизни, поднялся. Постоял, покачиваясь, с округлившимися от ужаса глазами.

Барби направился к нему и через двенадцать шагов наткнулся, как ему показалось, на кирпичную стену. Отшатнулся, почувствовав, как теплая жидкость течет из носа по губам. Смахнул полную ладонь крови, посмотрел на руку, не веря своим глазам, потом вытер ладонь о рубашку.

Теперь автомобили подъезжали с двух направлений, из Моттона и из Честерс-Милла. Три фигурки, пока еще маленькие, бежали по пастбищу от фермерского дома на другом его краю. Несколько водителей жали на клаксоны, словно гудки каким-то образом могли решить все проблемы.

Первый автомобиль, подъехавший из Моттона, свернул на обочину достаточно далеко от горящего лесовоза. Две женщины вылезли из кабины и, прикрыв глаза ладонями, уставились на столбы огня и дыма.

– Твою мать, – едва слышно выдохнул Тюлень. Он направлялся к Барби через поле, держась подальше от погребального костра.

Водитель, возможно, перегрузил лесовоз и ехал слишком быстро, подумал Барби, но по крайней мере похороны он себе устроил, как викинг.

– Вы видели, куда упало одно бревно? Я чуть не обделался. Оно могло раздавить меня, как жука.

– У вас есть мобильник?! – Барби пришлось возвысить голос, чтобы перекрыть треск горящего лесовоза.

– В машине. Если хотите, попробую его достать.

– Нет, подождите. – Барби вдруг подумал с облегчением, что все это, возможно, сон, иррациональный сон, в котором езда под водой на велосипеде или разговор о своей сексуальной жизни на незнакомом для тебя языке воспринимаются как само собой разумеющееся.

С его стороны барьера первым подъехал толстячок на старом пикапе «джи-эм-си». Барби мужчину узнал – помнил по «Эглантерии»: Эрни Кэлверт, бывший управляющий «Мира еды», ныне на пенсии. Эрни во все глаза смотрел на пожар на дороге, но при этом держал мобильник в руке и что-то в него наговаривал. Барби мало что слышал из-за треска огня, но смог разобрать: «Похоже, дело серьезное», – и предполо-

жил, что Эрни говорит с полицией. Или с пожарными. Если с пожарными, Барби надеялся, что из Касл-Рока. В маленьком пожарном депо Честерс-Милла стояли две машины, но Барби полагал, что тушить им придется, если они таки придут, только травяной пожар, который не разгорался, а уже гас сам по себе. Лесовоз горел буквально на расстоянии вытянутой руки, но Барби сомневался, что здешним пожарным удалось бы до него добраться.

Это сон, сказал он себе. Если на этом настаивать, то сможешь хоть как-то функционировать.

К двум женщинам со стороны Моттона присоединилось с полдюжину мужчин, тоже прикрывавших глаза ладонями. Автомобили теперь стояли на обеих обочинах. Новые люди подъезжали и присоединялись к толпе. То же самое происходило и на стороне Барби. Создавалось впечатление, что на дороге расположились два конкурирующих блошиных рынка – полные выгодных предложений, – которые разделяла граница. Один со стороны Моттона, второй – Честерс-Милла.

Прибыла троица с фермы – сам фермер и двое его сыновей-подростков. Мальчикам бег дался легко, фермер же покраснел и задыхался.

– Вот дерьмо! – воскликнул старший сын и тут же схлопотал от отца подзатыльник, которого, судя по всему, и не заметил. Глаза его вылезли из орбит. Младший брат протянул ему руку, а когда старший взял ее, начал плакать.

– Что здесь произошло? – спросил фермер Барби, сделав глубокий вдох между *здесь* и *произошло*.

Барби вопрос проигнорировал. Он медленно двинулся к Тюленю, выставив перед собой правую руку. Тюлень, поняв его без слов, ответил тем же. Приближаясь к тому месту, где находился барьер (определить его труда не составляло – там прямой линией обрывалась сгоревшая трава), Барби замедлил шаг. Он уже приложился к барьеру физиономией. Повторения не хотелось.

Внезапно все его тело покрылось гусиной кожей. Мурашки побежали вверх от лодыжек до шеи, и он почувствовал, как на затылке шевелятся и встают дыбом волосы. Яйца зазвенели, как камертон, и на мгновение во рту появился металлический привкус.

В пяти футах от него – в пяти футах, которые постепенно сокращались – глаза Тюленя, и без того широко раскрытые, раскрылись еще шире.

– Вы тоже почувствовали?

– Да. Но теперь это ушло. А у вас?

– Ушло, – кивнул Тюлень.

Их вытянутые вперед руки не соприкоснулись, и Барби вновь подумал о стеклянной панели: ты прикладываешь к ней руку изнутри, твой приятель – снаружи, пальцы ложатся друг на друга, но касания нет.

Он отвел руку, ту самую, которой вытирал хлынувшую из носа кровь, и увидел повисшие в воздухе красные очертания

своих пальцев. У него на глазах кровь начала собираться в капельки. Совсем как на стекле.

– Святый Боже, что все это значит? – прошептал Тюлень.

Ответа у Барби не было. Прежде чем он успел что-то сказать, Эрни Кэлверт похлопал его по спине.

– Я позвонил копам. Они едут, но в пожарной команде никто не отвечает. Автоответчик предложил мне позвонить в Касл-Рок.

– Так позвоните. – Барби увидел, как очередная птица примерно в двадцати футах от них упала на пастбище и исчезла. Падающая птица подсказала Барби новую идею, порожденную, вероятно, тем периодом времени, когда он ходил с оружием в руках на другом конце света. – Но сначала, думаю, вам нужно позвонить в Национальную гвардию ВВС в Бангоре.

Эрни вытаращился на него:

– В *Гвардию*?

– Только они могут запретить полеты над Честерс-Миллом. И я думаю, сделать это надо незамедлительно.

Уйма дохлых птиц

1

Начальник полиции Милла не слышал ни одного взрыва, хотя и находился на улице: сгребал опавшие листья с лужайки перед своим домом на Морин-стрит. Портативный радиоприемник, который стоял на капоте «хонды» его жены, настроенный на волну ХНВ («Христос наш Владыка», городская молодежь называла эту радиостанцию «Иисусовым радио»), гремел церковной музыкой. Да и слух его стал уже не таким, как прежде. В шестьдесят семь это ж обычное дело.

Но он слышал первую сирену, вой которой прорезал день. Этот звук его уши выхватывали среди всех остальных точно так же, как уши матери выхватывают плач собственных детей. Говард Перкинс мог даже сказать, что это за машина и кто сидит за рулем. Только на Третьем и Четвертом патрульных автомобилях стояли эти старые вопилки, но Джонни Трент уехал на Третьем в Касл-Рок вместе с пожарными, на плановые учения. «Контролируемое возгорание», так они это называли, хотя на самом деле речь шла о забаве для взрослых мужчин. Значит, он слышал сирену Четвертого, одного из двух оставшихся «доджей», и за рулем сидел Генри Моррисон.

Перкинс перестал сгребать листья и застыл, склонив голову. Вой сирены начал затихать, и он продолжил прерванное занятие.

На крыльцо вышла Бренда. Практически все в Милле называли ее мужа Герцогом – прозвище осталось со школьных дней, когда он не пропускал ни одного фильма с Джоном Уэйном, которые показывали в «Звезде». Но Бренда перестала его так называть, едва они поженились, отдав предпочтение другому прозвищу. Оно Перкинсу как раз не нравилось.

– Гови, электричество отключили. И что-то взорвалось.

Гови. Сплошной Гови. Куда ни кинь – только Гови. Он пытался воспринимать это, черт побери, по-христиански, но иногда задавался вопросом: а не это ли прозвище отчасти в ответе за тот маленький приборчик, который он нынче таскал в груди¹³.

– Что?

Она закатила глаза, промаршировала к портативному приемнику, выключила его, оборвав на полуслове хор Нормана Любоффа, исполняющего «Друг наш верный Иисус».

– Сколько раз я должна говорить тебе, чтобы ты не ставил эту штуковину на капот моего автомобиля? Поцарапаешь, и придется продавать дешевле.

– Извини, Брен. Так что ты сказала?

---

¹³ В 1930–1950 гг. издавались комиксы с придурковатым героем, которого звали Гови.

– Отключили электричество. И что-то грохнуло. Вероятно, поэтому и проехал Джонни Трент.

– Это Генри. Джонни в Роке на пожарных учениях.

– Ну, кто бы это...

Завыла еще одна сирена, на этот раз из новых, про себя Герцог называл их Твити¹⁴. Голос подал Второй патрульный автомобиль, которым управляла Джекки Уэттингтон. Конечно же, Джекки, потому что Рэндолф остался в лавке и теперь покачивался на своем стуле, положив ноги на стол и читая «Демократа». Или сидел на толчке. Питер Рэндолф был хорошим копом, при необходимости мог показать характер, но Герцог его не любил. Отчасти потому, что тот верой и правдой служил Джиму Ренни, отчасти потому, что иной раз проявлял излишнюю жесткость, но прежде всего потому, что был ленивым, а Герцог Перкинс не выносил ленивых копов.

Бренда смотрела на мужа большими глазами. Не один десяток лет она прожила женой полицейского и знала, что два взрыва, две полицейские сирены и отключение централизованной подачи электроэнергии в сумме не сулят ничего хорошего. Поэтому очень удивилась бы, если б в этот день с лужайки у дома Гови сгреб все опавшие листья или ему удалось послушать репортаж футбольного матча, в котором его любимые «Дикие коты», объединенная команда старших школ Честерс-Милла и Таркерс-Миллса, в пух и прах разнесли бы Касл-Рок.

---

¹⁴ Твити – желтый кенарь, популярный персонаж американских мультсериалов.

– Тебе лучше собираться, – сказала она. – Что-то случилось. Я только надеюсь, что никто не умер.

Перкинс снял с ремня мобильник. Чертова хреновина висела там, как пиявка, с утра до вечера, но он не мог не признать, что вещь удобная. Номер набирать не стал, только смотрел на мобильник, ожидая, что тот зазвонит.

Но тут подал голос еще один Твити: Первого патрульного автомобиля. Рэндолф выкатился из полицейского участка. И сие означало, что дело действительно серьезное. Герцог более не думал, что мобильник зазвонит, и уже собрался прицепить его к ремню, когда раздался сигнал. Стейси Моггин.

– Стейси! – Перкинс знал, что нет никакой необходимости орать в эту хреновину, Бренда говорила ему об этом сто раз, но он, похоже, ничего не мог с собой поделать. – Что ты делаешь в участке субботним ут...

– Я не в участке, а дома. Питер позвонил и попросил передать, что едет на Сто девятнадцатое и дела там плохие. Он сказал... самолет столкнулся с лесовозом. – В голосе Стейси звучало сомнение. – Я не знаю, как такое может быть, но...

Самолет. Господи. За пять минут до этого, может, чуть больше, когда он сгребал листья и пел вместе с хором: «Как велик Ты...»

– Стейси, это Чак Томпсон? Я видел, как его новый «пайпер» пролетел мимо. Довольно низко.

– Не знаю, чиф, я сказала вам все, что услышала от Питера.

Бренда – не дурочка – уже отгоняла свою машину, освобождая подъездную дорожку для травянисто-зеленого патрульного автомобиля чифа. Портативный приемник она поставила рядом с кучкой опавших листьев.

– Понятно, Стейси. В твоей части города света тоже нет?

– Нет, и телефон не работает. Я звоню по мобильнику. Вероятно, все очень плохо, да?

– Надеюсь, что нет. Ты сможешь приехать и прикрыть нас? Готов спорить, в участке все двери нараспашку и ничего не заперто.

– Буду в пять секунд. Найдете меня в диспетчерской.

– Все понял.

Когда Бренда возвращалась по подъездной дорожке, завывала городская сирена, и от этих завываний, то набирающих силу, то, наоборот, чуть ли не сходящих на нет, Герцогу Перкинсу всегда скручивало живот. Следовало спешить. Однако он нашел время, чтобы обнять Бренду. И она до конца своих дней помнила о том, что он нашел для этого время.

– Не волнуйся, Бренни. Сирена включается автоматически, если прекращается централизованная подача электроэнергии. Она смолкнет через три минуты. Или через четыре. Забыл через сколько.

– Я знаю, но все равно ненавижу эти завывания. Идиот Энди Сандерс включил сирену одиннадцатого сентября, помнишь? Как будто очередной самолет-самоубийцу направили на нас.

Герцог кивнул. Он тоже считал Энди Сандерса идиотом. К сожалению, тот был еще и первым членом городского управления, веселеньким тупицей Мортимером Снердом¹⁵, сидевшим на коленях Большого Джима Ренни.

– Дорогая, я должен ехать.

– Понимаю. – Она пошла следом за ним к автомобилю. – Что случилось? Ты уже знаешь?

– Стейси сказала, что грузовик и самолет столкнулись на Сто девятнадцатом.

Бренда робко улыбнулась:

– Это шутка, да?

– Нет, если у самолета отказал двигатель и пилот попытался приземлиться на шоссе.

Улыбка Бренды исчезла, правая рука со сжатыми в кулак пальцами поднялась к груди. Этот язык тела он знал очень хорошо. Сел за руль, и, хотя ездил чиф на относительно новом автомобиле, водительское кресло сильно продавилось под его тяжестью. Герцог Перкинс никогда не ходил в легковесах.

– В твой выходной день! – воскликнула Бренда. – Это просто безобразие! И это когда ты мог выйти в отставку с полной пенсией!

– Меня вынесут вперед ногами. – Он широко улыбнулся. Улыбка эта была частью работы. По всему выходило, что де-

---

¹⁵ Мортимер Снерд – персонаж известного американского чревовещателя Эдгара Джона Бергера (1903–1978).

нек выдастся длинным. — Такой уж я человек, Господи, такой уж я человек. Оставь мне в холодильнике сэндвич или два, хорошо?

— Только один. Ты очень уж толстеешь. Даже доктор Хаскел так говорит, а он никогда никого не критикует.

— Ладно, один. — Он включил заднюю передачу... потом вернул ручку переключения на парковку. Выглянул из окна, и Бренда поняла, что он ждет поцелуя. Она подарила ему хороший поцелуй, под вой городской сирены, разрывавший свежий октябрьский воздух, а он гладил ей шею, пока их рты не отрывались друг от друга. От подобного поглаживания кожа у нее всегда покрывалась мурашками, и он давно уже такого не делал.

Этого прикосновения под ярким солнечным светом Бренда тоже не забыла до конца своих дней.

Когда он уже скатывался по подъездной дорожке, она что-то крикнула ему вслед. Пару слов Герцог разобрал, но и только. Ему действительно следовало проверить уши. При необходимости подобрать слуховой аппарат. Хотя, вероятно, только этого маленького штриха и недоставало для того, чтобы Рэндолф и Большой Джим дали крепкого пинка его стареющему зад.

Герцог затормозил, вновь выглянул из окна.

— Осторожнее с чем? — переспросил он.

— С *кардиостимулятором*! — буквально выкрикнула она. Смеясь. Тревожась. Все еще чувствуя его руку на своей шее,

поглаживающую кожу, которая только вчера – или ей это лишь казалось – была гладкой и упругой. А может, позавчера, когда они слушали «Кей-си энд саншайн бэнд» вместо Иисусова радио.

– Все будет в порядке! – крикнул он в ответ и уехал.

В следующий раз Бренда увидела его уже мертвым.

Билли и Ванда Дебик и не слышали двойного взрыва, потому что находились на шоссе номер 117 и потому что ссорились. Началось все с пустяка: Ванда отметила, что день выдался прекрасный, а Билли ответил, что у него болит голова и он не понимает, почему они вообще должны ехать на субботний блошинный рынок в Оксфорд-Хиллс, где продается никому не нужная рухлядь.

Ванда указала, что голова у него не болела бы, не выпей он вечером дюжину банок пива.

Билл спросил: сосчитала ли она банки в мусорном баке (как бы ни набирался Билли, пил только дома и всегда бросал пустые банки в бак: этим он гордился, как и своей работой электрика)?

Она ответила, что да, считала, Билл может в этом не сомневаться.

Они добрались до «Пательс-маркет» в Касл-Роке, пройдя путь от *Ты слишком много пьешь, Билли, и Ты слишком уж меня достаемь, Ванда, до Говорила мне мама, не надо выходить за тебя замуж и Тебе обязательно надо быть такой сухой?* За последние два года из их четырехлетней семейной жизни путь этот они проходили не раз и не два, но тут Билли внезапно почувствовал, что с него хватит. Он свернул на широкую заасфальтированную автомобильную стоянку у мага-

зина, не включив поворотник и не снижая скорости, а потом вновь выехал на шоссе номер 117 и покатыл в обратную сторону, не посмотрев в зеркало заднего обзора и не обернувшись.

Нора Робишо, которая оказалась на шоссе позади него, нажала на клаксон. Ее лучшая подруга Эльза Эндрюс недовольно поцокала. Обе женщины, ушедшие на пенсию медсестры, переглянулись, но не проронили ни слова. Они дружили так долго, что в подобных ситуациях в словах не нуждались.

Тем временем Ванда спросила Билли: куда это он едет?

Билли ответил, что домой, чтобы вздремнуть часок-другой, а она может отправляться на этот говенный рынок одна.

Ванда указала, что он едва не столкнулся с двумя старушками (расстояние до вышеозначенных старушек быстро увеличивалось с каждым мгновением: Нора Робишо без всякой на то причины считала, что быстрее сорока миль в час ездят только слуги дьявола).

Билли ответил, что Ванда говорит и выглядит, как ее мамаша.

Ванда попросила разъяснить, что он под этим подразумевал.

Билли разъяснил: у дочери, как и у матери, толстая жопа и язык, который работает без умолку.

Ванда назвала Билли алкашом.

Билли заверил Ванду, что она уродина.

В выражениях оба не стеснялись, говорили от души. К тому времени, когда они покинули Касл-Рок и въехали в Моттон, направляясь к невидимому барьеру, возникшему вскоре после того, как Ванда открыла дискуссию упоминанием о прекрасном дне, Билли проезжал в час уже много больше шестидесяти миль. Он разогнался практически до максимальной скорости, которую могла развить вандинская старая таратайка «шеви».

– Что это за дым? – вдруг спросила Ванда, указав на северо-восток, в сторону 119-го.

– Не знаю. Думаешь, моя теща пернула? – И Билли загоготал, довольный собственной шуткой.

Ванда Дибек осознала, что и с нее довольно. Она повернулась к мужу, и слова *Я хочу развестись с тобой* уже готовились слететь с ее языка, когда они достигли границы Честерс-Милла и Моттона и врезались в барьер. Таратайку «шеви» конструкторы снабдили подушками безопасности, но Биллова не раскрылась вовсе, а Вандина раскрылась не полностью. Рулевое колесо разломилось от удара о грудь Билла, рулевая колонка раздавила ему сердце; он умер мгновенно.

Ванда ударилась головой о приборный щиток, неожиданное катастрофическое смещение двигателя «шеви» сломало ей ногу (левую) и руку (правую). Боли она не почувствовала, только непрерывно ревел клаксон, автомобиль развернуло поперек шоссе, переднюю часть смяло гармошкой, а ви-

дела все это Ванда сквозь красную пелену.

Когда Нора Робишо и Эльза Эндрюс миновали последний поворот перед административной границей Честерс-Милла (они уже несколько минут оживленно обсуждали, что это за дым поднимался на северо-востоке, и поздравляли себя с тем, что выбрали для поездки менее загруженное шоссе), Ванда Дибек пыталась подняться, отталкиваясь локтями от белой разделительной полосы. Кровь лилась по лицу, практически полностью смазывая его черты. Большой осколок ветрового стекла срезал с нее половину скальпа, и теперь громадный клочок кожи падал на ее левую щеку, как смещенная челюсть.

Нора и Эльза мрачно переглянулись.

– Гребаный случай! – вырвалось у Норы, и на том разговор прекратился.

Эльза выпрыгнула из салона сразу, как автомобиль остановился, и побежала к шатающейся женщине. Для пожилой дамы (Эльзе пошел восьмой десяток) бегала она на удивление быстро.

Нора оставила автомобиль на нейтральной передаче и присоединилась к подруге. Вдвоем поддерживая Ванду, они повели ее к старенькому, но работающему как часы «мерседесу». Куртка Ванды из коричневой стала мутно-бурой, а руки выглядели так, будто она опустила их в чан с красной краской.

– Хте Билли? – спросила Ванда, и Нора увидела, что бед-

ная женщина лишилась большинства зубов. Три из них зацепились за окровавленную куртку. – Хте Билли, он фылес? Сто слюшилось?

– У Билли все прекрасно, как и у вас, – ответила Нора и вопросительно посмотрела на Эльзу.

Та кивнула и поспешила к «шеви», окутанному паром, который вырывался из пробитого радиатора. Эльзе, почти сорок лет проработавшей медсестрой (последний работодатель – Рон Хаскел, ДМ, и ДМ означало дуфус¹⁶ медицины), хватило одного взгляда через распахнутую пассажирскую дверцу, висевшую на одной петле, чтобы понять: у Билли далеко не все прекрасно, и молодая женщина, половина волос которой болталась рядом с ее головой, уже вдова.

Эльза вернулась к «мерседесу» и села на заднее сиденье рядом с Вандой, которая погрузилась в полубессознательное состояние.

– Он мертв, и она тоже умрет, если ты быстро-быстро не доставишь нас в «Кэтрин Рассел», – сказала она Норе.

– Тогда держись крепче. – Нора надавила на педаль газа.

Двигатель у «мерседеса» был мощный, и автомобиль буквально прыгнул вперед. Нора аккуратно объехала «шевроле» Дибеков и врезалась в невидимый барьер, продолжая разгоняться. Впервые за двадцать лет Нора не пристегнулась ремнем безопасности и вылетела через лобовое стекло, где сломала шею о невидимый барьер, точно так же, как ее сломал

---

¹⁶ Doofus – глупый, некомпетентный человек (англ.).

Боб Ру, и свалилась на землю. Ванду бросило в зазор между спинками передних сидений. Через разбитое ветровое стекло ее вынесло на капот. Там она и осталась лежать лицом вниз, раскинув окровавленные босые ноги. Туфли из мягкой кожи (купленные при последнем посещении блошиного рынка в Оксфорд-Хиллсе) соскочили с них еще при первой аварии.

Эльза Эндрюс ударилась о спинку водительского сиденья, и ее отбросило назад, оглушенную, но обошедшуюся без серьезных травм. Дверцу вроде бы заклинило, но она все-таки открылась, когда Эльза надавила на нее плечом. Старушка вылезла и оглядела место аварии. Лужи крови, сплюснутая таратайка «шеви», над которой еще вился парок.

– Что случилось? – спросила она. Повторила вопрос Ванды, хотя вопроса этого не помнила. Постояла среди окровавленных осколков стекла и искореженного хромированного железа, потом поднесла левую руку ко лбу, будто решив проверить, нет ли у нее температуры. – Что случилось? Что сейчас случилось? Нора? Нора, солнышко? Где ты, дорогая?

Потом увидела свою подругу и закричала от горя и ужаса. Ворона, наблюдавшая за происходящим с высокой сосны на стороне Милла, громко каркнула, и в звуке этом слышался пренебрежительный смешок.

Ноги Эльзы стали ватными. Она пятилась, пока не уперлась задом в смятое крыло «мерседеса».

– Нора, солнышко, – повторила Эльза. – Ох, милая...

Что-то коснулось ее шеи. Точно она сказать не могла, но подумала, что это прядь волос раненой молодой женщины. Только теперь, конечно, она стала мертвой молодой женщиной.

Как и бедная добрая Нора, с которой Эльза тайком пропускала по глотку джина или водки в прачечной «Кэтрин Рассел», и они хихикали, как девчонки в летнем лагере. Открытые глаза Норы смотрели в яркое полуденное солнце, голова повернулась под неестественным углом, словно она умерла, стараясь при этом заглянуть за спину и убедиться, что с Эльзой все в порядке.

Эльза, с которой действительно все было в порядке – «это всего лишь шок», как она когда-то говорила некоторым счастливицам, привезенным «скорой», – заплакала. Соскользнула по борту автомобиля, порвав пальто о торчащий металлический шип, и села на асфальт шоссе номер 117.

Она все еще сидела и плакала, когда на нее набрегли Барби и его новый друг в бейсболке Тюленей.

Тюленем оказался Пол Гендрон, продавец автомобилей из северной части штата, двумя годами ранее отошедший от дел и вернувшийся на ферму своих умерших родителей в Моттон. Барби узнал о Гендроне и это, и многое другое в промежутке между уходом с места аварии на шоссе номер 119 и прибытием на место другой аварии, не такой масштабной, но тоже ужасной, на шоссе номер 117, случившейся там, где дорога пересекала границу Милла. Барби с удовольствием пожал бы Гендрону руку, но с этим приходилось повременить: пока мешал невидимый барьер, края которого найти им еще не удалось.

Эрни Кэлверт связался с Национальной гвардией ВВС в Бангоре, но его звонок поставили на удержание, прежде чем он успел произнести хоть слово. Тем временем нарастающий вой сирен сообщил о скором прибытии местных слуг закона.

– Только не ждите пожарных, – подал голос фермер, который прибежал через поле с сыновьями. Звали его Олден Динсмор. – Они в Касл-Роке, сжигают дом на учениях. Могли бы попрактиковаться и здесь. – Тут он увидел, что его младший сын приближается к тому месту, где кровавый отпечаток ладони Барби вроде бы высыхал на пронизанном солнцем воздухе. – Рори, отойди оттуда!

Но Рори, снедаемый любопытством, слова отца проигно-

рировал. Протянул руку и ударил по воздуху справа от отпечатка ладони Барби. Но прежде чем он ударил, Барби заметил мурашки, которые побежали по рукам мальчика ниже обтрепанных рукавов свитера «Диких котов». Что-то там такое было, и это что-то включалось при приближении человека. Похожие ощущения Барби однажды испытал в Эйвоне, во Флориде, когда в поисках укромного местечка увлек девушку к мощному электрогенератору.

Звук от удара кулака мальчика по невидимому барьеру напоминал постукивание костяшек пальцев по боковой стороне кастрюльки из жаропрочного стекла типа пирекса. Он заглушил гул разговоров маленькой толпы, собравшейся по ту сторону барьера. Люди смотрели на горящие остатки лесовоза (некоторые фотографировали пожар на мобильники).

– Чтоб мне сдохнуть! – воскликнул кто-то.

Олден Динсмор оттащил сына за обтрепанный воротник свитера, а потом дал подзатыльник, как совсем недавно – старшему сыну.

– Не делай этого! – кричал Динсмор, тряся мальчишку. – Никогда такого не делай, если ты не знаешь, что это!

– Пап, это как стеклянная стена! Это...

Динсмор потрянул его вновь. Фермер все еще тяжело дышал, и Барби обеспокоился, не хватит ли его инфаркт.

– Никогда такого не делай! – повторил Динсмор и подтолкнул мальчишку к его старшему брату. – Приглядывай за этим дураком, Олли.

– Дассэр! – Олли самодовольно ухмыльнулся, глядя на брата.

Барби посмотрел в сторону Милла. Он увидел приближающиеся мигалки патрульных машин, но впереди, словно сопровождаемая копами особо важная персона, ехал объемный черный автомобиль, смахивающий на гроб: «хаммер» Большого Джима Ренни. От его вида синяки и шишки на теле Барби, уже заживающие после ночной драки на парковке у «Дипперса», сочувственно запульсировали.

Ренни-старшего в той драке, разумеется, не было, но его сын являлся главным зачинщиком, и Большой Джим заботился о Младшем. И ради этого отцу пришлось максимально усложнить жизнь некоему странствующему повару блюд быстрого приготовления – так усложнить, что вышеуказанный повар решил собрать вещички и покинуть город.

Барби не хотел сталкиваться здесь с Большим Джимом, тем более его сопровождали копы. Чиф Перкинс отнесся к нему по-человечески, но его заместитель – Рэндолф – воспринимал Дейла Барбару куском собачьего дерьма, налипшим на выходную обувь.

Барби повернулся к Тюленю.

– Не желаете прогуляться? Вы по своей стороне, я по своей? Посмотрим, как далеко это тянется?

– И уйти до того, как прибудет этот пустозвон? – Гендрон тоже видел приближающийся «хаммер». – Друг мой, с удовольствием. На восток или запад?

Они пошли на запад, к шоссе номер 117, и не нашли конца барьера, зато увидели множество результатов его появления. Стволы деревьев, разрубленные пополам. Повсюду валявшиеся тушки в перьях.

– Уйма дохлых птиц. – Гендрон дрожащими руками поправил бейсболку. – Никогда не видел так много.

– Ты в порядке? – спросил Барби.

– Физически? Думаю, что да. Умственно... такое ощущение, что крыша съехала полностью. А ты?

– Та же история.

В двух милях к западу от 119-го они вышли на Год-Крикроуд и к Бобу Ру, застывшему около все еще работающего трактора. Барби инстинктивно шагнул к лежащему на земле человеку и снова стукнулся о барьер... правда, на этот раз в самую последнюю секунду вспомнил о его существовании и не разбил в кровь нос.

Гендрон опустился на колени. Прикоснулся к гротескно задранной голове фермера.

– Мертв.

– А что валяется вокруг него? Эти белые обломки?

Гендрон поднял самый большой.

– Думаю, какая-то компьютерная штуковина для проигрывания музыки. Должно быть, развалилась, когда он уда-

рился о... – Гендрон указал на невидимую преграду перед собой. – Ты знаешь обо что.

Со стороны города вновь донесся вой, более громкий и грубый в сравнении с городской сиреной.

Гендрон бросил в том направлении короткий взгляд.

– Пожарная сирена. Пользы от нее – вагон.

– Пожарные машины возвращаются из Касл-Рока, – объявил Барби. – Я их слышу.

– Да? Значит, слух у тебя лучше моего. Скажи мне еще раз свое имя.

– Дейл Барбара. Для друзей – просто Барби.

– И что теперь, Барби?

– Пойдем дальше. Для этого парня мы ничего сделать не сможем.

– Не сможем даже никому о нем сказать, – мрачно заметил Гендрон. – Мой мобильник остался в машине. Полагаю, у тебя его нет?

Мобильник у Барби был, но он оставил его в уже покинутой квартире, вместе с носками, рубашками, джинсами и нижним бельем. Ушел лишь в одежде, которая была на нем, потому что не захотел ничего уносить из Честерс-Милла, за исключением нескольких приятных воспоминаний, для которых не требовался ни чемодан, ни рюкзак.

Но едва ли у него получилось бы быстро и доходчиво объяснить все это незнакомцу. Поэтому Барби лишь покачал головой.

На сиденье «дира» лежало старое одеяло. Гендрон заглушил двигатель трактора, взял одеяло и накрыл им тело.

– Надеюсь, когда это случилось, он слушал что-то приятное.

– Да, – вздохнул Барби.

– Пошли. Попытаемся дойти до конца этой хреновины. Я хочу пожать тебе руку. Может, даже расплакаться и обнять тебя.

Вскоре после того, как они обнаружили тело Ру – они находились уже совсем близко от места аварии на шоссе номер 117, хотя и не знали этого, – Барби и Гендрон вышли к ручейку. Оба застыли, по разные стороны барьера, в изумлении глядя на происходящее.

– Оосподи Иисусе! – наконец вырвалось у Гендрона.

– И как это выглядит с твоей стороны? – Барби со своей стороны наблюдал, как вода поднималась и выливалась в кусты, словно ручей перегородила невидимая плотина.

– Не знаю, как описать. Никогда не видел ничего подобного. – Гендрон помолчал, почесывая обе щеки и оттягивая вниз и без того длинное лицо, отчего стал похож на кричащего человека с картины Эдварда Мунка. – Нет, видел. Один раз. Что-то похожее. Когда принес домой пару золотых рыбок на день рождения дочери. Ей тогда исполнилось шесть лет. А может, семь. Я принес их домой из зоомагазина в пластиковом мешке, и вот так это выглядит – как вода на дне пластикового мешка. Только плоская, а не провисающая. Вода поднимается по этой... хреновине, а потом растекается вправо-влево на твоей стороне.

– К тебе ничего не попадает?

Гендрон встал на четвереньки, сощурился.

– Да, что-то попадает. Не очень много, маленькая струйка.

Но ничего из того дерьма, что вода тащит с собой. Палки, листья, все такое, ну ты понимаешь.

Они пошли дальше, Гендрон по своей стороне, Барби по своей. Но ни один из них не думал, что кто-то внутри, а кто-то снаружи. Мысли о том, что барьер может не закончиться, ни у кого не возникало.

Потом они вышли на шоссе номер 117, где произошла еще одна серьезная авария – два разбитых автомобиля и как минимум два трупа, которые Барби увидел сразу. Подумал, что есть и еще один – за рулем старого «шевроле», передняя часть которого превратилась в лепешку.

Но на этот раз они нашли и выжившего. Рядом с врезавшимся в барьер «мерседесом» на асфальте сидела женщина с опущенной головой. Пол Гендрон поспешил к ней, тогда как Барби мог только стоять и наблюдать. Женщина увидела Гендрона и попыталась подняться.

– Нет, мэм, пожалуйста, сидите, не надо вам вставать, – попытался остановить ее Гендрон.

– Думаю, я в порядке. Просто... вы понимаете, в шоке. – По какой-то причине эти слова вызвали у женщины смех, хотя лицо опухло от слез.

В этот момент из-за поворота появился еще один автомобиль, за рулем которого сидел никуда не спешащий старик. Он возглавлял колонну из трех или четырех автомобилей, которым, безусловно, не терпелось его обогнать. Старик увидел аварию и остановился. Едущие следом автомобили последовали его примеру.

Эльза Эндрюс уже поднялась и в достаточной степени пришла в себя, чтобы задать вопрос дня:

– Во что мы врезались? Точно не в другой автомобиль. Нора его объехала.

– Не знаю, мэм, – абсолютно честно ответил ей Гендрон.

– Спроси, есть ли у нее мобильник, – предложил ему Барби. Потом обратился к собирающейся толпе: – Эй! У кого есть мобильник?

– У меня есть, мистер, – ответила какая-то женщина, но, прежде чем успела сказать что-то еще, все услышали приближающееся стрекотание лопастей: к ним летел вертолет.

Барби и Гендрон в ужасе переглянулись.

Сине-белый вертолет летел низко, направляясь к столбу дыма, отмечающего место крушения лесовоза на шоссе номер 119. В идеально чистом воздухе, возможно, даже обладающем увеличивающим эффектом, какой возникает в северной части Новой Англии в особо тихие дни, Барби без труда разглядел на борту большие рисунки: число «13» и логотип компании Си-би-эс. Вертолет службы новостей, из Портленда. Вероятно, находился неподалеку, подумал Барби. Погода идеальная, и можно получить роскошные кадры аварии для шестичасового выпуска новостей.

– Нет, – застонал Гендрон, прикрывая ладонью глаза. Потом закричал: – Назад, идиоты! Назад!

К нему тут же присоединился Барби:

– Нет! Остановитесь! Назад!

Разумеется, их криков никто не услышал. И никто не увидел, как они машут руками, показывая, что близко подлетать

нельзя.

Эльза в недоумении переводила взгляд с Гендрона на Барби.

Вертолет опустился до вершин деревьев и завис.

– Думаю, все будет хорошо. – Гендрон глубоко вдохнул. – Наверное, люди и там показывают ему, чтобы он дал задний ход. Пилот это видит и...

Но тут вертолет полетел на север, с тем чтобы зависнуть над пастбищем Олдена Динсмора и снять аварию с другого ракурса. И ударился о барьер.

Барби увидел, как отлетела одна из лопастей. Вертолет ушел в сторону, вниз и перевернулся одновременно. А потом взорвался, осыпая новым огнем шоссе и поля на другой стороне барьера.

На стороне Гендрона.

Снаружи.

Ренни-младший как вор прокрался в дом, где вырос. Или как призрак. Дом, разумеется, пустовал: отец находился на огромной территории салона подержанных автомобилей, расположенного у шоссе номер 119, – Френк, друг Младшего, иногда называл этот салон Святой обителью «Без первого взноса», – а Франсина Ренни последние четыре года беспрерывно тусовалась на кладбище «Плизант-ридж». Городская сирена перестала выть, полицейские смолкли где-то на юге. В доме царила благодатная тишина.

Он принял две капсулы имитрекса, потом разделся и встал под душ. Когда вышел из ванной, увидел кровь на рубашке и брюках. Сейчас он этим заниматься не мог. Ногами затолкал одежду под кровать, затянул шторы, улегся в постель, накрылся с головой, как в детстве, если боялся сидящих в шкафу монстров. Лежал, дрожа всем телом, в голове били все колокола ада.

Он уже задремал, когда взвыла пожарная сирена и разбудила его. Его вновь начало трясти, но голова болела меньше. Он подумал, что немного поспит, а потом будет решать, как поступить. Скорее всего он покончит с собой. Потому что его обязательно поймают. Он даже не мог вернуться и зачистить все следы. Не успеет до возвращения Генри и Ладонны Маккейн. Он мог бы сбежать – возможно, – но лишь после

того, как перестала бы болеть голова. И разумеется, ему следовало сначала одеться. Не мог он начинать жизнь беглеца голым.

Но самоубийство представлялось наилучшим вариантом. Разве что тогда этот гребаный недобитый повар окажется победителем. А если смотреть в корень, то виноват во всем как раз этот гребаный повар.

В какой-то момент пожарная сирена заткнулась. Младший заснул, укрывшись с головой. Когда проснулся, часы показывали девять вечера. Голова не болела.

И дом по-прежнему пустовал.

Полная мутня

1

Скрипя тормозами, остановил свой «Альфа-Хаммер-Эйч-3» (цвет «черный жемчуг», дополнительные опции – полный фарш) Большой Джим Ренни. Он опередил городских копов на целых три минуты, и такой расклад ему очень даже нравился. Девиз Ренни гласил: всегда опережай конкурентов.

Эрни Кэлверт все еще говорил по телефону, но вскинул руку, приветствуя Ренни. Волосы его растрепались, он был таким взвинченным, будто обезумел.

– Привет, Большой Джим, я до них дозвонился!

– Дозвонился до кого? – рассеянно спросил Ренни, оглядывая все еще горящий лесовоз и обломки вроде бы самолета. Неприятная история, возможно, грязное пятно на репутации города, с учетом того, что две новенькие пожарные машины отправились в Рок. Учения, участие в которых он одобрил... но на бланке разрешения на выезд стояла подпись Энди Сандерса, потому что тот занимал пост первого члена городского управления. И хорошо, что занимал. Ренни свято верил в фактор защищенности – так он это называл. И пост второго члена городского управления служил хорошим при-

мером использования данного фактора: вся власть принадлежит тебе (во всяком случае, если Первый – такой кретин, как Сандерс), а ответственность, если что-то идет не так, ложится на другого.

То, что происходило сейчас, Ренни – в шестнадцать лет он отдал сердце Иисусу и с тех пор вычеркнул из лексикона все грубые слова – называл «полной мутней». Следовало принимать меры. Брать ситуацию под контроль. А рассчитывать, что старый козел Говард Перкинс справится с этой работой, он не мог. Лет двадцать назад Перкинс, возможно, и был идеальным начальником полиции, но они жили уже в новом веке.

Оглядывая место катастрофы, Ренни хмурился все сильнее. Слишком много зрителей. Впрочем, в таких случаях их всегда оказывалось слишком много: люди обожали кровь и разрушение. И некоторые вроде бы играли в какую-то странную игру: проверяли, как далеко они смогут наклониться или что-то в этом роде.

Действительно странно.

– Эй вы, отойдите подальше! – прокричал он. Голос его, громкий и уверенный, идеально подходил для того, чтобы отдавать приказы. – Это место аварии.

Эрни Кэлверт – еще один идиот, город ими битком набит, причем, Ренни полагал, что аналогичная ситуация в любом городе, – еще более взвинченный, дернул его за рукав.

– Я связался с Эн-гэ, Большой Джим, и...

– С кем? С *чем*? О чем ты говоришь?

– С Национальной гвардией ВВС!

Все мутнее и мутнее. Люди, играющие в игры, и этот идиот, позвонивший...

– Эрни, ради Бога, зачем ты им позвонил?

– Потому что он сказал... этот парень сказал... – Эрни не смог вспомнить, что именно сказал Барби, поэтому двинулся дальше: – В любом случае полковник в Национальной гвардии выслушал, что я ему говорю, а потом соединил меня с портлендским отделением Министерства национальной безопасности. Соединил напрямую!

Ренни хлопнул ладонями по щекам – поступал так практически всегда, если сердился, становясь похожим на сурового Джека Бенни¹⁷. Как и Бенни, Большой Джим время от времени шутил (но без грязных слов). Он шутил и потому, что продавал автомобили, и потому, что знал: политикам положено шутить, особенно с приближением выборов. Небольшой стандартный набор шуток, которые он называл приколами («Ну что, парни, хотите услышать прикол?»), всегда был при нем. Он запоминал их, как турист, отправляющийся в страну, где говорят на другом языке, запоминает фразы вроде: *Где туалет?* или *Есть в этом городе отель с Интернетом?*

Но сейчас он совсем не шутил.

– Министерство национальной безопасности! Зачем, ёха-

---

¹⁷ Джек Бенни (1894–1974) – известный американский комик.

ный бабай? – Любил он использовать такие выраженьица.

– Потому что этот молодой парень говорил о чем-то, пере-
крывшем дорогу. И так оно и есть, Джим! Что-то такое, чего
нельзя увидеть! Люди могут до этого дотронуться! Смотри!
Это они сейчас и делают. Или... если ты бросишь в это ка-
мень, он отлетает! Вот так! – Эрни поднял камень. Ренни не
удосужился проследить за его полетом; он полагал, что ка-
мень попадет в кого-то из зевак, а тот, само собой, закричит
от боли. – Лесовоз ударился в... ударился в это, уж не знаю
что... и самолет тоже! И этот парень сказал мне...

– Помедленнее. О каком парне ты говоришь?

– Он – молодой парень, – вступил в разговор Рори Динс-
мор. – Готовит в «Эглантерии». Если попросить гамбургер
средней прожаренности, он это сделает. Мой папа говорит,
что таких гамбургеров теперь не найти, потому что готовить
их никто не умеет, а этот парень умеет. – Мальчишка обя-
тельно улыбнулся. – Я знаю его фамилию.

– Заткнись, Рор! – прикрикнул на него старший брат.

Лицо мистера Ренни потемнело. По мнению Олли Динс-
мора, именно так выглядели учителя, прежде чем сказать,
что на неделю оставляют тебя в школе после занятий.

Рори, однако, словам брата не внял.

– Она как девчачье имя. *Ба-а-арбара*.

*И когда я уже уверен, что больше никогда его не уви-
жу, этот ёханный бабай появляется вновь, подумал Ренни.
Этот паршивый, никчемный тип.*

Он повернулся к Эрни Кэлверту. Копы уже подъезжали, но Ренни полагал, что у него есть время для того, чтобы остановить это спровоцированное Барбарой безумие. Он не ожидал увидеть здесь Барбару. Конечно же, не ожидал. Но это так похоже на Барбару – заварить кашу, погнать волну и смыться.

– Эрни, тебя неправильно информировали.

Тут вперед выступил Олден Динсмор:

– Мистер Ренни, я не понимаю, как вы можете так говорить, если даже не знаете, о какой информации идет речь.

Ренни ему улыбнулся. Во всяком случае, растянул губы.

– Я знаю Дейла Барбару, Олден. О нем у меня информации предостаточно. – Он вновь повернулся к Эрни Кэлверту: – А теперь я хочу, чтобы ты...

– Ш-ш-ш. – Кэлверт поднял руку. – Меня с кем-то соединили.

Большой Джим Ренни не любил, когда на него кто-то шикал, тем более вышедший на пенсию управляющий магазином. Он вырвал мобильник из руки Эрни, будто тот был его помощником, который принес телефон боссу.

– С кем я говорю? – слышалось из динамика. Этих коротких слов Ренни хватило, чтобы понять, что произнес их чинуша-бюрократ. Господь знал: за три десятилетия работы городским чиновником он частенько контактировал с бюрократами, и самые худшие из них – это федералы.

– С Джеймсом Ренни, вторым членом городского управ-

ления Честерс-Милла, сэр. Кто вы, сэр?

– Дональд Возняк, Министерство национальной безопасности. Как я понимаю, у вас некая проблема на Сто девятнадцатом шоссе. Что-то связанное с каким-то препятствием.

Препятствием? Что это за федеральный бред?

– Вас неправильно проинформировали, сэр. У нас тут самолет... гражданский самолет, местный самолет... пытался приземлиться на дорогу и столкнулся с грузовиком. Ситуация полностью под контролем. Нам не требуется помощь Министерства национальной безопасности.

– Мистер Ренни, – подал голос фермер, – все произошло не так.

Большой Джим отмахнулся от него и направился к Первому патрульному автомобилю. Из него уже вылезал Хэнк Моррисон. Здоровенный, ростом в шесть футов и пять дюймов, но совершенно бестолковый. Следом подъехала девица с большими буферами – Уэттингтон, такая у нее была фамилия, – еще хуже, чем бестолковая, с бойким языком, который управлялся тупой головой. Но на дороге уже появился патрульный автомобиль Питера Рэндолфа, заместителя чифа, человека, на которого Ренни всегда мог положиться. Вот кто мог справиться с порученным делом. Если бы Рэндолф дежурил в тот вечер, когда Младший влип в историю на автостоянке у придорожного ресторана, мистер Дейл Барбара вряд ли сегодня мутил бы воду в городе. Нет, мистер Барбара сидел бы за решеткой в Роке. И Ренни это очень бы устроило.

Тем временем человек из Министерства национальной безопасности – и еще называют себя агентами? – продолжал что-то бубнить.

Ренни его оборвал.

– Спасибо, что вас заинтересовали наши дела, мистер Вознер, но мы справимся сами. – Не попрощавшись, он нажал кнопку с красной трубкой. Потом бросил мобильник Эрни Кэлверту.

– Джим, не думаю, что это правильно.

Ренни проигнорировал его реплику, наблюдая, как Рэндолф, не выключая мигалки, пристраивается в затылок к патрульной машине Уэттингтон. И он уже собрался двинуться к Рэндолфу, но отверг эту мысль до того, как она полностью сформировалась. Пусть Рэндолф подходит к нему. Так должно быть в этом городе, а не иначе. Так и будет, во имя Господа.

– Большой Джим, – подошел к нему Рэндолф, – что здесь произошло?

– Как мне представляется, все это очевидно. Самолет Чака Томпсона затеял спор с лесовозом. Такое впечатление, что этот поединок закончился вничью.

Тут он услышал сирены, приближающиеся со стороны Касл-Рока. Почти наверняка ехали пожарные машины (Ренни надеялся, что среди них будут и две городские, новенькие и чертовски дорогие: тогда, возможно, никто бы и не понял, что пожарные города находились за его пределами, когда произошла эта мутня). Следом, конечно, уже ехали патрульные машины и «скорые».

– Все случилось совсем не так, – по-прежнему гнул свое Олден Динсмор. – Я был на огороде и увидел, как самолет просто...

– Лучше отвести этих людей подальше, как думаешь? – Ренни указал Рэндолфу на зевак. Их собралось достаточно много на стороне лесовоза, стояли они на безопасном расстоянии от его пылающих останков, и еще больше людей подъехало со стороны Милла. Ситуация начала напоминать городской сход.

Рэндолф повернулся к Моррисону и Уэттингтон.

– Хэнк! – Он указал на жителей Милла. Некоторые уже

бродили среди разбросанных частей самолета Томпсона. Слышались крики ужаса, когда среди железок люди натыкались на фрагменты человеческих тел.

– Понял. – Моррисон направился к зевакам.

Уэттингтон заместитель чифа указал на других зевак, глядящих на лесовоз:

– Джекки, возьми на себя... – Но Рэндолф не договорил.

Зрители с южной стороны зоны происшествия стояли на пастбище по одну сторону дороги и в невысоком, до колена, кустарнике – по другую. Рты у всех раскрылись, на лицах отпечаталось выражение тупого интереса, с каким Ренни так часто сталкивался. Каждый день он видел подобное выражение на лицах отдельных личностей, а раз в году, в марте, на городском собрании, *en masse*¹⁸. Но люди между тем смотрели не на горящий лесовоз. И теперь Питер Рэндолф, далеко не тупица (конечно, не семи пядей во лбу, но по крайней мере он знал, с какой стороны его кусок хлеба намазан маслом), смотрел туда же, что и остальные, и от изумления у него тоже отвисла челюсть. Как и у Джекки Уэттингтон.

А остальные смотрели на дым. Тот самый, что поднимался над горящим лесовозом.

Черный и маслянистый. Людям, стоявшим под ветром, а дул он с юга, вроде бы полагалось задыхаться от этого дыма, но они не задыхались. И Ренни видел почему. Верилось в это с трудом, но он все видел собственными глазами. Дым сме-

---

¹⁸ Скопом (*фр.*).

щался на север, во всяком случае, сначала, а потом направление его движения изменялось, чуть ли не под прямым углом, и он струей поднимался вертикально вверх, как по трубе. И оставлял за собой черно-коричневый след. Длинный грязный язык, который, казалось, плавал в воздухе.

Джим Ренни замотал головой, чтобы отделаться от этого образа, но, когда перестал мотать, язык остался на прежнем месте.

– Что это? – У Рэндолфа от изумления голос заметно смягчился.

Перед ним встал Динсмор, фермер.

– Вот этот парень, – он указал на Эрни Кэлверта, – связался с Министерством национальной безопасности, а вот этот... – театральным жестом, достойным зала суда, фермер указал на Ренни, которого жест этот не впечатлил, – взял у него трубку и оборвал связь! Не следовало ему этого делать, Пит. Потому что никакого столкновения не было. Самолет не приближался к земле. Я это видел. Укрывал грядки на случай мороза и *видел*.

– Я тоже видел... – начал Рори и на этот раз схлопотал подзатыльник от старшего брата, после чего захныкал.

– Он с чем-то *столкнулся*, – продолжал Олден Динсмор. – С тем же, с чем столкнулся и грузовик. Эта преграда тут, вы можете ее пощупать. А молодой человек, повар, сказал, что здесь необходимо ввести зону запрета полетов, и он прав. Но мистер Ренни... – Динсмор эффектным жестом вновь указал

на Ренни, словно считал себя Перри Мейсоном, а не человеком, который зарабатывал на жизнь, надевая доильные стаканы на соски коровьего вымени, — даже не стал говорить. Просто оборвал связь.

Но Ренни и не собирался оправдываться.

— Ты теряешь время, — сказал он Рэндолфу. Приблизился и добавил чуть ли не шепотом: — Чиф уже едет. Мой совет — действуй быстро и возьми место аварии под контроль до его приезда. — Потом бросил на фермера ледяной взгляд. — Свидетелей ты сможешь опросить позже.

Но — и это взбесило Ренни — последнее слово все равно осталось за Олденом Динсмором:

— Этот парень Барбара был прав. Он был прав, а Ренни ошибся.

И Большой Джим дал себе слово не оставить эту выходку Олдена Динсмора без внимания. Рано или поздно фермеры всегда приходили к членам городского управления со шляпами в руках — хотели подтвердить право пользования дорогами или получить снижение зонального тарифа, просили о чем-то еще, — и, когда мистер Динсмор придет в следующий раз, он не встретит понимания, если мнение Ренни играет хоть какую-то роль. А оно играет!

— Возьми место аварии под контроль, — повторил Ренни Рэндолфу.

— Джекки, отодвинь этих людей, — приказал заместитель чифа, указав на зевак, которые стояли со стороны лесовоза. —

Установи периметр.

– Сэр, я думаю, эти люди находятся в Моттоне...

– Мне без разницы, отодвинь их подальше. – Рэндолф оглянулся и посмотрел на Герцога Перкинса, вылезающего из зеленого патрульного автомобиля чифа – автомобиля, который Питеру очень хотелось видеть на подъездной дорожке у своего дома. И он надеялся, что увидит – с помощью Большого Джима Ренни. Самое позднее, через три года. – Полицейское управление Касл-Рока только поблагодарит тебя, поверь мне.

– А как насчет этого... – Джекки указала на грязное пятно от дыма, которое все расширялось. Сквозь него октябрьская расцветка деревьев нивелировалась. Все листья становились одинаково темно-серыми, а небо приобретало нездоровый желтоватый отлив.

– Держись подальше, – ответил Рэндолф. Он хотел помочь Хэнку Моррисону установить периметр со стороны Честерс-Милла. Но сначала требовалось ввести в курс дела Перкинса.

Джекки зашагала к людям, собравшимся на стороне лесовоза. Толпа постоянно росла – видать, прибывшие первыми сразу взялись за мобильники. Кто-то затоптал маленькие очаги огня в кустах – благое дело, но теперь все только стояли и глазели. Руки Джекки пришли в движение, она как бы отгоняла толпу, повторяя жесты Хэнка на стороне Милла, и подкрепляла их той же мантрой:

– Отойдите, пожалуйста, подальше, все закончено, вы не увидите ничего такого, что уже не видели, освободите дорогу для пожарных машин и полиции, отойдите, очистите территорию, разъезжайтесь по домам, займитесь сво...

Джекки обо что-то ударилась. Ренни понятия не имел обо что, но увидел результат. Сначала с препятствием соприкоснулись поля ее шляпы. Сложились, и шляпа слетела с головы Джекки. Мгновением позже сплющились ее здоровенные буфера – пара ёханных пушечных ядер, так они выглядели. То же самое произошло с носом, и из него выплеснулась струя крови, которая размазалась на чем-то... и начала стекать вниз длинными каплями, как краска по стене. Джекки шлепнулась на свой обширный зад. На лице отражалось крайнее изумление.

Чертов фермер опять задолдонил:

– Видите? Что я вам говорил?

Рэндолф и Моррисон все это не видели. Перкинс – тоже. Втроем они что-то обсуждали у капота автомобиля чифа. У Ренни возникла мысль подойти к Уэттингтон, но другие уже проявляли инициативу, а кроме того... она находилась слишком близко от препятствия, на которое наткнулась. Поэтому он поспешил к копам-мужчинам. Суровое лицо и выпяченный живот показывали, что идет человек, облеченный властью. По пути он свирепо глянул на Динсмора.

– Привет, чиф. – Ренни протиснулся между Моррисоном и Рэндолфом.

Перкинс кивнул в ответ:

– Вижу, ты времени не теряешь.

Возможно, он хотел его подколоть, но Ренни, хитрая старая рыбина, приманку не заглотил.

– Боюсь, мы не вполне можем доверять собственным глазам. Думаю, кто-то должен связаться с Министерством национальной безопасности. – Он выдержал многозначительную паузу. – Я не хочу сказать, что это как-то связано с терроризмом... но и не могу утверждать, что не связано.

Герцог Перкинс смотрел за спину Большого Джима. Эрни Кэлверт и Джонни Карвер, который работал в магазине при заправочной станции «Бензин и бакалея», помогали Джекки подняться. Чувствовалось, что она ошарашена, из носа текла кровь, но в целом ничего страшного с ней не произошло. Тем не менее здесь определенно творилось что-то странное. Разумеется, такое ощущение возникало всегда, если гибли люди, но тут странностей было куда как больше.

Во-первых, самолет не пытался приземлиться. Слишком большое количество обломков валялось на слишком большой территории, чтобы Перкинс в это поверил. Плюс зеваки. С ними тоже хватало странностей. Рэндолф этого не заметил, в отличие от Герцога Перкинса. Люди должны были стоять одной большой толпой. Так они поступали всегда, словно каждый нуждался в поддержке других перед лицом смерти. А здесь образовалось две толпы, которые почему-то не переходили административную границу между городами.

Из-за поворота на юге появились первые пожарные машины. Числом три. Герцог порадовался, увидев на борту второй по счету надпись золотыми буквами: «ЧЕСТЕРС-МИЛЛ. ПОЖАРНАЯ МАШИНА НОМЕР 2». Толпа сдвинулась к кустам, освобождая место пожарным.

Герцог перевел взгляд на Ренни:

– Что здесь произошло? Ты знаешь?

Ренни уже открыл рот, чтобы ответить, но его опередил Эрни Кэлверт:

– Дорогу перегораживает какой-то барьер. Его не видно, но он есть, чиф. Лесовоз столкнулся с ним. И самолет тоже.

– Чертовски верно! – воскликнул Динсмор.

– Об него ударилась и патрульная Уэттингтон, – вставил Джонни Карвер. – К счастью, на меньшей скорости.

Он обнимал Джекки за талию. Женщина еще не пришла в себя. Герцог заметил кровь на рукаве рабочей куртки Карвера с надписью на спине «Я ЗАПРАВИЛСЯ БЕНЗИНОМ В МИЛЛЕ СО СКИДКОЙ».

На стороне Моттона появилась еще одна пожарная машина. Первые две перекрыли дорогу, образовав букву «V». Пожарные уже выскочили из кабин и раскатывали рукава. Герцог слышал сирену «скорой», приближающуюся со стороны Касл-Рока. *А где наша?* – задался он вопросом. Тоже отправилась на эти чертовы учения? Ему бы не хотелось так думать. Да кто в здравом уме мог отправить «скорую» к пустому горящему дому?

– Вроде бы здесь невидимый барьер... – начал Ренни.

– Да, я понял, – оборвал его Герцог. – Не знаю, что это значит, но я понял. – Он оставил Ренни и направился к своей подчиненной, из носа которой все еще капала кровь, не увидев, как у оскорбленного второго члена городского управления полыхнули красным щеки. – Джекки! – Герцог мягко

положил руку ей на плечо. – Ты в порядке?

– Да. – Она коснулась пальцем своего носа. – Он не выглядит сломанным? По ощущениям – он не сломан.

– Он не сломан, только распухает. Но я уверен, что к Празднику жатвы нос придет в норму.

Она слабо улыбнулась.

– Чиф, – к ним подошел Ренни, – я действительно думаю, что мы должны кому-то об этом сообщить. Если не в Министерство национальной безопасности, по здравом размышлении я понял, что это перебор, тогда, возможно, в полицию штата.

Герцог отодвинул его в сторону. Мягко, но недвусмысленно. Почти что оттолкнул. Пальцы Ренни сжались в кулаки, но тут же разжались. Жизнь свою он выстроил так, что по большей части толкал сам, не позволяя толкать его, но это несколько не отменяло простой истины: кулаки – для идиотов. Примером тому его сын. Но оскорбления следовало помнить и заставлять за них расплачиваться. Обычно позже... и так получалось даже лучше.

Месть становилась слаще.

– Питер! – Герцог позвал Рэндолфа. – Свяжись с Центром здоровья и спроси, где их чертова «скорая»! Я хочу видеть ее здесь!

– Это может сделать Моррисон. – Рэндолф достал фотоаппарат из своего патрульного автомобиля, чтобы заснять место аварии.

– Ты можешь это сделать, и немедленно.

– Чиф, я не думаю, что Джекки так уж сильно ударилась, а кроме нее...

– Если я захочу узнать твое мнение, Питер, я им обязательно поинтересуюсь.

Рэндолф бросил было на чифа злобный взгляд, но, оценив выражение лица Герцога, кинул фотоаппарат на сиденье и схватился за мобильник.

– Что произошло, Джекки? – спросил Герцог.

– Я не знаю. Сначала почувствовала покалывание, как бывает, если коснешься рукой штырей штепселя, который вставляешь в розетку. Это ушло, но потом я ударилась... и я не знаю, обо что я ударилась.

– А-а-а-х! – выдохнула толпа.

Пожарные направили рукава на горящий лесовоз, но за ним струи обо что-то ударялись и возвращались к пожарным, а брызги образовывали в воздухе яркие радуги. За свою жизнь Герцог не видел ничего подобного... разве что в мойке для автомобилей, когда ты сидишь в кабине и наблюдаешь, как струи воды под высоким давлением бьются о ветровое стекло.

Потом он увидел радугу и на стороне Милла, только маленькую. Одна из зевак – Лисса Джеймисон, городской библиотекарь – направилась к этой радуге.

– Лисса, не подходи туда! – крикнул Герцог.

Она его проигнорировала. Напоминала загипнотизиро-

ванную. Встала в нескольких дюймах от того места, где струи высокого давления били по прозрачному воздуху и отлетали назад, раскинула руки. Герцог видел капельки водяного тумана, заблестевшие на ее волосах, которые она собрала на затылке в пучок. Маленькая радуга исчезла, потом сформировалась вновь, за спиной Лиссы.

– Ничего, кроме тумана! – крикнула она, и в ее голосе слышался восторг. – Там столько воды, а здесь ничего, кроме тумана! Как от увлажнителя воздуха.

Питер Рэндолф поднял мобильник и покачал головой.

– Сигнал есть, но дозвониться я не могу. Наверное, все эти люди, – он обвел толпу рукой, – перегрузили сеть.

Герцог не знал, возможно ли такое, но действительно практически все или с кем-то разговаривали, или фотографировали. За исключением Лиссы, которая по-прежнему вела себя, как лесная нимфа.

– Приведи ее сюда, – приказал Герцог своему заместителю. – Приведи ее сюда до того, как она вытащит магический кристалл или что-то еще в этом роде.

По лицу Рэндолфа ясно читалось, что подобные поручения кажутся ему недостойными уровня жалованья, которое получал, но он пошел.

Герцог хохотнул. Коротко, но искренне.

– Что, скажи на милость, ты увидел здесь смешного? – спросил Ренни. Со стороны Моттона подъезжало все больше и больше копов из Полицейского управления округа. И если

Перкинс продолжит топтаться на месте, копы из Касл-Рока возьмут ситуацию под свой контроль. То есть вся слава достанется им.

Герцог перестал смеяться, но улыбка не сошла с лица. Его, похоже, происходящее не пугало.

– Это полная мутня, – произнес он наконец. – Твое ведь словечко, Большой Джим? И поверь моему опыту, когда имеешь дело с полной мутней, без смеха никак не обойтись.

– Я понятия не имею, о чем ты говоришь! – Ренни чуть ли не кричал.

Братья Динсморы отступили от него и спрятались за отца.

– Я знаю, – мягко сказал Герцог. – И это нормально. Но тебе надо прямо сейчас понять следующее: я – старший офицер правоохранительных органов на месте катастрофы, по крайней мере до приезда шерифа округа, а ты – член городского управления. Здесь у тебя никакого официального статуса нет, поэтому я хочу, чтобы ты отошел в сторону. – Герцог указал на желтую ленту, которую натягивал патрульный Генри Моррисон, для чего тому пришлось переступить через два крупных обломка фюзеляжа. – Я хочу, чтобы *все* отошли и не мешали нам выполнять свою работу! Следуйте за членом городского управления Ренни. Он отведет вас за желтую ленту.

– Я тебе спасибо за это не скажу, Герцог.

– На что мне совершенно наплевать, и да благословит тебя Бог. Немедленно покинь мою территорию. И пожалуйста,

обойди ленту. Незачем Генри натягивать ее дважды.

– Чиф Перкинс, я хочу, чтобы ты запомнил, как сегодня разговаривал со мной. Потому что я точно это запомню.

Ренни широким шагом направился к ленте. Остальные зеваки последовали за ним, большинство оглядывались на водный туман, сверкающий перед измазанным черным дымом барьером и образующий влажное пятно на асфальте и обочинах. Двое или трое наиболее наблюдательных (среди них и Эрни Кэлверт) уже заметили, что барьер в точности повторяет границу между Моттоном и Миллом.

Ренни ощутил детское желание грудью разорвать ленту, которую натягивал Хэнк Моррисон, но сдержался. Обходить ленту, правда, не стал, не захотел трепать о лопухи брюки марки «Лендс энд», которые обошлись ему в шестьдесят долларов. Прошел под лентой, подняв ее над головой. Из-за внушительного живота нагнуться не получилось бы.

За его спиной Герцог медленно направился к тому месту, где Джекки получила по носу. Вытянул руку перед собой, как слепец, продвигающийся по незнакомой комнате.

Вот тут она упала... а здесь...

Он почувствовал то самое покалывание, о котором говорила Джекки, но оно не ушло, а усилилось, превратилось в острую боль под левым плечом. Ему хватило времени, чтобы вспомнить последние слова Бренды – *Осторожнее с кардиостимулятором*, – а потом прибор взорвался в груди Герцога с такой силой, что порвал футболку «Диких котов», которую

он надел в то утро в честь предстоящей дневной игры. Кровь, клочки ткани, кусочки плоти выплеснулись на барьер.

Толпа ахнула.

Герцог попытался вымолвить имя жены и не смог, но мысленным взором ясно увидел ее лицо. Она улыбалась.

Потом улыбку Бренды сменила темнота.

Четырнадцатилетнего парнишку звали Бенни Дрейк, и он был Бритвой. «Бритвы» – так назвала свой клуб немногочисленная группа преданных скейтбордингистов подростков. Местная полиция посматривала на них косо, но занятие это не запрещала, несмотря на просьбы Ренни и Сандерса о таком запрете (на последнем городском собрании в марте стараниями этой сладкой парочки из бюджета вычеркнули расходы на создание специальной безопасной площадки для скейтеров, на городской площади за трибуной).

Его сейчас осматривал тридцатисемилетний Эрик Эверетт по прозвищу Расти¹⁹, фельдшер, работавший вместе с доктором Роном Хаскелом, которого Расти представлял себе в образе Великого и Ужасного Волшебника Оза. «Потому что, – объяснял Расти (но только тем людям, кому мог доверять так же, как и жене), – он очень уж часто остается за занавесом, тогда как мне приходится выполнять всю работу».

Расти проверил, когда юному мастеру Дрейку последний раз делали прививку от столбняка. Осенью 2009 года, очень хорошо. С учетом того, что юный мастер Дрейк неудачно исполнил «уилсон»²⁰ на бетоне и прилично рассадил икру.

---

¹⁹ Rusty (англ.) – рыжий.

²⁰ Уилсон Джерон (р. 1977) – американский профессиональный скейтер. Речь идет о трюке, названном в его честь.

Жизни рана не угрожала, но и не шла ни в какое сравнение с обычной ссадиной.

– Электричество включили, чувак, – заметил юный мастер Дрейк.

– Это генератор, чувак. Обеспечивает больницу и Центр здоровья. Мудро придумано, да?

– Старая школа, – согласился Дрейк.

Какие-то мгновения взрослый и подросток молча рассматривали шестидюймовую рану на икре Бенни Дрейка. Очищенная от грязи и крови, она по-прежнему выглядела рваной, но уже не такой ужасной. Городская сирена смолкла, но издалека доносился вой других сирен. А потом включилась пожарная сирена, заставив их обоих вздрогнуть от неожиданности.

«Скорой» пора на выезд, подумал Расти. Твитч и Эверетт спешат на помощь. С парнем надо бы побыстрее закончить.

Да только лицо у мальчишки очень уж побледнело, а в глазах, как показалось Расти, стояли слезы.

– Боишься?

– Есть немного. Мать не разрешит мне гулять.

– Так ты этого боишься? – Расти догадывался, что Бенни Дрейка не всегда пускали гулять. Видно, очень даже часто.

– Ну... А будет очень больно?

Расти поначалу прятал шприц. Теперь ввел три кубика ксилокаина и эпинефрина – обезболивающей смеси, которую по-прежнему называл новокаином. И ждал, пока смесь

сработает, чтобы не причинять пацану лишней боли.

– Не больше, чем сейчас.

– Уф, тогда приступай. Терпеть можно.

Расти рассмеялся.

– Ты прокатился по фулпайпу, прежде чем сделать «уил-сон»? – Бывший скейтер проявлял искреннее любопытство.

– Только на хафе²¹, но и это забирает! – Бенни просиял. – Как думаешь, сколько швов? Норри Кэлверт наложили двенадцать, когда прошлым летом она навернулась в Оксфорде.

– Не так много. – Расти знал Норри, маленькую готку, которая просто мечтала о том, чтобы убиться на скейтборде, прежде чем кого-то родить. Он нажал на край раны иглой. – Чувствуешь?

– Да, чувак, еще как. Ты слышал: там что-то бабахнуло? – Бенни небрежно указал на юг, сидя на смотровом столе в одних трусах и пачкая кровью бумажную простыню.

– Нет, – отмахнулся Расти, хотя слышал, как бабахнуло дважды, только боялся, что не бабахнуло, а взорвалось. С обработкой раны следовало поторопиться. А где Волшебник? На обходе, по словам Джинни. Сие скорее всего означало, что спит в комнате отдыха врачей в «Кэтрин Рассел». В последнее время этот замечательный Волшебник, отправляясь на обход, оказывался именно там. – Что-нибудь чувствуешь? – Расти вновь уколол ногу иглой. – Не смотри. Глаза могут обмануть.

---

²¹ Фулпайп, хафпайп – специальные желобы для скейтеров.

– Нет, чел, ничего. Ты водишь меня за нос.

– Нет. Нога у тебя онемела. – При этом Расти подумал: *И не только нога.* – Ладно, начнем. Ляг, расслабься и наслаждайся полетом с «Кэтрин Рассел эрлайнс». – Он еще раз промыл рану стерилизующим раствором, очистил, потом подровнял края верным скальпелем номер 10. – Шесть швов моей лучшей нейлоновой ниткой номер сорок.

– Страх какой. Думаю, я могу блевануть.

Расти протянул подростку тазик для рвоты, который также назывался блевотной кастрюлей.

– Блюй сюда. Отключись, и ты в свободном полете.

Бенни не отключился. И не блеванул.

Расти уже накладывал на зашитую рану стерильную марлевую салфетку, когда раздался стук в дверь, а потом появилась голова Джинни Томлинсон.

– Могу я с тобой поговорить?

– На меня внимания не обращайтесь, – вставил Бенни. – Я это люблю, побыть с самим собой, – добавил маленький наглец.

– В коридоре, Расти. – На подростка Джинни и не взглянула.

– Я сейчас вернусь, Бенни. Сиди и не волнуйся.

– Не парься, никаких проблем.

Расти последовал за Джинни в коридор.

– Пора на выезд? – спросил он.

За спиной Джинни, в залитой солнцем комнате ожидания,

мать Бенни бросила на фельдшера мрачный взгляд, оторвавшись от книги с обнимающейся парочкой на обложке.

Джинни кивнула.

– Сто девятнадцатое, граница с Таркерсом. Еще один несчастный случай на другой границе города, с Моттоном, но, как я слышала, там все трупы. Столкновение самолета с грузовиком. Самолет пытался приземлиться.

– Ты заливаешь?

Элва Дрейк, хмурясь, оглянулась, потом вновь уткнулась в книгу. Или просто смотрела в нее, пытаясь сообразить: поддержит ли ее муж, если она запретит Бенни гулять, пока ему не исполнится восемнадцать?

– Ничего я не заливаю.

– Странно как-то.

– Но парень на границе с Таркерсом еще жив. Водитель грузовика для доставки продуктов, как я поняла. Пошевеливайся. Твитч ждет.

– Ты закончишь перевязку?

– Да. Иди, иди.

– А доктор Рейберн?

– У него пациенты в Мемориальной Стефенской. – Она говорила о больнице в Норуэе. – Он уже едет, Расти. Шевелись.

Прежде чем уйти, он сообщил миссис Дрейк, что у Бенни все хорошо. Элву эта новость вроде как не шибко обрадовала, но она его поблагодарила.

Дуги Твитчел сидел на бампере старенькой «скорой», которую Джим Ренни и его коллеги из городского управления даже и не думали заменить, курил и нежился на теплом солнышке. Еще он держал в руке портативную рацию, и она бубнила без умолку: голоса возникали внезапно и наслаивались друг на друга.

– Выкинь эту раковую палочку, и по коням, – распорядился Расти. – Ты знаешь, куда едем, так?

Твитч отбросил окурок. Несмотря на прозвище, более спокойного медбрата или медсестру Расти видеть не доводилось, а это говорило о многом.

– Я знаю, что сказала тебе Джин-Джин. Граница с Таркерсом, так?

– Точно. Перевернувшийся грузовик.

– Да, конечно, но планы переменились. Мы должны ехать в другую сторону. – Он указал на южный горизонт, где поднималась колонна густого черного дыма. – Никогда не возникало желания увидеть разбившийся самолет?

– Уже видел. На службе. Двое парней. То, что от них осталось, можно было намазать на хлеб. С меня хватит, странник. Джинни говорит, что там все мертвы. Тогда почему?

– Может, так, может, и нет. Но нам надо ехать за Перкинсом, а он, возможно, жив.

– Чифом Перкинсом?

– Точно. Я думаю, прогноз не очень хороший, если у него кардиостимулятор взорвался в груди: именно так гово-

рит Питер Рэндолф. Но Перкинс – начальник полиции. Бесстрашный лидер.

– Твитч, дружище, кардиостимулятор в груди взорваться не может. Такое абсолютно невозможно.

– Тогда, наверное, чиф еще жив, и мы сможем принести какую-то пользу, – резонно заметил Твитч. Обходя капот «скорой», он достал сигареты.

– В кабине ты курить не будешь, – твердо заявил Расти. Твитч с грустью посмотрел на него. – Если не поделишься. Твитч вздохнул и протянул пачку.

– Ах, «Мальборо»! – радостно воскликнул Расти. – Мои самые любимые.

– Ты меня убиваешь, – хмыкнул Твитч.

Они промчались на красный свет в месте слияния шоссе номер 117 и номер 119 с включенной сиреной, оба курили как одержимые (стекла, как и всегда, они опустили), слушая болтовню по рации. Расти мало что понимал, но в одном у него сомнений уже не осталось: работать придется и после четырех часов.

– Чел, я не знаю, что случилось, – Твитч взглянул на него, – но вот что я тебе скажу: мы увидим настоящее крушение самолета. Нет, конечно, попадем туда уже после того, как он упал, но хоть что-то.

– Твитч, ты – просто извращенец.

Автомобилей хватало, и большинство направлялось на юг. Кто-то, возможно, ехал и по делам, но Расти подумал, что видит в основном человеческих мух, притягиваемых запахом крови. Твитч гнал по встречной полосе: на север по шоссе номер 119 никто не ехал.

– Посмотри! – Твитч кивнул в сторону и вверх. – Новостной вертолет. Мы появимся в шестичасовом информационном выпуске, Большой Расти. Героические медики, борющиеся за...

И вот тут полет фантазии Дуги Твитчела оборвался. Впереди, на месте катастрофы, как предположил Расти, вертолет вдруг начал разваливаться. Только что на его борту не

составляло труда увидеть число «13» и глаз логотипа Си-би-эс, а в следующее мгновение вертолет взорвался и огненным дождем пролился на землю с безоблачного послеполуденного неба.

– Господи, прости меня! – вскричал Твитч. – Я же говорил не на полном серьезе! – А потом добавил так по-детски, что тронул сердце Расти: – Я беру свои слова обратно!

– Я должен вернуться. – Гендрон снял бейсболку Тюленей и вытер ею окровавленное грязное бледное лицо. Его нос раздулся до такой степени, что напоминал большой палец великана. Глаза выглядывали из черных кругов. – Извини, но мой рубильник ужасно болит, и... я уже не так молод, как прежде. – Он вскинул руки и опустил.

Они стояли лицом друг к другу, и Барби с радостью обнял бы Гендрона и похлопал по спине, будь такое возможно.

– Шок начал сказываться, да?

Гендрон грустно усмехнулся:

– А тут еще этот вертолет.

И они оба повернулись к еще одной, только что появившейся колонне дыма.

Барби и Гендрон покинули место аварии на шоссе номер 117, лишь убедившись, что другие люди уже оказывают необходимую помощь Эльзе Эндрюс, единственной выжившей. Судя по всему, она легко отделалась, хотя гибель подруги, конечно же, разбила ей сердце.

– Тогда возвращайся. Медленно. Без всякой спешки. Отдыхай, когда возникнет такое желание.

– Пойдешь дальше?

– Да.

– Все еще рассчитываешь найти, где он заканчивается?

Барби какое-то время молчал. Сначала он не сомневался, что найдет, но теперь...

– Надеюсь.

– Что ж, удачи тебе. – Гендрон приподнял бейсболку, прежде чем надеть вновь. – И я надеюсь пожать тебе руку еще сегодня.

– Я тоже. – Барби замолчал, о чем-то задумавшись. – Сможешь ты для меня кое-что сделать, когда доберешься до мобильника?

– Конечно.

– Позвони на армейскую базу в Форт-Беннинг. Спроси дежурного офицера и скажи ему, что тебе необходимо связаться с полковником Джеймсом Оу Коксом. Скажи, что дело срочное и ты звонишь по просьбе капитана Дейла Барбары. Сможешь ты это запомнить?

– Дейл Барбара – это ты. Джеймс Кокс – это он. Вас понял.

– Если выйдешь на него... я в этом не уверен, но если... расскажи ему, что здесь происходит. Скажи ему: если никто еще не связался с Министерством национальной безопасности, то сделать это должен он. Справишься?

Гендрон кивнул.

– Если смогу связаться, то скажу. Удачи тебе, солдат.

Барби отдал честь, прикоснувшись пальцем к виску. А потом двинулся дальше, уже сильно сомневаясь, что поиски его дадут результат.

Он нашел лесную дорогу, которая тянулась практически параллельно барьеру. Дорога сильно заросла и давно не использовалась, но идти по ней было куда проще, чем ломиться через густые заросли. Время от времени Барби сходил с дороги, чтобы убедиться в наличии стены между Честерс-Миллом и внешним миром. И всегда натыкался на нее.

Добравшись до того места, где шоссе номер 119 пересекало административную границу между Честерсом и Таркерсом, Барби остановился. Водителя перевернувшегося грузовика для доставки продуктов увезли добрые самаритяне с другой стороны барьера, но сам грузовик лежал, перегорев, как большой дохлый зверь. Дверцы кузова распахнулись при ударе. Асфальт усеивали пакеты и коробки с «Девил-догс», «Хо-Хо», «Ринг-Динг», «Твинкис», крекерами с ореховым маслом. Молодой парень в футболке с надписью «Джордж Стрейт»²² сидел на пне по ту сторону барьера, ел крекер. В другой руке держал мобильник. Он вскинул глаза на Барби.

– Привет. Ты пришел... – Парень кивнул за спину Барби. Выглядел он усталым и разочарованным.

– С другой стороны города, – подтвердил Барби. – Точно.
– Везде невидимая стена? Граница закрыта?

²² Джордж Харви Стрейт (р. 1952) – американский певец в стиле кантри.

– Да.

Молодой человек нажал кнопку на мобильнике.

– Дасти? Ты еще там?.. Хорошо. – Он отключил связь. –

Мой друг Дасти и я начали с востока. Разделились. Он пошел на юг. Мы поддерживаем связь по мобильнику. Оба ищем брешь. Он сейчас там, где упал вертолет. Говорит, что народу все больше.

– Значит, вы тоже не нашли ни одной дыры?

Молодой парень кивнул. Больше ничего не сказал, да и зачем?

Ребята, конечно, могли пропустить брешу. Барби полагал, что такое возможно – дыры размером с окно или дверь, – но очень в этом сомневался.

Он исходил из того, что город полностью отрезан.

«И за команду за одну мы все болеем»

1

Барби вернулся в центр города на шоссе номер 119, отшагав примерно три мили. Добрался туда в шесть вечера. Главную улицу нашел пустующей, но не тихой: отовсюду доносился шум генераторов, и не одного десятка.

Светофор в месте слияния шоссе номер 119 и номер 117 не работал, зато в «Эглантерии» было светло илюдно. Заглянув в большую витрину, Барби увидел, что все столики заняты. Но когда вошел в дверь, не услышал привычной болтовни о политике, «Ред сокс», местной экономике, «Патриотах», недавно приобретенных легковушках и пикапах, «Кельтах», цене на бензин, «Медведях», недавно приобретенном оборудовании и домашней технике, «Диких котах». Не услышал и привычного смеха.

Над стойкой работал телевизор, и все посетители не отрывали от него глаз. Посмотрел на экран и Барби, с недоверием и ощущением дезориентации, которые испытывает каждый, кто обнаруживает, что находится в эпицентре катастрофы: репортер Си-эн-эн Андерсон Купер стоял на шоссе номер

119 на фоне обугленного остова лесовоза.

Роуз сама обслуживала столик, иногда подскакивая к стойке, чтобы взять заказ. Тонкие пряди волос, выскользнувшие из-под сеточки, обрамляли лицо. Выглядела она уставшей и задерганной. С четырех часов дня и до закрытия стойку обслуживала Энджи Маккейн, но в этот вечер Барби ее не видел. Возможно, она находилась за пределами города, когда возник барьер. В этом случае Энджи наверняка не скоро сможет вернуться за стойку.

Энсон Уилер – Роза обычно звала его «пацаном», хотя парню как минимум перевалило за двадцать пять – готовил. Барби даже думать боялся, что сотворит Энси с чем-то более сложным, чем тушеная фасоль с сосисками – блюдом, которое традиционно подавалось в «Эглантерии» в субботу вечером. Оставалось только пожалеть посетителей, решивших позавтракать в обед, поскольку им предстояло иметь дело с термоядерными жареными яйцами в исполнении Энсона.

Помимо Энджи, Барби нигде не видел и Доди Сандерс. Хотя для того, чтобы эта недотепа не пришла на работу, не требовалась вселенская катастрофа. Нет, ленивой он бы не назвал ее, но она так легко могла чем-то увлечься. А если оценить интеллектуальный уровень Доди... ну что он тут мог сказать? Ее отец Энди Сандерс, первый член городского управления, не тянул на кандидата в Менсу²³, но в сравнении

---

²³ Менса – организация, объединяющая людей с высоким коэффициентом интеллекта.

с Доди казался Эйнштейном.

На экране вертолеты приземлялись за спиной Андерсона Купера, взлохмачивая его седые волосы и заглушая голос. Выглядели вертолеты как «Пейв лоу». Барби отлетал на них свое, когда служил в Ираке.

Тут в кадр вошел армейский офицер, прикрыл микрофон Купера рукой в перчатке, что-то прошептал репортеру на ухо.

Зашептались и посетители «Эглантерии». Барби понимал их тревогу. Сам ее испытывал. Когда человек в форме бесцеремонно прикрывает рукой микрофон знаменитого теле-репортера, невольно возникают мысли о конце света.

Представитель армии – полковник, но не его полковник, появление в кадре Кокса окончательно дезориентировало бы Барби – сказал все, что хотел. Его перчатка прошуршала по микрофону, когда он убирал руку. Офицер вышел из кадра с каменным лицом. Барби такое уже видел: этот полковник выступал от лица армии. Ничего личного.

Купер уже говорил в микрофон:

– Прессе велено отойти на полмили, в место, которое называется «Придорожный магазин Раймонда». – Посетители «Эглантерии» вновь зашептались. Все знали «Магазин Раймонда» в Моттоне, с надписями в витрине «ХОЛОДНОЕ ПИВО ГОРЯЧИЕ САНДВИЧИ СВЕЖАЯ НАЖИВКА». Большими буквами. – Эта территория, полоса шириной менее ста ярдов рядом с тем, что мы, за неимением луч-

шего термина, называем барьером, объявлена зоной национальной безопасности. Мы возобновим нашу передачу, как только сможем, а пока я переключаю вас на нашу студию в Вашингтоне. Вольф, тебе слово.

На красной бегущей строке внизу экрана высвечивалось: «НОВОСТЬ ЧАСА НЕ УДАЕТСЯ УСТАНОВИТЬ ПРИЧИНУ ЗАГАДОЧНОЙ БЛОКАДЫ ГОРОДА В ШТАТЕ МЭН». В верхнем правом углу на красном фоне мигало слово «ОПАСНОСТЬ». *Словно реклама в витрине таверны – «Пейте выдержанное пиво»*²⁴, подумал Барби и чуть не рассмеялся.

На экране другой ведущий, Вольф Блитцер, занял место Андерсона Купера. Роуз Блитцера обожала и не разрешала переключать телевизор на другой канал, когда по будням шла программа «Ситуационная комната». Она называла его «мой Вольфи». В этот вечер Вольфи был при галстукe, но узел перекосило, да и одежда производила впечатление помятой и несвежей.

– Подведем краткий итог, – начал Вольф. – Сегодня, примерно в час пополудни...

– Раньше, и намного, – ввернул кто-то.

– Насчет Майры Эванс, это правда? – спросил другой голос. – Она действительно погибла?

– Да, – ответил Фернолд Боуи. Единственное похоронное

---

²⁴ Игра слов. Слово «severe» обозначает наивысший уровень опасности. В рекламе пива оно используется в значении «выдержанный».

бюро в городе принадлежало Стюарту Боуи, старшему брату Ферна. Ферн иногда помогал ему, если был трезв, и сегодня выдался именно такой день. Чувствовалось, что он трезв как стеклышко. Шокирующе трезв. – А теперь хватит кудахтать: я хочу услышать, что скажут.

Барби тоже хотел. Вольфи коснулся самого важного вопроса и сказал именно то, что и хотел услышать Барби: воздушное пространство над Честерс-Миллом закрыли для полетов. Более того, для полетов закрыли весь Западный Мэн и Восточный Нью-Хэмпшир, от Льюистона-Обурна до Норт-Конуэя. Президента ввели в курс дела. И впервые за девять лет уровень угрозы национальной безопасности превысил оранжевый.

Джулия Шамуэй, владелица и издатель газеты «Демократ», глянула на Барби, когда тот проходил мимо ее столика. Затем ее губы изогнулись в фирменной, сдержанной и загадочной улыбке.

– Складывается впечатление, что Честерс-Милл не хочет вас отпускать, мистер Барбара.

– Похоже на то. – Барби не удивляло, что она знает и о его уходе, и о причинах, побудивших к этому. Он провел в Милле достаточно времени, чтобы уяснить для себя: Джулия Шамуэй знала все, что следовало знать.

Роуз увидела его, когда ставила на столик для четверых, за который набились шестеро, тарелки с тушеной фасолью и сосисками (и с чем-то дымящимся и пережаренным, веро-

ятно, заказанным как свиная отбивная). Застыла, с тарелкой в каждой руке, а потом улыбнулась. Так искренне, счастливо и с таким облегчением, что настроение у Барби сразу поднялось.

Это и значит – почувствовать себя дома. Будь я проклят, если ошибаюсь.

– Вот те на! Не ожидала вновь увидеть тебя, Дейл Барбара.

– Мой фартук еще у тебя? – спросил Барби. Чуть застенчиво. В конце концов, именно Роуз взяла его на работу, обычного бродягу с несколькими написанными от руки рекомендациями в рюкзаке. Ранее она сказала ему, что отлично понимает, почему он хочет уйти из города – никому не нужны такие враги, как отец Ренни-младшего, но Барби все равно чувствовал, что подвел ее.

Роуз расставила тарелки и поспешила к Барби. Полная невысокая женщина, которой пришлось встать на цыпочки, чтобы обнять его, но она с этим справилась.

– Я чертовски рада тебя видеть, – прошептала Роуз.

Барби обнял ее и поцеловал в макушку.

– Большой Джим и Младший мне не обрадуются.

Но ни одного Ренни здесь не было, за что он мог только поблагодарить судьбу. И Барби заметил, что на какое-то время его особа заинтересовала горожан больше, чем появление Честерс-Милла на национальном телевидении.

– Да пусть Большой Джим Ренни усрется! – Барби рассмеялся, его радовала и ее экспрессивность, и благоразумие: она

по-прежнему говорила шепотом. — Я думала, ты ушел!

— Я почти ушел, но припозднился с выходом из дома.

— Ты видел... это?

— Да. Позже расскажу. — Он освободил ее из объятий, поддерживал на расстоянии руки, подумал: *Будь ты лет на десять моложе, Роуз... даже на пять...* — Так я могу взять свой фартук?

Она вытерла уголки глаз, кивнула.

— *Пожалуйста*, возьми его. И гони Энсона из кухни, пока он нас всех не отравил.

Барби отдал честь, обогнул стойку, прошел на кухню и отправил к стойке Энсона, велел разобрать заказы и навести там порядок, а потом помочь Роуз в зале. Энсон со вздохом облегчения отступил от гриля.

Тот являл собой ужасное зрелище, как случалось всегда, когда Энсон занимался грозющим катаклизмами теплообменным процессом, который он называл готовкой.

Прежде чем пойти к стойке, Энсон сжал правую руку Барби двумя своими.

— Слава Богу, чел... я не помню такого зашивона. Просто запаниковал.

— Не волнуйся. Мы сможем накормить пять тысяч.

Энсон, не знаток Библии, вытаращился на него:

— Что?

— Не важно.

Раздался звонок, установленный в углу коридорчика, что

вел на кухню.

– Новый заказ! – крикнула Роуз.

Барби схватил лопатку, прежде чем взять листок с заказом, надел фартук через голову, завязал сзади тесемки, заглянул в шкафчик над раковиной. Там лежало множество бейсболок, которые в «Эглантерии» использовались вместо поварских колпаков. Из уважения к Полу Гендрону (как надеялся Барби, сейчас окруженному любовью и заботой самых дорогих и близких) выбрал бейсболку Тюленей, надел козырьком назад, хрустнул пальцами.

Потом схватил первый листок с заказом и принялся за работу.

В 21.15, на час позже, чем обычно в субботу, из «Эглантирии» ушли последние посетители. Барби запер дверь, перевернул висевшую на стекле табличку с «ОТКРЫТО» на «ЗАКРЫТО». Понаблюдав, как эти ушедшие клиенты пересекают улицу, направляясь к городской площади, где собралось человек пятьдесят. Им, конечно же, было что обсудить. Все смотрели на юг, где сильный белый свет образовал своеобразный пузырь над шоссе номер 119. Не телевизионные огни, прикинул Барби, – армия США создала и охраняла запретную зону, выставив часовых и осветив ее.

Запретная зона. Ему это определенно не нравилось.

А Главная улица погрузилась в неестественную темноту. В некоторых зданиях горели электрические лампы – там, где работали генераторы, – в «Универмаге Берпи», магазине «Бензин и бакалея», «Новых и подержанных книгах», «Мире еды», в пяти-шести других местах. Но уличные фонари стояли темными, а на вторых этажах, где располагались квартиры, обходились свечами.

Роуз сидела за столиком в центре зала, курила (в общественных местах такое запрещалось, но Барби никому не собирался об этом докладывать). Она стянула с головы сеточку и устало улыбнулась ему, когда он сел напротив. У них за спиной Энсон драил стойку, его длинные, до плеч, волосы

теперь торчали из-под бейсболки «Ред сокс».

– Я думала, Четвертое июля – самый тяжелый день, но этот еще хуже. – Роуз вздохнула. – Если бы ты не появился, я бы свернулась калачиком в углу, зовя мамочку.

– Мимо меня проехала блондинка на «Эф-сто пятьдесят». – Воспоминание вызвало у Барби улыбку. – Чуть не остано вилась, чтобы подвезти. Если б подвезла, я оказался бы по ту сторону. Правда, со мной могло случиться то же самое, что и с Чаком Томпсоном и женщиной в самолете. – Томпсона в комментарии Си-эн-эн упомянули. Про женщину сказали, что она еще не опознана.

Но Роуз знала.

– Клодетт Сандерс. Я уверена, что она. Доди вчера говорила мне, что сегодня у ее матери урок.

Между ними на столе стояла тарелка с картофелем фри. Барби как раз тянулся к ней, но рука повисла в воздухе. Он вдруг понял, что жареного картофеля ему совершенно не хочется. Как и чего-то другого. И красная лужа у края тарелки больше смахивала на кровь, чем на кетчуп.

– Так вот почему Доди не пришла.

Роуз пожала плечами:

– Возможно. Но полной уверенности у меня нет. Она со мной не связывалась. Я и не ждала, что свяжется, – телефон-то не работает.

Барби предположил, что она говорит о проводной связи, но с кухни слышал, как люди жаловались и на плохую работу

мобильников. Большинство видели причину в том, что все звонили одновременно, перегружая сеть. Некоторые винили телевизионщиков с их сотнями «Моторол», «Нокий», айфонов и блэкберри. Барби подозревал другое: в период, когда страна охвачена паранойяльной боязнью терроризма, вроде как возникла угроза национальной безопасности, и все схватились за мобильники. Некоторые звонки еще проходили, но к ночи все реже и реже.

– В пустую голову Доди вполне могла прийти мысль плюнуть на работу и поехать в торговый центр Обурна.

– Мистер Сандерс знает, что Клодетт была в самолете?

– Точно сказать не могу, но очень бы удивилась, если еще нет. – Тут она нараспев процитировала знакомые Барби слова: – «Наш город мал – его судьбу мы вместе делим».

Он улыбнулся и ответил продолжением:

– «И за команду за одну мы все боеем».

Прошлым летом эта старая песня Джеймса Макмертри загадочным образом на два месяца стала очень популярной на паре радиостанций Западного Мэна. Разумеется, не на ХНВ: Джеймс Макмертри не относился к тем певцам, творчество которых одобряло Иисусово радио.

Роуз указала на картофель фри:

– Есть еще будешь?

– Нет. Потерял аппетит.

Барби не питал особой любви ни к всегда улыбающемуся Энди Сандерсу, ни к Доди-Тупице, которая определенно по-

могала своей лучшей подруге Энджи распускать слух, приведший к драке у «Дипперса». Но сама мысль о том, что те части тела (перед мысленным взором снова и снова возникала нога в зеленой брючине) принадлежали *матери* Доди... *жене* первого члена городского управления...

– Я тоже. – Роуз затушила сигарету в кетчупе. Послышалось шипение, и на мгновение Барби испугался, что его сейчас вырвет. Он даже отвернулся и посмотрел через окно-витрину на Главную улицу, хотя с этой точки ничего увидеть не мог. Только темноту.

– В полночь выступит президент, – объявил Энсон, продолжающий драить стойку.

Из кухни доносился низкий, протяжный стон посудомоечной машины. Барби подумал, что старина «Хобарт», возможно, трудится в последний раз и по крайней мере какое-то время будет простаивать. В этом ему предстояло убедить Роуз. Она могла поупираться, но, как женщина умная и практичная, быстро сообразит, что предложение дельное.

Мать Доди Сандерс, Господи. И какова вероятность такого?

Понял, что определенно не стремящаяся к нулю. Впрочем, на месте миссис Сандерс мог оказаться кто-то еще из его знакомых. *«Наш город мал, беби, и за команду за одну мы все болеем».*

– Мне сегодня президента не услышать, – откликнулась Роуз. – Ему придется благословлять Америку от имени Гос-

пода без меня. Пять утра наступает быстро. – По воскресеньям «Эглантерия» открывалась в семь, но к приходу первого посетителя следовало подготовиться. Как и всегда. По воскресеньям эта подготовка включала и выпечку булочек с корицей. – Вы, мальчишки, оставайтесь и смотрите, если хотите. Только, когда будете уходить, убедитесь, что двери закрыты. Передняя и черного хода. – Она начала подниматься.

– Роуз, нам надо поговорить о завтрашнем дне.

– Ду-удочки, завтра будет другой день. Давай на сегодня поставим точку, Барби. Всему свое время. – Но должно быть, она что-то увидела в его лице, поскольку вновь села. – Ладно, с чего такой мрачный вид?

– Когда тебе в последний раз привозили пропан?

– На этой неделе. Баллоны практически полные. Это все, что тебя волнует?

На такой вопрос он мог ответить отрицательно, но волнения его начинались именно с пропана. По его прикидкам получалось следующее. В «Эглантерии» стояли два соединенные друг с другом баллона. Каждый объемом триста двадцать пять или триста пятьдесят галлонов, точно он не помнил. Мог проверить утром, но, если исходить из слов Роуз, получалось, что в баллонах еще более шестисот галлонов пропана. И хорошо. Толика везения в крайне неудачный для города день. Но никто не знал, сколько еще им отмерено таких неудачных дней. И шестисот галлонов пропана не могли расходоваться вечно.

– Сколько газа сгорает за день? – спросил он Роуз. – Хотя бы приблизительно?

– Да какое это имеет значение?

– Сейчас электричество вырабатывается генератором. Свет, плиты, холодильники, насосы. Он же обеспечит отопление, если ночью станет холодно. И работает генератор на пропане.

Какое-то время они молчали, прислушиваясь к ровному гудению почти что нового генератора «Хонда», установленного за рестораном.

Подошел Энсон Уилер, присел к столу.

– Генератор сжигает два галлона пропана в час, если работает на шестьдесят процентов мощности.

– Откуда ты знаешь? – спросил Барби.

– Прочитал на табличке, которая к нему крепится. Когда от него работает все, как у нас сегодня примерно с полудня, после отключения электричества, потребление возрастает до трех галлонов, может, и чуть больше.

Роуз отреагировала мгновенно:

– Энс, выключи свет везде, кроме кухни. И установи термостат отопительного котла на пятьдесят градусов²⁵. – Она задумалась. – Нет, отключи котел совсем.

Барби улыбнулся и вытянул перед собой обе руки с поднятыми вверх большими пальцами. Она поняла. Не все в Милле могли понять. Не все захотели бы понять.

---

²⁵ Здесь и далее, кроме оговоренных случаев, температура по Фаренгейту.

– Ладно. – На лице Энсона отражалось сомнение. – Но вам не кажется, что завтра утром... самое позднее, во второй половине дня...

– Президент Соединенных Штатов собирается выступить по телевидению, – прервал его Барби. – В полночь. И что ты думаешь по этому поводу, Энс?

– Я думаю, мне лучше выключить свет.

– И не забудь про термостат, – вставила Роуз, а когда Энси ушел, повернулась к Барби. – Я сделаю то же самое, когда поднимусь к себе. – Уже десять лет как овдовев, она жила над рестораном.

Барби кивнул. Перевернул бумажную салфетку с надписью на лицевой стороне «ВЫ ПОСЕТИЛИ ЭТИ 20 ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТЕЙ МЭНА?» – и начал писать на обратной стороне. Двадцать семь или тридцать галлонов пропана сгорели после возникновения барьера. То есть оставалось пятьсот семьдесят. Сократив расход газа до двадцати пяти галлонов в день, теоретически удалось бы растянуть имеющийся в наличии пропан на три недели. Уменьшение расхода до ежедневных двадцати галлонов – и вероятно, Роуз могла это сделать, закрывая ресторан между завтраком и обедом и между обедом и ужином – растянуло бы работу «Эглантерии» чуть ли не на месяц.

И этого достаточно, подумал Барби. Потому что готовить будет не из чего, если город и через месяц останется отрезанным от внешнего мира.

– О чем думаешь? И что это за числа? Я не понимаю, что они означают.

– Потому что они для тебя перевернутые. – Барби вдруг понял, что сейчас в городе, возможно, все предпочитали смотреть на перевернутые цифры. Мало кому хватало духа развернуть их к себе как положено.

Роуз развернула. Пробежалась взглядом по числам. Потом подняла голову и, потрясенная, уставилась на Барби. Энсон к тому времени погасил большую часть ламп, так что они смотрели друг на друга в сумраке, который казался, по крайней мере Барби, предзнаменованием грядущих неприятностей. В этом городе они действительно могли попасть в серьезную передрагу.

– Двадцать восемь дней? – переспросила Роуз. – Ты думаешь, мы должны все распланировать на *четыре недели*?

– Я не знаю, должны мы или нет, но в Ираке кто-то дал мне «Маленькую красную книжицу» председателя Мао. Я всюду носил ее с собой, прочитал от корки до корки. Во многих цитатах больше здравого смысла, чем в самых разумных словах наших политиков. И вот что я запомнил среди прочего: «Надейся на солнечный свет, но строй дамбы». Я думаю, что мы... то есть ты...

– Мы, – поправила она Барби и коснулась его руки. Он накрыл ее сверху своей, сжал.

– Хорошо, мы. Я думаю, мы должны все распланировать на этот срок. Никакой выпечки, хотя я люблю булочки с ко-

рицей не меньше любого другого, никакой посудомоечной машины. Она старая и потребляет много энергии. Я знаю, Доди и Энсону идея мыть посуду вручную не понравится...

– Не думаю, что мы можем рассчитывать на возвращение Доди в ближайшее время, раз уж ее мать погибла. – Роуз вздохнула. – Я просто надеюсь, что она поехала в Торговый центр Обурна. Хотя, наверное, завтра об авиакатастрофе все равно напишут во всех газетах.

– Возможно. – Барби понятия не имел, как много информации будет уходить из Честерс-Милла и попадать в него, если не найдется более-менее рационального объяснения случившемуся и ситуация не разрешится в самом скором времени. Скорее всего не так чтобы много. Он подумал, что знаменитый Колпак тишины Максвелла Смарта²⁶ опустится очень скоро, если уже не опустился.

Энсон вернулся к столу, за которым сидели Барби и Роуз. Уже в куртке.

– Ничего, если я пойду, Роуз?

– Конечно. Завтра в шесть.

– Не поздновато ли? – Он усмехнулся и добавил: – Только не подумай, что я жалуюсь.

– Мы теперь будем открываться позже. – Роуз замялась. – И закрываться в промежутках между завтраком, обедом и

---

²⁶ Максвелл Сمارт – герой комедийного шпионского сериала «Напряги извилины». Колпак тишины – две прозрачные пластмассовые полусферы, которые опускались на героя.

ужином.

– Правда? Клево. – Его взгляд сместился на Барби. – Тебе есть где переночевать? А то можешь пойти ко мне. Сейда поехала в Дерри навестить родителей. – Он говорил про свою жену.

Барби было где переночевать – практически на другой стороне улицы.

– Спасибо, но я вернусь в свою квартиру. У меня заплачено до конца месяца, так почему нет? Я оставил ключи Петре Сирлс в аптеке, когда уходил утром, но на брелоке у меня остался дубликат.

– Ладно. Увидимся утром, Роуз. Ты придешь, Барби?

– Будь уверен.

Энсон широко улыбнулся:

– Отлично!

Когда он ушел, Роуз потерла глаза, потом мрачно посмотрела на Барби:

– И надолго это затянется? Как думаешь?

– Ничего не могу сказать, поскольку понятия не имею, что произошло. И не знаю, когда это перестанет происходить.

– Барби, ты меня пугаешь, – прошептала Роуз.

– Я сам напуган. Нам обоим пора спать. Может, утром все будет выглядеть не таким ужасным.

– После такого разговора мне, наверное, придется принять амбиен, чтобы уснуть, пусть я и жутко устала. Но я так рада, что ты вернулся.

Барби вспомнил, что он думал и о продуктах.

– Вот что еще. Если «Мир еды» завтра откроется...

– Он всегда работает по воскресеньям. С десяти до шести.

– *Если* он откроется, тебе придется поехать за продуктами.

– Но «Сиско» все привозит... – она замолчала, в ужасе уставилась на него, – по вторникам. Правда, теперь мы не можем на это рассчитывать, так? Разумеется, не можем.

– Не можем. Даже если все вдруг выправится, армия будет еще какое-то время держать этот город на карантине.

– И что мне покупать?

– Все, но особенно мясо. Мясо, мясо и мясо. Если только магазин откроется. Я в этом не уверен. Джим Ренни сможет убедить тамошнего управляющего, уж не знаю, кто он...

– Джек Кейл. Он стал управляющим, когда Эрни Кэлверт в прошлом году ушел на пенсию.

– Так вот, Ренни сможет убедить его закрыться до последующего уведомления. Или прикажет чифу Перкинсу держать магазин под замком.

– Ты не знаешь? – спросила Роуз и добавила, в ответ на его недоуменный взгляд: – Ты не знаешь. Герцог Перкинс мертв, Барби. Умер там. – Она указала на юг.

Барби ошеломленно уставился на нее.

Энсон не удосужился выключить телевизор, и за их спиной Вольфи, любимчик Роуз, вновь рассказывал миру о том, что неведомая сила отрезала маленький городок в Западном

Мэне, территория изолирована армией Соединенных Штатов, в Вашингтоне проходит заседание Объединенного комитета начальников штабов, президент обратится к нации в полночь, а пока просит американский народ молиться вместе с ним за скорейшее спасение жителей Честерс-Милла.

– Папа! *Papa!*

Ренни-младший стоял на верхней ступеньке лестницы, склонив голову набок. Прислушиваясь. Ни ответа, ни звука работающего телевизора. Отец всегда приходил домой после работы и в это время сидел перед телевизором. По субботним вечерам отказывался от Си-эн-эн или «Фокс ньюс» в пользу каналов «Энимал плэнит» или «История». Но не сегодня. Младший послушал свои часы, чтобы убедиться, что они тикают. Тикали и вроде бы показывали правильное время, потому что за окнами стемнело.

В голову пришла жуткая мысль: Большой Джим сейчас с чифом Перкинсом. Они обсуждают, как арестовать Младшего без лишнего шума. А почему они ждали так долго? Для того, чтобы вывезти его из города под покровом темноты. Переправить в окружную тюрьму в Касл-Рок. Потом суд. А потом?

Шоушенк. Через несколько проведенных там лет он, вероятно, начнет называть тюрьму просто Шенк, как и все убийцы, грабители и содомиты.

– Это глупо, – прошептал Младший, но глупо ли? Он проснулся, думая, что убийство Энджи – сон, и никак иначе. Потому что он никогда никого бы не убил. Избить – пожалуйста, но *убить*? Он же... ну... это... *нормальный человек!*

Потом посмотрел на одежду под кроватью, увидел кровь, и все вернулось. Полотенце, свалившееся с ее волос. Волосы на лобке, которые каким-то образом вывели его из себя. Хруст, донесшийся из ее головы после того, как он двинул коленом ей в лицо. Дождь посыпавшихся с холодильника магнитов. Как она билась на полу в судорогах.

Но это сделал не я. Это сделала...

Головная боль.

Да. Правда. Но кто в это поверит? Его шансы выше не станут, скажи он, что убийца – дворецкий²⁷.

– Папа?

Нет ответа. Отца дома нет. И его нет в полицейском участке, не строит он там козни против него. Отец на такое не пойдет. Никогда. Его отец всегда говорил: семья превыше всего.

Но всегда ли семья на первом месте? Разумеется, отец так говорил – он христианин, и ему принадлежит половина акций радиостанции ХНВ. Но Младший почему-то думал, что для его отца салон подержанных автомобилей может стоять выше семьи, а должность второго члена городского управления – выше этого храма торговли, где проповедовался принцип «Без первоначального взноса».

А Младший – вполне возможно – только третий в списке приоритетов.

---

²⁷ «Это сделал дворецкий» – известная в англоязычных странах поговорка, смысл которой примерно соответствует российскому «во всем виноват стрелочник».

Он осознал (впервые в жизни его действительно осенило), что все это лишь догадки, что в действительности он совершенно не знает своего отца.

Младший вернулся в свою комнату и включил верхний свет. Лампы загорелись, но как-то странно, то ярко вспыхивали, то становились тусклыми. На мгновение Младший подумал, что его подводят глаза, но потом услышал тархтение установленного во дворе генератора. Работали генераторы и в других домах. Что-то случилось с централизованной подачей электроэнергии. Младший ощутил безмерное облегчение. Авария в системе подачи электроэнергии объясняла все. Отец, конечно же, в муниципалитете, в зале заседаний, обсуждает ситуацию с другими двумя идиотами, Сандерсом и Гриннел. Возможно, втыкает булавки в карту города, как генерал Джордж Паттон. Кричит по телефону на диспетчера «Энергетической компании Западного Мэна», обзывает их стадом ёханных бездельников.

Младший вытащил из-под кровати окровавленную одежду, достал из карманов бумажник, мелочь, ключи, расческу, лекарства от головной боли – рассовал по карманам чистых джинсов. Поспешил вниз, сунул избобличающую его одежду в стиральную машину, установил на стирку в горячей воде, потом вспомнил, как мать говорила ему, наверное, еще десятилетнему: для пятен крови – холодная вода. Поворачивая диск на «Холодная стирка/Холодное полоскание», Младший вдруг задался вопросом: начал ли его отец уже тогда трахать

секретуток или еще использовал свой ёханный пенис только дома?

Включил стиральную машину и подумал, что делать дальше. Головная боль ушла, и он обнаружил, что *может* думать.

Решил, что все-таки должен вернуться в дом Энджи. Не хотел – Бог свидетель, этого ему хотелось меньше всего на свете, – но, вероятно, следовало разведать обстановку. Пройти мимо и посмотреть, много ли там полицейских автомобилей. Стоит или не стоит фургон экспертов-криминалистов из лаборатории округа Касл. Эксперты – ключевой момент. Он это знал по телесериалу «Место преступления». Ему уже доводилось видеть этот большой бело-синий фургон, когда он ездил с отцом в окружной суд. И если бы фургон стоял у дома Маккейнов...

Я сбегу.

Да, быстро и как можно дальше. Но до того ему пришлось бы вернуться домой и заглянуть в сейф, который стоял в кабинете отца. Тот понятия не имел, что сыну известен код, открывающий замок сейфа, но Младший его знал. Как и пароль, позволяющий войти в отцовский компьютер (что открыло ему папин интерес к лицемерию орео-секса, так это называли Младший и Френк Дилессепс: две черные телки, один белый парень). А в сейфе лежали деньги. Тысячи и тысячи долларов.

А если я увижу фургон, вернусь сюда, а отец – дома?

Значит, деньги сначала. Деньги немедленно.

Он прошел в кабинет и на мгновение вроде бы увидел отца, сидевшего на стуле с высокой спинкой, на котором тот сидел всегда, когда смотрел новости или передачи о природе. Он заснул или... а если у него случился инфаркт? Последние три года у Большого Джима то и дело возникали нелады с сердцем, по большей части аритмия. Он обычно шел в «Кэтрин Рассел», и док Хаскел или док Рейберн что-то ему давали, приводя в норму. Хаскел полагал, что так может продолжаться вечно, но Рейберн (которого отец называл «ёханный яйцеголов») в конце концов настоял на том, чтобы Большой Джим поехал к кардиологу в Центральную городскую больницу в Льюистон. Кардиолог сказал, что нужна операция, которая позволит раз и навсегда избавиться от аритмии. Большой Джим (он до смерти боялся больниц) ответил, что сначала должен посоветоваться с Богом. Должен провести *молитвенную операцию*, так это назвал. А пока он принимал таблетки и последние несколько месяцев вроде бы чувствовал себя прекрасно, но теперь... возможно...

– Папа?

Ответа не последовало. Младший щелкнул выключателем. Люстра давала такой же неровный свет, как и в его комнате, но прогнала тень, которую Младший принял за голову отца. Он бы не сильно горевал, если б отец окочурился, но порадовался, что сегодня этого не случилось. Слишком много возникло бы сложностей.

К стене, в которую вмонтировали сейф, он приблизился большими мягкими шагами, прямо-таки с мультяшной осторожностью, то и дело поглядывая на окно: не осветят ли его автомобильные фары, возвещающие о возвращении отца. Младший снял и поставил на пол картину, закрывающую сейф (Иисус, произносящий Нагорную проповедь), и набрал нужную комбинацию. Ему пришлось проделать это дважды, прежде чем ручка повернулась – очень уж сильно тряслись пальцы.

Он увидел, что сейф набит наличными и пачками листов из плотной, похожей на пергамент, бумаги со штампами «ОБЛИГАЦИИ НА ПРЕДЪЯВИТЕЛЯ» на каждой пачке. Младший тихонько присвистнул. Когда он в последний раз открывал сейф – чтобы позаимствовать пятьдесят баксов перед поездкой на прошлогоднюю Фрайбургскую ярмарку, – денег в сейфе хватало, но сейчас их заметно прибавилось. И тогда он не видел никаких «ОБЛИГАЦИЙ НА ПРЕДЪЯВИТЕЛЯ». Подумал о надписи на табличке, которая стояла на столе отца в его салоне: «ИИСУС ОДОБРИЛ БЫ ЭТУ СДЕЛКУ?» Даже охваченный смятением и страхом, Младший успел задаться вопросом: а одобрил бы Иисус то, чем занимался его отец в последнее время?

– Нечего лезть в его дела, мне хватает своих, – прошептал он. Взял пятьсот баксов купюрами по пятьдесят и двадцать долларов, начал закрывать сейф, передумал, добавил несколько сотенных. Учитывая просто непристойное коли-

чество денег, которые сейчас лежали в сейфе, отец кражи и не заметит. А если заметит, вероятно, поймет, почему Младший взял эти деньги. И возможно, даже одобрит. Как любил говорить Большой Джим: «Господь помогает тем, кто помогает себе сам».

Под влиянием этих слов Младший помог себе еще четырем сотенными. Потом закрыл сейф, запер, сместив диски наборного замка, повесил Иисуса на стену. Схватил куртку из стенного шкафа в прихожей и вышел из дома под рычание генератора и мерное гудение «Мейтэга», отмывающего кровь Энджи от его одежды.

У дома Маккейнов он никого не увидел.

Ни единой злогребучей души.

Младший затаился на другой стороне улицы, под изредка падающими кленовыми листьями, гадая, может ли доверять тому, что видит: дом темный, ни «фо-раннера» Генри Маккейна, ни «приуса» Ладонны на подъездной дорожке нет. Слишком хорошо, чтобы быть правдой, чересчур хорошо.

Может, они находились на городской площади? В этот вечер там собралось очень много людей. Возможно, они обсуждали прекращение подачи электроэнергии, хотя Младший не мог припомнить подобные сборища в тех редких случаях, когда огни гасли по всему городу. Люди просто шли домой и ложились спать в полной уверенности – если, конечно, не бушевала сильнейшая гроза, – что к завтраку подачу электричества восстановят.

Может, прекращение подачи электроэнергии вызвано чрезвычайным происшествием, о каких сообщают в экстренных выпусках новостей, прерывая запланированные передачи? Младший смутно припомнил: некий старик спрашивал его, что происходит, вскоре после того, как нечто чрезвычайное случилось с Энджи. Но так или иначе, по пути к дому Маккейнов Младший не решился с кем-либо заговорить. Прошел по Главной улице, опустив голову и подняв ворот-

ник (чуть не столкнулся с Энсоном Уилером, когда Энс выходил из «Эглантерии»). Уличные фонари не горели, помогая ему держаться в тени, никому не попадаясь на глаза. Еще один подарок богов.

И теперь это. Третий подарок. *Невероятный* подарок. Неужто тело Энджи до сих пор не обнаружили? Или ему расставили ловушку?

Младший мог представить себе, как шериф округа Касл или детектив полиции штата говорит: *Нам надо только спрятаться и ждать, парни. Убийца всегда возвращается на место преступления. Это общеизвестный факт.*

Телевизионная чушь. И однако, переходя улицу, Младший каждую секунду ожидал, что вот-вот вспыхнут лучи мощных фонарей и пришилият его к темноте, как бабочку иголкой пришивают к бумаге, и кто-то закричит, вероятно, в мегафон: «Стой на месте и подними руки!»

Ничего такого не произошло.

Когда он ступил на подъездную дорожку Маккейнов, сердце выпрыгивало из груди, а кровь стучала в висках (но голова не болела, он расценивал это как добрый, добрый знак). Дом оставался темным и тихим, даже генератор не тарахтел. А у соседей, Гриннелов, еще как тарахтел.

Младший оглянулся и увидел огромный световой пузырь, возвышающийся над деревьями. Светилось что-то на южной окраине города, может, и в Моттоне. Из-за этого свечения и вырубилось электричество? Очень может быть.

Он подошел к двери черного хода. Парадная дверь оставалась незапертой. Если никто не заходил в дом после случившегося с Энджи, то и Младший не хотел заходить через парадную дверь. Он бы зашел, если б пришлось, но, может, удастся этого избежать. В конце концов, ему пока везло.

Ручка двери повернулась.

Младший сунул голову на кухню и сразу ощутил запах крови – похожий на запах распыленного крахмала, только более спертый.

– Эй! Привет! Есть кто-нибудь дома?! – Он не сомневался, что никого нет, но, если бы благодаря какому-то невероятному стечению обстоятельств Генри или Ладонна припарковались около городской площади и вернулись домой пешком (и потом не обнаружили труп дочери, лежащий на кухонном полу), он бы закричал. Да! Закричал и «обнаружил этот самый труп». Фургон с криминалистами все равно бы приехал, но Младший выиграл бы время. – Привет? Мистер Маккейн? Миссис Маккейн? – Тут его озарило. – Энджи? Ты дома?

Разве он стал бы ее звать, если сам и убил? Разумеется, нет! Но ужасная мысль прострелила голову: *А если она отзовется? Отзовется с пола? Слова вырвутся из залитого кровью горла?*

– Держи себя в руках, – пробормотал Младший. Да, он должен держать себя в руках, но как это трудно. Особенно в темноте. А кроме того, в Библии такое случалось сплошь

и рядом. В Библии люди иногда возвращались к жизни, как зомби в фильме «Ночь живых мертвецов». – Есть кто-нибудь дома?

Ни ответа, ни привета.

Его глаза адаптировались к густому сумраку, но видел он далеко не все, ему требовался свет. Конечно, следовало взять из дома фонарик, но такие мелочи забываются, если ты давно уже привык к тому, чтобы щелчок выключателя прогонял темноту.

Младший пересек кухню, переступив через тело Энджи, открыл первую из двух дверей в дальней стене. Кладовка. Различил полки, уставленные бутылками и банками. Открыл вторую дверь, и тут ему повезло больше. Прачечная. А на полке справа, если он не ошибся, если ему продолжало везти, вроде бы силуэт столь необходимого предмета.

Он не ошибся. Фонарь – и яркий. Младший понимал, что на кухне им придется пользоваться с осторожностью (тут же в голову пришла очередная дельная мысль – надо задвинуть шторы), но в прачечной он мог светить куда угодно. Здесь луч никто бы не увидел.

Стиральный порошок. Отбеливатель. Кондиционер. Ведро и тряпку «Свиффер». Генератор не работал, так что можно было рассчитывать только на холодную воду. Младший полагал, что из кранов удастся наполнить хотя бы одно ведро, а уж потом придется брать воду из различных туалетных бачков. И ему требовалась именно холодная вода. Кровь

лучше отмывалась холодной водой.

И он примется за уборку, будто домашняя хозяйка-чистоплюйка, какой в свое время была его мать, помня о наставлении мужа: «Чистый дом, чистые руки, чистое сердце». Он намеревался смыть всю кровь. Потом протереть те места, к которым он прикасался или мог прикоснуться. Но сначала...

Тело. Что-то надо сделать с телом.

Младший решил, что на ближайшее время сойдет и кладовая. Ухватил труп за руки и поволок. В кладовой отпустил руки, и они с легким стуком упали на пол. Покончив с этим, приступил к другим делам. Напевая себе под нос, вернул на дверцу холодильника все магниты, потом задернул шторы. Из-под крана заполнил ведро чуть ли не доверху, прежде чем оттуда пошел воздух. Так что ему опять повезло.

Он все еще тер пол, и тереть его, похоже, предстояло долго, когда раздался стук во входную дверь дома.

Младший поднял голову, глаза широко раскрылись, губы оттянулись в гримасе ужаса.

– Энджи?! – Голос девушки, и она плакала. – Энджи, ты дома? – Вновь стук, потом дверь открылась. Видать, его везение закончилось. – Энджи, пожалуйста, будь дома. Я видела твой автомобиль в гараже...

Черт. Гараж! Он и не подумал проверить гребаный гараж!

– Энджи! – Снова плач. И голос знакомый. Господи, неужели debilка Доди Сандерс? Она самая. – Энджи, она сказала, что моя мать *мертва*! Миз Шамуэй сказала, что она

погибла!

Младший надеялся, что Доди пойдет наверх, проверить комнату Энджи. Но она напрямиком направилась на кухню, в темноте двигаясь медленно и осторожно.

– Энджи? Ты на кухне? Мне показалось, там свет.

У Младшего вновь начала болеть голова, и все благодаря этой лезущей не в свои дела, курящей травку суке. И что бы ни случилось после этого... вина все равно ляжет на нее.

Днем Доди Сандерс и покурила, и выпила. Травка и алкоголь еще не выветрились, но она уже мучилась похмельем. Ее мать погибла. Теперь Доди в темноте пересекала прихожую дома своей лучшей подруги. Наступила на что-то непонятное, это что-то заскользило под ногой. Доди схватилась за перила лестницы; больно ударившись двумя пальцами, вскрикнула. Она смутно понимала, что все это происходит с ней, но верить в такое отказывалась. У Доди было чувство, будто она находится в некоем параллельном измерении, как в фантастическом фильме.

Она наклонилась, чтобы посмотреть, что попало под ноги. Похоже, полотенце. Какой-то дурак оставил полотенце на полу в прихожей. Потом Доди вроде бы слышала, что кто-то двигается в темноте. На кухне.

– Энджи, это ты? – Ответа не получила. Но все равно чувствовала – там кто-то есть, а может, и нет. – Энджи! – Шаркая ногами, двинулась дальше, прижимая к боку правую руку, пульсирующую от боли; пальцы наверняка опухнут, думала она, уже начали опухать. Левую руку Доди вытянула перед собой, ощупывая темноту. – Энджи, пожалуйста, будь здесь! Моя мама мертва, это не шутка, миз Шамуэй сказала мне, и она не шутила, ты мне *нужна*!

А день начался так хорошо. Она поднялась рано (ну... в

десять для нее рано) и не собиралась прогуливать работу. Потом позвонила Саманта Буши и сказала, что купила на аукционе и-бэй новых Брэтцев²⁸, и не хочет ли Доди приехать, чтобы их помучить? пытками кукол они занимались в старшей школе – покупали на распродажах, потом вешали, вколачивали гвозди в их глупые головы, обливали бензином для зажигалок, а потом поджигали. Но Доди знала, что им пора бросить эти забавы, они уже стали почти что взрослыми. пытки кукол – детские игры. Хотя и от них мурашки бежали по коже. У Сэмми было собственное жилье на Моттон-роуд – всего лишь трейлер, но она жила там одна с весны, когда ушел ее муж, – и Литл Уолтер спал практически круглые сутки. Плюс у Сэмми всегда была потрясающая травка. Доди догадывалась, что та достается ей от парней, с которыми она веселилась. По уик-эндам ее трейлер пользовался популярностью. Но так уж вышло, Доди зареклась курить травку. Больше никогда – после той истории с поваром. «Никогда» продолжалось чуть больше недели, до звонка Сэмми.

«Я отдам тебе Джейд и Ямин, – заманивала ее подруга. – Опять же у меня есть отличная знаешь-что. – Она всегда так говорила, чтобы тот, кто мог подслушивать, не понял, о чем речь. – И мы можем заняться знаешь-чем».

Доди знала, чем они могли заняться, и даже почувствовала легкий зуд Там Внизу (в знаете-в-чем), пусть даже это то-

---

²⁸ «Брэтц» – кукольный набор, в который сначала входили четыре куклы – Ямин, Хлоя, Саша и Джейд.

же была детская забава, на которой им давно следовало поставить крест.

«Пожалуй, что нет, Сэм. Мне в два часа на работу, и...»

«Ясмин ждет, – напомнила Сэмми. – А ты ведь ненавидишь эту сучку».

Тут она сказала правду. По мнению Доди, из всех Брэтцев не было большей сучки, чем Ясмин. Да и до работы оставалось почти четыре часа. А если б она чуть припозднилась, что с того? Роуз уволила бы ее? Да кто еще пойдет на эту говенную работу?

«Ладно. Только ненадолго. И лишь потому, что я ненавижу Ясмин. – Сэмми хохотнула, услышав эти слова. – Но я больше не занимаюсь знаешь-чем. Ни одним, ни другим».

«Нет проблем. Приезжай побыстрее».

Доди приехала, и, само собой, выяснилось, что пытаться Брэтцев не в кайф без косячка, а потому она немного курнула травки, как и Сэмми. На пару они сделали Ясмин пластическую операцию очистителем для труб, получив от этого немалое удовольствие. Потом подруга захотела показать свою новую кофту, и, хотя Сэмми отрастила приличный животик, для Доди она по-прежнему выглядела очень даже ничего, возможно, потому, что они чуть заторчали, – если по-честному, обкурились. И раз уж Литл Уолтер по-прежнему спал (его отец настаивал, что назвал его так в честь блюзмена давно ушедших дней, и Доди предполагала, что чересчур сонливый Литл Уолтер – умственно недоразвитый, и удив-

ляться этому не приходилось, если вспомнить, сколько травы выкурила Сэм, когда вынашивала его), они оказались в кровати Сэмми, занимаясь знаете-чем. Потом они крепко заснули, а когда Доди проснулась, Литл Уолтер орал как резанный и уже шел шестой час. Ехать на работу смысла не было, а кроме того, Сэм достала бутылку «Черного Джонни Уокера». Они выпили одну стопку, вторую стопку, третью стопку, четвертую, и Сэмми захотела посмотреть, что будет с младенцем-Брэтцем, если сунуть куклу в микроволновку, да только электричество отключили.

Доди ползла в город со скоростью шестнадцать миль в час, все еще пьяная и обкуренная, в диком страхе, постоянно поглядывая в зеркало заднего обзора, а нет ли на хвосте копов. Точно знала, если ее остановят, это будет рыжеволосая сука Джекки Уэттингтон. Боялась она увидеть и отца, который мог пораньше уйти с работы и унюхать спиртное в ее дыхании, или мать, – та наверняка осталась дома, слишком устав после этого идиотского летного урока, чтобы идти играть в бинго.

Пожалуйста, взмолилась она, Господи, пожалуйста, позволь мне в этот раз выйти сухой из воды, и я буду обходить знаешь-что стороной. И первое, и второе. Большие никогда в жизни.

Бог слышал молитву Доди. Ее встретил пустой дом, электричество вырубилось и здесь, но в своем полубредовом состоянии Доди этого и не заметила. Она прокралась наверх,

к себе в комнату, скинула брюки и рубашку, улеглась в кровать. Только на несколько минут, сказала она себе. А потом соберет одежду, которая пропахла сладковатым дымом, бросит в стиральную машину, а сама встанет под душ. От нее разило духами Сэмми, которые та, должно быть, покупала галлонами в «Универмаге Берпи».

Она не поставила будильник, и, когда ее разбудил стук в дверь, за окном уже стемнело. Доди схватила халат и спустилась вниз, в полной уверенности, что, открыв дверь, увидит эту рыжеволосую стерву с большими буферами, которая пришла, чтобы арестовать ее за управление автомобилем под газом. А может, и за вылизывание киски. Доди не думала, что это конкретное знаете-что запрещено законом, но полной уверенности у нее не было.

Но на пороге стояла не Джекки Уэттингтон, а Джулия Шамуэй, редактор-издательница «Демократа». В руке она держала фонарик. Осветила лицо Доди – опухшее ото сна, с красными глазами, с включенными волосами, – а потом направила луч вниз. Но света хватало, чтобы Доди увидела сочувствие, написанное на лице Джулии, и ощутила замешательство и страх.

– Бедное дитя, – начала Джулия. – Ты не знаешь, да?

– Не знаю чего? – спросила Доди. Тогда и возникло ощущение, что она в параллельном мире. – Не знаю чего?

И Джулия Шамуэй ответила на ее вопрос.

– Энджи! Энджи, пожалуйста!

Она плелась по коридору. Рука пульсировала от боли. Голова пульсировала. Она могла бы поискать отца – миз Шамуэй предложила отвезти ее в «Похоронное бюро Боуи», – но кровь стыла в жилах от одной мысли об этом месте. А кроме того, ей хотелось побыть с Энджи. С Энджи, которая крепко обняла бы ее без всякого интереса к знаете-чему. С Энджи, которая была ее лучшей подругой.

Тень выступила из кухни и стремительно двинулась к ней.

– Это ты, слава Богу! – Она зарыдала еще сильнее и устремилась к тени, вытянув перед собой руки. – Ох, это ужасно! Меня наказывают за то, что я плохая девочка. Я знаю, что плохая!

Темная фигура тоже вытянула руки, но они не обняли Доди, чтобы прижать к себе. Вместо этого сомкнулись на ее шее.

На благо города, на благо горожан

1

Энди Сандерс находился в «Похоронном бюро Боуи». Пришел туда с тяжелой ношей: недоумением, горем, разбитым сердцем.

Сидел в Зале прощания номер 1 в компании с гробом, который стоял в передней части комнаты. Гертруда Эванс, восьмидесяти семи лет (может, восьмидесяти восьми) умерла от застойной сердечной недостаточности двумя днями раньше. Энди уже выразил соболезнования, хотя один только Бог знал, кто мог прочесть его письмо: муж Герты уже десять лет как ушел из жизни. Но значения это не имело. Энди всегда отправлял письмо с соболезнованиями, если умирал кто-то из его избирателей. Писал от руки, на фирменном бланке с шапкой: «ОТ ПЕРВОГО ЧЛЕНА ГОРОДСКОГО УПРАВЛЕНИЯ». Считал это частью своих обязанностей.

Большой Джим на такое не разменивался. Большой Джим слишком много времени тратил на управление, как он это называл, «нашим бизнесом», то есть Честерс-Миллом. Руководил им, как частной железной дорогой, если уж придерживаться фактов, но Энди не возражал: он понимал, что Большой Джим *умен*. Энди понимал и кое-что еще: без Эндрю

Делуи Сандерса Большого Джима не выбрали бы и ловцом бродячих собак. Большой Джим мог продавать автомобили, обещая выгодные сделки, низкие-низкие проценты и подарки, вроде дешевых корейских пылесосов, но, когда он попытался стать дилером «Тойоты», компания отдала предпочтение Уиллу Фримену. С учетом результатов продаж и местоположения салона на шоссе номер 119 Большой Джим не мог понять, почему «Тойота» так сглупила.

Энди мог. Он, конечно, не считал себя самым умным медведем в лесу, но знал, что у Большого Джима нет душевной теплоты. Второй член был жестким человеком (некоторые из тех, кто купился на низкие-низкие проценты, сказали бы, жестокосердным). Он умел убеждать, но от него так и веяло холодом. А вот Энди мог поделиться теплом. Общаясь с избирателями в ходе предвыборной кампании, Энди говорил им, что он и Большой Джим – мятные близняшки²⁹, Клик и Клэк³⁰, ореховое масло и желе и Честерс-Милл не будет прежним, если они на пару не станут тянуть воз (в компании с кем-то третьим, на этот раз с Андреа Гриннел, сестрой Роуз Твитчел). Энди наслаждался партнерством с Большим Джимом. Оно приносило немалые деньги, особенно – последние два-три года, и в этом партнерстве ему нравилось все. Большой Джим знал, как что делается, а главное, знал, почему

---

²⁹ Рекламный образ жевательной резинки «Даблминт/Двойная мята».

³⁰ Имеются в виду братья Том и Рей Мальоцци, ведущие еженедельной программы на радио.

это надо сделать. «Мы впряглись всерьез и надолго, – говорил Большой Джим. – Мы делаем это для нашего города. Для людей. Ради их блага». Энди нравились такие слова. Это же приятно, делать добрые дела.

Но сейчас... нынешним вечером...

– Я с самого начала ненавидел эти летные уроки, – вырвалось у него, и он вновь заплакал. Потом уже громко зарыдал, но мог не стесняться, потому что Бренда Перкинс ушла в молчаливых слезах, постояв у тела мужа, а братья Боуи находились в подвале. Их завалило работой (Энди понимал, пусть и смутно, что случилось нечто ужасное). Ферн Боуи уходил в «Эглантерию», чтобы наскоро перекусить, а когда вернулся, Энди не сомневался, что его выпроводят за дверь. Но Ферн прошел по коридору, даже не взглянув на Энди, который сидел, зажав руки между колен, со сбившимся галстуком и с растрепанными волосами.

Ферн спустился в «мастерскую», как они это называли на пару с братом Стюартом (ужасно, ужасно!), Герцог Перкинс тоже находился внизу. А также этот чертов Чак Томпсон, который, возможно, не уговаривал Клодетт брать летные уроки, но точно не отговаривал ее от них. Возможно, там были и другие.

Клодетт – точно.

Энди с всхлипом застонал и еще сильнее сцепил пальцы. Он не мог жить без нее, просто не мог жить без нее. И не только потому, что любил больше жизни. Именно Клодетт

(вместе с регулярными, нигде не учитываемыми и постоянно возрастающими финансовыми вливаниями Джима Ренни) держала на плаву его аптечный магазин. Если бы Энди управлял им самостоятельно, то стал бы банкротом до наступления нового тысячелетия. Его конек – человеческие отношения, а не счета и бухгалтерия. На этом специализировалась его жена. Точнее, раньше специализировалась.

«Раньше» новой болью отдалось в сердце. Энди опять застонал.

Клодетт и Большой Джим однажды даже объединили усилия, чтобы подкорректировать городскую финансовую документацию, когда штат решил ее проверить. Предполагалось, что проверка будет внезапной, но Большого Джима предупредили заранее. Не так чтобы задолго, но им хватило времени, чтобы поработать с компьютерной программой, которую Клодетт называла «МИСТЕР ЧИСТИЛЬЩИК». Программе дали такое название, потому что после ее использования в документах не оставалось темных мест, которые могли вызвать подозрения аудиторов. Те признали членов городского управления белыми и пушистыми, вместо того чтобы отправить в тюрьму (и в этом проявилась бы крайняя несправедливость, поскольку в большей части своих деяний – если по-честному, практически во всех – они руководствовались благом города).

По сути, Клодетт Сандерс была более красивым Джимом Ренни, более добрым Джимом Ренни, тем Джимом Ренни, с

которым он мог спать и делиться секретами, и жизни без нее он себе не представлял.

Энди снова зарыдал, но тут Большой Джим положил ему руку на плечо и сжал пальцы. Энди не слышал, как тот подошел, но даже не вздрогнул. Он, можно сказать, ожидал, что эта рука ляжет ему на плечо: человек, которому она принадлежала, всегда появлялся в тот момент, когда Энди нуждался в нем больше всего.

– Я не сомневался, что найду тебя здесь. Энди... дружисе, мне очень, очень жаль.

Энди вскочил, обнял внушительную талию Большого Джима и вновь зарыдал, вжавшись лицом в его пиджак.

– Я говорил ей, что эти уроки опасны! Я говорил ей, что Чак Томпсон – мерзавец, такой же, как и его отец!

Большой Джим потер ему спину успокаивающей ладонью.

– Я знаю. Но теперь она в лучшем месте, Энди... этим вечером обедает с Иисусом Христом... ест ростбиф, пюре из свежего горошка с подливой. Как тебе эта завораживающая мысль? Держись за нее. Думаешь, нам надо помолиться?

– Да! – Рыдание в очередной раз вырвалось из груди Энди. – Да, Большой Джим! Помолись со мной!

Они опустились на колени, и Большой Джим молился долго и усердно за упокой души Клодетт Сандерс. (Внизу, в мастерской, Стюарт услышал его, посмотрел в потолок и заметил: «Этот человек дрищет с обоих концов».)

После четырех-пяти минут «теперь мы видим как бы че-

рез тусклое стекло» и «когда я был младенцем, то по-младенчески говорил» (уместной последняя фраза Энди не показалась, но его это не заботило: он успокаивался только от того, что стоял на коленях рядом с Большим Джимом) Ренни закончил:

– *Ради Иисусаамина*, – и помог Энди подняться.

Лицом к лицу, грудь в грудь, Большой Джим сжал Энди бицепсы и заглянул в глаза.

– Итак, партнер, – он всегда называл Энди партнером, если возникала сложная ситуация, – ты готов приступить к работе?

Энди тупо смотрел на него.

Большой Джим понимающе кивнул, так, словно Энди высказал резонный (учитывая сложившиеся обстоятельства) протест.

– Я знаю, это трудно. Обращаюсь к тебе в неподходящее время. И ты будешь совершенно прав, Бог свидетель, если прямо сейчас врежешь мне в ёханую челюсть. Но иногда мы должны ставить на первое место благополучие других... или это не так?

– Благополучие города, – подтвердил Энди. И впервые после получения известия о гибели Клодетт перед ним забрезжил свет.

Большой Джим кивнул. Лицо оставалось серьезным, но глаза сверкали. И странная мысль пришла в голову Энди: *Он стал выглядеть на десять лет моложе.*

– Ты совершенно прав. Мы – хранители, партнер. Хранители общественного благополучия. Обязанность эта – не всегда легкая, но пренебрегать ею нельзя никогда. Я велел Уэттингтон разыскать Андреа и привести ее в зал заседаний. Если потребуется, в наручниках. – Большой Джим рассмеялся. – Она там будет. И Пит Рэндолф составляет список всех копов, которые находятся в его распоряжении. Их явно недостаточно. Мы должны подумать об этом, партнер. Если сложившаяся ситуация сохранится, власть станет ключевым моментом. Так что скажешь? Сможешь поддержать меня?

Энди кивнул. Он подумал, что городские дела помогут ему отвлечься от мыслей о погибшей жене. Если не помогут, Энди все равно следовало изобразить пчелку и жужжать. Его уже начало трясти от вида стоявшего рядом гроба Герты Эванс. Его уже трясло от молчаливых слез вдовы чифа. И особых усилий от него не требуется. Всего-то сидеть за столом и поднимать руку, когда Большой Джим поднимает свою. Андреа Гриннел, которая, похоже, никогда полностью не просыпалась, поступала так же. Если возникнет необходимость в принятии срочных мер, Большой Джим их предложит. Большой Джим ничего не упустит из виду.

– Пошли, – выдохнул Энди.

Большой Джим хлопнул его по спине, обхватил рукой тонкие плечи Энди и вывел из Зала прощания. Это была тяжелая рука. Мясистая. Но Энди радовалось, что она лежит у него на плечах.

О дочери он даже не подумал. Охваченный горем, Энди Сандерс совершенно забыл о ее существовании.

Джулия Шамуэй медленно шагала по улице Благополучия, где жили самые благополучные горожане, направляясь к Главной улице. Разведясь десять лет назад, она жила над редакцией «Демократа». Квартиру с ней делил Горас, почтенного возраста вельш-корги. Она назвала его в честь великого мистера Грили³¹, которого помнили за единственный *bon mot*³²: «Идите на Запад, молодой человек, идите на Запад»; хотя, по мнению Джулии, прославился он другим: работой редактора газеты. Если бы Джулия могла записать себе в заслуги половину того, что делал Грили в «Нью-Йорк трибюн», она посчитала бы, что жизнь удалась.

Разумеется, ее Горас всегда полагал, что жизнь у нее удалась, а потому, по мнению Джулии, был лучшей собакой на свете. Она решила, что выгуляет его, как только придет домой, а потом еще выше поднимется в глазах Гораса, положив несколько кусочков вчерашнего бифштекса поверх обычной собачьей еды. Это порадует их обоих, а Джулии сейчас требовались положительные эмоции – хоть по какому-то поводу, – потому что ее не отпускала тревога.

Такое случалось с ней не впервые. Она прожила в Милле все свои сорок три года, и в последние десять происходящее

---

³¹ Хорас Грили (1811–1872) – известный американский издатель и политик.

³² Остроумное выражение (*фр.*).

в родном городе нравилось ей все меньше и меньше. Джулию тревожило необъяснимо ухудшающееся состояние городской канализационной системы и мусороперерабатывающего завода, несмотря на все деньги, которые в них вбухивались. Она волновалась из-за неизбежного закрытия «Вершины в облаках», единственного городского горнолыжного курорта. Ее беспокоило, что Джимс Ренни крадет из городского бюджета, пожалуй, даже больше, чем она подозревала (а она подозревала, что из года в год, десятилетиями, он крал очень много). И разумеется, Джулия тревожилась из-за этого нового феномена, который не укладывался в ее привычные представления об окружающем мире. Всякий раз, когда она предпринимала попытку подойти к явлению в целом, ее разум концентрировался на какой-то его части, маленькой, но конкретной: к примеру, звонки по мобильнику проходили все реже и реже. А ей вообще не поступало ни одного, что особенно тревожило. Ладно бы не звонили родственники и знакомые, живущие в других городах, которых переполнили новостные выпуски. Вообще-то ее мобильнику полагалось разрываться от звонков коллег: из «Льюистон сан», «Портленд пресс геральд», возможно, даже из «Нью-Йорк таймс».

С такими же проблемами сталкивались и другие жители Честерс-Милла.

Ей следовало поехать на границу с Моттоном и все увидеть своими глазами. Раз уж дозвониться до Пита Фримена,

ее лучшего фотографа, не получалось, она могла воспользоваться «аварийным “Никоном”», как Джулия его называла. Она слышала о какой-то карантинной зоне, введенной со стороны Моттона и Таркерс-Миллса – возможно, и со стороны других городов, – но уж изнутри Джулия могла подойти к этому чуду вплотную. Часовые могли предупреждать, что близко подходить нельзя, но раз уж барьер непробиваемый, как она слышала, предупреждениями все бы и ограничилось.

– Палки и камни ломают кости, но бранные слова не причиняют вреда, – произнесла она вслух.

Совершенно справедливо. Если бы слова могли ей навредить, Джим Ренни отправил бы ее в реанимацию после статьи, которую она написала об анекдотичном аудите, который штат провел тремя годами раньше. Он много говорил о том, что подаст на газету в суд, но дальше разговоров дело так и не пошло. Она даже подумывала написать на сей счет передовицу, главным образом из-за потрясающего заголовка: «ИСК УПЛЫВАЕТ ИЗ ВИДУ».

Короче, тревог ей хватало. Они составляли неотъемлемую часть ее работы. О чем ей ранее не приходилось тревожиться, так это о собственном поведении, а теперь, стоя на углу улиц Содружества и Главной, Джулия тревожилась. Ей надо было повернуть налево и пойти по Главной, но она обернулась назад и прошептала тем тоном, каким обычно обращалась к Горасу:

– Не следовало мне оставлять девушку одну.

Джулия и не оставила бы, будь она на машине. Но Джулия пришла пешком, а кроме того... Доди так настаивала. И от нее шел запахок. Травки? Возможно. В принципе Джулия ничего не имела против. Сама тоже покуривала. И возможно, травка успокоит девушку. Притупит боль, если та стала очень уж острой и могла сильно порезать.

«Не волнуйтесь обо мне, – сказала ей Доди. – Я найду папу. Но сначала мне надо переодеться». – И она указала на свой халат.

«Я подожду», – ответила Джулия... хотя не хотелось. Ночь предстояла долгая, и прежде всего ей следовало выгулять собаку. Гораса, наверное, уже раздуло, потому что она не вывела его на привычную прогулку в пять вечера, и он, конечно, проголодался. А выполнив свой долг перед собакой, она намеревалась поехать к этому самому барьеру, как называли его люди. Увидеть своими глазами. Сфотографировать то, что фотографировалось.

И даже на этом ночь для нее не закончилась бы. Предстояло подготовить экстренный выпуск «Демократа». Она считала это важным для себя и полагала, что газета будет не менее важна для города. Разумеется, завтра все могло закончиться, но Джулия чувствовала – отчасти рассудком, отчасти сердцем, – что такого не будет.

И все же не стоило ей оставлять Доди Сандерс одну. Девушка, конечно, держалась, но возможно, под спокойствием маскировался шок и страх. Конечно, сказывалось и действие

наркотики. Но вроде бы Доди вела себя адекватно.

«Вам не нужно ждать. Я не хочу, чтобы вы ждали».

«Я не знаю, правильно ли оставлять тебя одну, дорогая».

«Я пойду к Энджи. – Доди даже чуть оживилась при этой мысли, хотя слезы продолжали течь по щекам. – Она пойдет со мной искать папу. Да, мне нужна Энджи».

По мнению Джулии, если Энджи Маккейн здравомыслием и превосходила эту девушку, то ненамного. Доди же унаследовала внешность матери и, к сожалению, ум отца. Но Энджи была ее близкой подругой, а если кто и нуждался в тот момент в настоящей подруге, так это Доди Сандерс.

«Я могу пойти с тобой...» – Но не хочет. И Джулия поняла, что Доди, пусть и накурившаяся травки, скорее всего это заметила.

«Нет. Идти-то несколько кварталов».

«Что ж...»

«Миз Шамуэй... вы уверены?.. Вы уверены, что моя мама?..»

С большой неохотой Джулия кивнула. Подтверждение она получила от Эрни Кэлверта, который сообщил ей номер, нарисованный на хвосте самолета. И еще он кое-что отдал ей – вещь, которую полагалось отнести в полицию. И Джулия так бы и поступила, если б не ужасная весть о смерти Герцога Перкинса и известие, что его место занял некомпетентный проныра Рэндолф.

Эрни отдал ей окровавленное водительское удостове-

ние Клодетт. Оно лежало в кармане Джулии, когда та стояла на крыльце дома Сандерсов, и в кармане оно осталось. Она собиралась отдать удостоверение Энди или этой бедной, с всклоченными волосами девушке в надлежащее время... но не в тот момент.

«Спасибо вам. – Голос Доди переполняла грусть. – А теперь, пожалуйста, уходите. Я не хочу показаться невоспитанной, но...» – Она не закончила фразы. Просто закрыла дверь.

И как поступила Джулия Шамуэй? Подчинилась команде потрясенной горем двадцатилетней девушки, возможно, обкурившей до такой степени, что она не могла полностью отдавать себе отчет в своих действиях.

Но в эту ночь у нее хватало и других дел. Горас. Газета. Люди могли смеяться над черно-белыми, с крупным зерном, фотоснимками Питера Фримена и обстоятельным освещением в «Демократе» таких важных местных событий, как вечер «Волшебные танцы» в средней школе. Они могли говорить, что польза от газеты только одна – хорошая подстилка в кошачьем туалете. Но на самом деле люди нуждались в местной газете, особенно в такой час беды. И Джулия намеревалась приложить все силы к тому, чтобы завтра жители города получили свою газету, пусть ради этого ей пришлось бы бодрствовать всю ночь. И наверное, так оно и произойдет, потому что оба ее штатных репортера скорее всего уехали из города на уик-энд.

Джулия обнаружила, что ей просто не терпится присту-

пить к решению этой непростой задачи, и печальное лицо Доди Сандерс начало уплывать от ее мысленного взора.

Горас с упреком посмотрел на Джулию, когда та вошла в дом, но ни свежих влажных пятен на ковре, ни маленького коричневого подарочка под стулом в прихожей (магической точкой, как он полагал, невидимой для человеческих глаз) не обнаружилось. Она застегнула поводок на ошейнике, вывела пса из дома, терпеливо подождала, пока он справлял нужду у его любимой канализационной решетки, неустойчиво при этом пошатываясь. Горасу исполнилось пятнадцать лет, для корги более чем почтенный возраст.

Пока он занимался своими делами, Джулия смотрела на белый световой пузырь на южном горизонте. Для нее он словно сошел в реальный мир из какого-то фантастического фильма Стивена Спилберга и вроде бы теперь прибавил в размерах. А еще она слышала стрекотание вертолетов, тихий, но постоянный звук. Даже увидела силуэт одного из них, пересекающего яркую арку. И сколько же понаставили там прожекторов? Наверное, северная часть Моттона напоминала зону высадки десанта в Ираке.

Горас лениво нарезал круги, вынюхивая идеальное место, чтобы завершить ритуал по удалению отходов жизнедеятельности организма, и исполняя всегда популярный собачий та-нец – какаданс.

Джулия воспользовалась моментом, чтобы попытаться

позвонить по мобильнику. Она услышала пиканье набираемых цифр... и, как обычно в этот вечер, наступила тишина.

Мне придется печатать газету на ксероксе. То есть максимум семьсот пятьдесят экземпляров.

«Демократ» не печатался в Честерс-Милле уже двадцать лет. До 2002 года Джулия каждую неделю отвозила макет в типографию «Вью принтинг», расположенную в Касл-Роке, но теперь обходилась без этого. Во вторник вечером отправляла сверстанные страницы по электронной почте, а следующим утром, к семи часам, тираж (каждый экземпляр, аккуратно запечатанный в пластик) привозили из «Вью принтинг». Джулия, которая начинала с карандашной правки и отпечатанными на машинке текстами, все это воспринимала как волшебство. И как и ко всему волшебному, относилась с некоторым недоверием.

Сегодня недоверие оправдалось. Она по-прежнему могла отправить сверстанные страницы газеты во «Вью принтинг», но никто не привез бы готовый тираж ранним утром следующего дня. Джулия предполагала, что к утру никому не удастся приблизиться к административной границе Честерс-Милла на пять миль. С любой стороны. К счастью для нее, в комнате, которая раньше использовалась как типография, стоял отличный большой генератор, копировальная машина работала как зверь, а в кладовой лежало более пятисот пачек бумаги по пятьсот листов в каждой. Если бы Джулии удалось еще и найти Пита Фримена, чтобы он ей помог, или Тони

Гуэя, который писал о спорте...

Горас тем временем наконец-то занял исходную позицию. Когда покончил и с этим делом, Джулия отправила результат в маленький зеленый пакет с надписью «Собачьи какашки» и задалась вопросом: как бы повел себя Горас Грили в обществе, в котором подбирание собачьего дерьма из придорожной канавы не просто ожидалось от добропорядочного члена этого общества, но требовалось по закону. Решила, что он бы застрелился.

Заполнив мешочек и завязав его, Джулия вновь попыталась позвонить. С тем же результатом.

Она отвела Гораса в дом и покормила его.

Ее мобильник зазвонил, когда она застегивала пальто, чтобы поехать к барьеру. Фотоаппарат висел у нее на плече, и она чуть не уронила его, роясь в кармане. Посмотрела на дисплей и вместо полоски цифр увидела слова «НОМЕР СКРЫТ».

– Алло? – И вероятно, что-то необычное прозвучало в ее голосе, поскольку Горас, выгулянный и накормленный, а потому совершенно подготовленный к ночной экспедиции, навострил уши и с некоторым недоумением уставился на нее.

– Миз Шамуэй? – Мужчина. Говорит отрывисто. Официально.

– Миз Шамуэй. С кем я говорю?

– Полковник Джеймс Кокс, миз Шамуэй. Армия Соединенных Штатов.

– И с чего я удостоена такой чести? – Джулия услышала сарказм в собственном голосе, и это ей не понравилось – непрофессионально. Но она испугалась, и сарказм всего лишь маскировал ее страх.

– Мне необходимо связаться с человеком, которого зовут Дейл Барбара. Вы его знаете?

Разумеется, она знала. И удивилась, увидев его этим вечером в «Эглантерии». Он, должно быть, рехнулся, все еще оставаясь в городе, хотя Роуз вчера сказала ей, что Дейл по-

кидает Честерс-Милл.

История Дейла Барбары была одной из тех, о которых Джулия знала, но не дала им ход. Издавая газету маленького городка, приходится оставлять крышки на многих ящиках Пандоры. Она сама выбирала, с кем вступать в драку, и полагала, что точно так же поступали Ренни-младший и его дружки. И Джулия сомневалась, что слухи о Барбаре и Энджи, лучшей подруге Доди, соответствовали действительности. Потому что Барбару, по ее мнению, отличал хороший вкус.

– Миз Шамуэй? – Отрывисто. Официально. Голос из-за барьера. Только из-за этого она рассердилась на его обладателя. – Вы еще на связи?

– Еще на связи. Да, я знаю Дейла Барбару. Он повар в ресторане на Главной улице. А что?

– У него, похоже, нет мобильного, а до ресторана я не могу дозвониться...

– Он закрыт...

– ...и проводная связь, разумеется, не работает.

– Этим вечером в нашем городе, судя по всему, ничего не работает как должно, полковник Кокс. В том числе и мобильники. Но я заметила, что вы дозвонились до меня без труда, и у меня появилась мысль: а не вы ли об этом позаботились? – Ее ярость, как и сарказм, рожденный из страха, удивили саму Джулию. – Что вы сделали? Что вы натворили?

– Ничего. Насколько мне известно, ничего.

Она очень удивилась. И не нашлась с ответом. Старожилы Милла не поверили бы, если б им сказали, что такое случилось с Джулией Шамуэй.

– Впрочем, мобильники – да, – продолжил полковник. – Звонки в Честерс-Милл и из города по большей части отсекаются. В интересах национальной безопасности. И наверняка вы поступили бы так же, окажись на нашем месте.

– Я в этом сомневаюсь.

– Правда? – В голосе прозвучало любопытство, не злость. – В ситуации, не имеющей прецедентов в мировой истории и предполагающей использование технических решений, которые ни мы, ни кто-то еще даже представить себе не можем?

И на это она ничего не смогла сказать.

– Для меня очень важно поговорить с капитаном Барбарой. – Он вернулся к исходной теме. Джулия только сейчас осознала, как далеко разговор от этой темы ушел.

– *Капитаном* Барбарой?

– В отставке. Вы сможете его найти? Возьмите с собой мобильник. Я продиктую вам номер. По нему нетрудно дозвониться.

– Но почему я, полковник Кокс? Почему вы не позвонили в полицейский участок? Или одному из членов городского управления? Насколько мне известно, все они в городе.

– Я даже не пытался. Я вырос в таком же маленьком городке, миз Шамуэй...

– Какая удача!

– ...и по собственному опыту могу сказать, что городские политики знают мало, городские копы знают несколько больше, но только издатель местной газеты знает все.

Тут она не могла не рассмеяться.

– Зачем нужно звонить, если можно встретиться лицом к лицу? Под моим присмотром, разумеется. Я как раз собиралась подъехать к барьеру... с моей стороны, конечно. Уже выходила, когда вы позвонили. Я найду Барби...

– Он по-прежнему так себя называет? – В голосе Кокса слышался смех.

– Я его найду и привезу с собой. Мы сможем устроить мини-пресс-конференцию.

– Я не в Мэне, а в округе Колумбия. На совещании комитета начальников штабов.

– Вы это говорите, чтобы произвести на меня впечатление? – Впечатление его слова действительно произвели, небольшое.

– Миз Шамуэй, я занят, и вы, вероятно, тоже. Поэтому в интересах решения возникшей проблемы...

– Это возможно? Вы так думаете?

– Миз, вы, безусловно, работали репортером, прежде чем стали издателем, и я уверен, что задавать вопросы для вас так же естественно, как и дышать, но время сейчас – слишком важный фактор. Вы можете выполнить мою просьбу?

– Могу. Но если вам нужен он, вы получите и меня. Мы

приедем к барьеру по Сто девятнадцатому и позвоним вам.

– Нет.

– Вот и прекрасно. – Голос ее стал ласково-добродушным. – Приятно было с вами побеседовать, полковник...

– Дайте мне закончить. Ваша сторона Сто девятнадцатого – абсолютный ФУБАР³³. Это означает...

– Я знаю это выражение, полковник. Когда-то читала Тома Клэнси. Но что вы имеете в виду конкретно?

– Я имею в виду, уж извините за вульгарность, что на Сто девятнадцатом ночь открытых дверей в бесплатном борделе. Половина вашего города припарковала легковушки и пикапы на обеих обочинах и на поле какого-то молочного фермера.

Она положила фотоаппарат на пол, достала из кармана блокнот, нацарапала: «Полк. Джеймс Кокс» и «Ночь открытых дверей в бесплатном борделе». Потом добавила: «Ферма Динсмора?» Да, вероятно, он говорил о ферме Олдена Динсмора.

– Хорошо, что вы предлагаете?

– Я не могу помешать вам приехать, тут вы абсолютно правы. – Он вздохнул, показывая, что живет в несправедливом мире. – И я не могу как-то повлиять на то, что вы напечатаете в своей газете, хотя не думаю, что это имеет хоть какое-то значение, потому что за пределами Честерс-Милла ее никто

---

³³ FUBAR – аббревиатура от Fucked Up Beyond All Recognition – безнадежно испорченный, пришедший в полную негодность (англ.).

не увидит.

Джулия перестала улыбаться.

– Не могли бы вы это пояснить?

– Не могу, но вы и сами все поймете. Я предлагаю следующее: если уж вы хотите увидеть барьер – хотя увидеть его вы не сможете, о чем вам наверняка уже сказали, – привезите капитана Барбару туда, где барьер пересекает городскую дорогу номер три. Вы знаете городскую дорогу номер три?

На мгновение Джулия не могла понять, что это за дорога. Потом до нее дошло, и она рассмеялась.

– Я сказал что-то смешное, миз Шамуэй?

– В Милле эту дорогу называют Литл-Битч-роуд. Потому что в сезон дождей это действительно сучка, а не дорога³⁴.

– Очень образно.

– Как я понимаю, на Литл-Битч никаких толп?

– Сейчас там никого нет.

– Ладно. – Она убрала блокнот в карман и подняла с пола фотоаппарат. Горас терпеливо ждал у двери.

– Когда мне ждать вашего звонка? Или когда Барби позвонит по вашему мобильнику?

Она посмотрела на часы и увидела, что уже начало одиннадцатого. Господи, неужто так поздно?

– Мы будем там к половине одиннадцатого при условии, что я смогу его найти. И я думаю, что смогу.

---

³⁴ Слово «bitch» в названии улицы Little Bitch Road обозначает: сука, трудность, неприятность, недовольство.

– Отлично. Скажите ему, что Кен передает привет. Это...

– Шутка, да. Я понимаю. Нас кто-нибудь встретит?

Последовала пауза. Когда Кокс заговорил вновь, чувствовалось, что ему совсем не хочется отвечать на этот вопрос.

– Там будет свет, и часовые, и солдаты на блокпосте, но они получили приказ не разговаривать с жителями города.

– Не... но почему? Господи, *почему*?

– Если ситуация не разрешится, миз Шамуэй, все это станет для вас понятным. До многого вам не составит труда дойти своим умом... по моему разумению, вы очень умная женщина.

– Да пошел ты на хрен, полковник! – воскликнула она, раздосадованная. Ушки Гораса вновь встали торчком.

Кокс рассмеялся, он-то как раз не обиделся.

– Да, миз, слышу вас хорошо. В половине одиннадцатого?

Ее так и подмывало ответить «нет», но, разумеется, она не могла этого сделать.

– В половине одиннадцатого. При условии, что я сумею найти Барби, – повторила Джулия. – И я звоню вам?

– Или вы, или он, потому что поговорить мне нужно с ним. Буду ждать с рукой на телефоне.

– Тогда диктуйте ваш волшебный номер. – Она зажала мобильник между ухом и плечом, полезла в карман за блокнотом. Само собой, блокнот всегда требуется после того, как ты его убираешь, – правда жизни, если ты репортер, а сейчас она им стала. Вновь. Номер, который продиктовал полков-

ник, напугал Джулию больше всего того, что он ей уже наговорил. Потому что начинался с очень уж необычного зонального кода – 000.

– И еще, миз Шамуэй. У вас нет вживленного кардиостимулятора? Электронного слухового аппарата? Чего-то такого?

– Нет. А что?

Она подумала, что он опять уйдет от ответа, но этого не произошло.

– Как только человек вплотную приближается к Куполу, происходит какое-то воздействие. Для большинства людей это совершенно безвредно, они ощущают разве что покалывание, как от электрического тока низкого напряжения, и через секунду-другую оно исчезает. Но с электронными устройствами совсем другая история. Некоторые прекращают работу... скажем, большинство мобильных телефонов, если их поднести ближе чем на пять футов... другие взрываются. Если вы захватите с собой диктофон, он просто перестанет работать. Принесете ай-под или что-то сложное, вроде блэкберри, это взорвется.

– У чифа Перкинса взорвался кардиостимулятор? Это убило его?

– В половине одиннадцатого. Приведите Барби и обязательно скажите ему, что Кен передает привет.

Он разорвал связь, и Джулия застыла в молчании рядом со своей собакой. Потом она попыталась позвонить сестре

в Льюистон. Пиканье набираемых цифр... и тишина, как и прежде.

Купол... В конце разговора он не назвал эту преграду барьером; он назвал ее Куполом.

Барби снял рубашку и сел на кровать, чтобы расшнуровать кроссовки, когда раздался стук в дверь, к которой вела наружная лестница на боковой стене «Аптечного городского магазина Сандерса». Стук этот Барби не обрадовал. Весь день он провел на ногах, сначала шел пешком, потом надел фартук и готовил. И чувствовал себя совершенно разбитым.

А если это Младший и несколько его дружков, решивших устроить вечеринку по поводу его возвращения? Вроде бы такое невозможно, даже отдает паранойей, но весь сегодняшний день – праздник невозможного. Младшего, Френка Дилессепса и остальных членов их маленькой банды он нынешним вечером в «Эглантерии» не видел, в отличие чуть ли не от всех завсегдатаев. Эти сукины дети могли быть на шоссе номер 119 или 117, глаза на невиданное чудо. Но возможно, кто-то рассказал им о его возвращении, и они строили планы на будущее. А теперь будущее стало настоящим.

Стук повторился. Барби встал, положил руку на портативный телевизор. Не самое грозное оружие, но могло принести пользу – если бросить его в первого, кто попытается проскочить в дверь. Он, конечно, мог взять деревянную палку из стенного шкафа, на которой висели плечики, но малые размеры комнатки не позволяли как следует размахнуться. Еще у него был швейцарский армейский нож, но он не собирался

никого резать. И не стал бы, если только...

– Мистер Барбара? – Женский голос. – Барби? Вы здесь?

Он убрал руку с телевизора и пересек кухню.

– Кто там? – спросил, хотя и узнал голос.

– Джулия Шамуэй. У меня для вас сообщение от человека, который хочет с вами поговорить. Он попросил сказать, что Кен передает вам привет.

Барби открыл дверь и впустил ее.

В обшитом сосновыми панелями зале заседаний, расположенном в подвале муниципалитета Честерс-Милла, рев установленного во дворе генератора (старенького «Келвинатора») ослабевал до едва слышного гудения. Посреди комнаты стоял красивый стол из красного клена, отполированный до блеска, длиной в двенадцать футов. Большинство стульев вокруг стола в этот вечер пустовало. Четверо участников чрезвычайного экспертного совещания, как назвал его Большой Джим, сидели у одного его края. Сам Большой Джим, пусть только и второй член городского управления, занял место во главе стола. Позади него на стене висела карта города, контур которого напоминал спортивный носок.

Кроме членов городского управления на совещании присутствовал и Питер Рэндолф, исполняющий обязанности начальника полиции. И только Ренни держался бодро и уверенно. Рэндолф выглядел потрясенным и испуганным. Энди Сандерс, естественно, еще не пришел в себя от горя. А Андреа Гриннел – ожиревший, поседевший слепок с ее младшей сестры Роуз – казалась заторможенной и мало что сообщающей. Как, впрочем, и всегда.

Четырьмя или пятью годами ранее Андреа поскользнулась на обледеневшей подъездной дорожке, когда одним январским утром шла к почтовому ящику. Упала, и так силь-

но, что у нее треснули два межпозвонковых диска (тяжесть травмы усугублялась тем, что весила Андреа на восемьдесят – девяносто фунтов больше нормы). Доктор Хаскел прописал ей новое чудо-лекарство, оксиконтин³⁵, чтобы облегчить, безусловно, мучительную боль. И с тех пор она постоянно принимала это лекарство. Благодаря своему лучшему другу Энди, которому принадлежал местный аптечный магазин, Большой Джим знал, что Андреа начала с сорока миллиграммов в день, а теперь добралась аж до четырехсот. Это была полезная информация.

– Данное совещание, если никто не возражает, буду вести я по причине огромной утраты, понесенной Энди. Мы все скорбим, Энди.

– Будьте уверены, сэр, – добавил Рэндолф.

– Спасибо вам, – кивнул Сандерс, и, когда Андреа на мгновение накрыла его руку своей, из глаз Энди вновь показались слезы.

– Теперь мы все представляем себе, что здесь происходит, – продолжил Большой Джим, – хотя никто в городе не понимает, что случилось...

– Готова спорить, никто не понимает и вне города, – встала Андреа.

Большой Джим ее проигнорировал.

– ...и военные не посчитали необходимым связаться с из-

---

³⁵ Оксиконтин – опиоидный анальгетик, прописываемый врачами при очень сильных болях, его регулярное применение вызывает зависимость.

бренным народом руководством города.

– Проблемы с телефонной связью, сэр. – Рэндолф был на ты со всеми этими людьми, более того, считал Большого Джима своим другом, но чувствовал, что в зале заседаний лучше обращаться к членам городского управления «мэм» и «сэр». Точно так же поступал и Перкинс, и тут по крайней мере старик все делал правильно.

Большой Джим махнул рукой, словно отгоняя надоедливую муху:

– Кто-нибудь мог бы подойти со стороны Моттона или Таркерса и послать за мной... нами... но никто не удосужился.

– Сэр, ситуация все еще очень... неопределенная.

– Я в этом уверен, уверен. Вполне возможно, именно поэтому нам еще и не отведено какое-то конкретное место в общем раскладе. Очень возможно, и я молюсь, что так оно и есть. Надеюсь, мы все молимся.

Присутствующие кивнули.

– Но на данный момент... – Большой Джим печально огляделся. Он ощущал печаль. Но при этом и возбуждение. И готовность действовать. Думал, что не будет ничего удивительного, если еще до конца года его фотография появится на обложке журнала «Тайм». У катастрофы – особенно из тех, что инициированы террористами – есть не только темная сторона. Достаточно вспомнить, как такая катастрофа

возвысила Руди Джулиани³⁶. – Но на данный момент, дамы и господа, мы должны исходить из того, что полагаться можем только на себя.

Андреа прижала руку ко рту. Ее глаза блестели то ли от страха, то ли от избытка принятого наркотика. Может, по обоим причинам.

– Конечно же, нет, Джим!

– Надеясь на лучшее, готовясь к худшему, так всегда говорит Клодетт. – Если судить по тону, Энди находился в глубоком трансе. – Вернее, говорила. Утром она приготовила мне завтрак. Яичницу с сыром от вчерашнего тако. Господи!

Слезы, которые вроде бы прекратились, полились вновь. Андреа опять накрыла его руку своей. На этот раз Энди ее сжал.

Энди и Андреа, подумал Большой Джим, и от легкой улыбки в нижней, мясистой части лица добавилось складок. *Близнецы-тупицы*.

– Надеясь на лучшее, закладываясь на худшее, – кивнул он. – Это дельный совет. Худшее в нашем случае состоит в том, что нас отрезало от внешнего мира на несколько дней. Или на неделю. Может, даже на месяц. – В это Ренни не верил, но полагал, что от испуга все быстрее согласятся на его предложения.

– Конечно же, нет! – повторила Андреа.

– Мы просто этого не знаем, – заметил Большой Джим. И

---

³⁶ Джулиани, Рудольф (р. 1944) – мэр Нью-Йорка в 1994–2001 гг.

тут он говорил чистую правду. – Откуда нам это знать?

– Может, нам закрыть «Мир еды»? – предложил Рэндолф. – По крайней мере на какое-то время. Если его не закрыть, с полок все сметут, как перед сильным бураном.

Ренни разозлился. Он составил план заседания и собирался внести на рассмотрение вопрос о закрытии супермаркета, но начать хотел с другого.

– А может, эта идея не из лучших, – добавил Рэндолф, заметив, как помрачнело лицо второго члена городского управления.

– Знаешь, Пит, я действительно думаю, что эта идея не из лучших, – кивнул Большой Джим. – Из тех же соображений нельзя объявлять о банковских каникулах, если налицо нехватка наличности. Можно только спровоцировать обвал.

– Мы говорим о закрытии банков? – спросил Энди. – А что нам тогда делать с банкоматами? Один в «Магазине Брауна»... еще один на автозаправочной станции... и, разумеется, в моем аптечном магазине... – Он задумался, потом просиял. – Думаю, я видел один в Центре здоровья, хотя полной уверенности у меня нет...

У Ренни мелькнула мысль: а не скормила ли Андреа Энди одну из своих таблеток?

– Это всего лишь метафора, Энди, – говорил он тихо и ласково. Именно так нужно говорить с людьми, когда мысли у них путаются. – В сложившейся ситуации еда – это деньги, образно говоря. И речь идет о том, что продуктовые ма-

газины должны работать как обычно, чтобы люди сохраняли спокойствие.

– Ага, – кивнул Рэндолф. Идею он понял. – Усек.

– Но тебе придется поговорить с управляющим супермаркета... как его фамилия, Кейд?

– Кейл. Джек Кейл.

– И с Джонни Карвером из «Бензина и бакалеи», и... кто теперь управляет «Магазином Брауна», после смерти Дила Брауна?

– Велма Уинтер, – ответила Андреа. – Она приезжая, но очень милая женщина.

Ренни порадовало, что Рэндолф записывает имена и фамилии в карманный блокнот.

– Скажи всем троим, чтобы до особого распоряжения они прекратили продажу пива и спиртного. – На его лице появилось выражение радости, что выглядело довольно-таки пугающе. – И «Дипперс» мы прикрываем.

– Многим не понравится запрет на продажу спиртного, – указал Рэндолф. – Таким, как Вердро. – Это был самый известный из городских пьяниц, наглядный пример того, по мнению Большого Джима, что не следовало отменять закон Волстеда³⁷.

– Сэму и таким же, как он, придется немного пострадать: мы перекроем их обычные источники пива и кофейного бренди. Мы не можем допустить, чтобы половина города

---

³⁷ То есть «сухой закон».

напилась, как на Новый год.

– А почему нет? – спросила Андреа. – Они выпьют все запасы, и на том все закончится.

– А если они по ходу учинят бунт?

Андреа промолчала. Она не понимала, с чего людям бунтовать при условии, что еды им хватало, но давно уже уяснила для себя, что спорить с Джимом Ренни обычно бесполезно и всегда утомительно.

– Я пошлю пару парней, чтобы они поговорили с управляющими магазинов, – объявил Рэндолф.

– Поговори с Томми и Уиллоу Андерсонами лично. – Андерсоны владели «Дипперсом». Большой Джим понизил голос: – Радикалы.

Рэндолф кивнул:

– Левые радикалы. У них над стойкой бара фотография дядюшки Барака.

– Именно так. – Большому Джиму хотелось сказать: *Герцог Перкинс позволил этим двум ёханым хиппи укорениться здесь с их танцами, и громким рок-н-роллом, и выпивомом до часу ночи. Прикрывал их. И посмотрите, какие проблемы возникли из-за этого у моего сына и его друзей.* Но он обратился к Энди Сандерсу: – Ты также должен убрать под замок все лекарства, отпускаемые по рецептам. Я не про назонекс или лирику³⁸. Ты знаешь, о чем я говорю.

---

³⁸ Назонекс, лирика – соответственно спрей от насморка и противоэпилептическое средство.

– Все, что могут использовать люди, чтобы словить кайф, и так под замком. – Энди такой поворот разговора явно обеспокоил.

Ренни знал, по какой причине, но сейчас его не заботили проблемы, связанные с некоторыми лекарственными сделками: приходилось решать более насущные вопросы.

– Тем не менее прими дополнительные меры предосторожности.

На лице Андреа отразилась тревога. Энди похлопал ее по руке:

– Не волнуйся, мы всегда поможем тем, кому лекарство действительно необходимо.

Андреа ему улыбнулась.

– Подводим итог: этот город останется трезвым до завершения кризиса. – Большой Джим оглядел коллег. – Мы все с этим согласны? Голосуем.

Все члены городского управления подняли руки.

– А теперь могу я вернуться к тому, с чего хотел начать? – Ренни посмотрел на Рэндолфа, который вытянул руки перед собой, как бы говоря: «Валяйте». – Мы должны признать, что люди испуганы. А когда люди испуганы, в них может вселиться бес, будут они пить или нет.

Андреа посмотрела на пульт управления по правую руку Большого Джима: клавиши включали-выключали телевизор, радиоприемник и встроенную записывающую систему – нововведение, которое Большой Джим ненавидел.

– Не нужно ли нам включить запись?

– Не вижу необходимости.

Эта чертова звукозаписывающая система (отголоски скандала с Ричардом Никсоном) появилась стараниями лезущего во все щели фельдшера Эрика Эверетта. Того парня (ему перевалило за тридцать), доставившего столько хлопот, в городе звали Расти. Идиотскую идею со звукозаписывающей системой он выдвинул два года назад на городском собрании, преподнеся ее как огромный шаг по пути прогресса. Предложение Эверетта стало для Ренни неприятным сюрпризом, а удивить его редко кому удавалось, особенно политическим аутсайдерам.

Большой Джим выступил против, сославшись на большие затраты. Эта тактика обычно срабатывала с прижимистыми янки, но не в тот раз. Эверетт представил расчеты, вероятно, полученные от Герцога Перкинса, показывающие, что федеральное правительство берет на себя восемьдесят процентов расходов, согласно какому-то закону, принятому при транжире Клинтоне и не отмененному после его ухода. Короче, Ренни обнаружил, что его переиграли.

Такое случалось не часто, и ему это не понравилось, но он занимался политикой гораздо дольше, чем Эрик Эверетт по прозвищу Расти прощупывал простаты, и знал, сколь велика разница между проигрышем сражения и войны.

– Или кому-то записывать все на бумаге? – робко спросила Андреа.

– Я думаю, какое-то время нам лучше обходиться без протокола, – заметил Большой Джим. – Пусть все останется между нами.

– Что ж... если ты так думаешь...

– Двое могут хранить секрет, если один ушел на тот свет, – как во сне произнес Энди.

– Совершенно верно, дружище. – Ренни сделал вид, будто Сандерс изрек нечто умное. Потом повернулся к Рэндолфу. – Я хочу сказать, что наша главная забота, наша перво-степенная ответственность перед городом – сохранить порядок во время кризиса. И это дело полиции.

– Чертовски верно! – самодовольно воскликнул Рэндолф.

– Сейчас, я уверен, чиф Перкинс смотрит на нас с Небес...

– Вместе с моей женой, – перебил его Энди. – С Клоди. – И он громко всхлипнул, втягивая воздух через забитый соплями нос.

Большой Джим поморщился, но похлопал его по руке.

– Совершенно верно, Энди, они вместе купаются в идущем от Иисуса сиянии. Но мы здесь, на земле... Пит, сколько людей у тебя в распоряжении?

Большой Джим знал ответ. Он знал ответы на большинство собственных вопросов. И этим упрощал себе жизнь. В Честерс-Милле по полицейской ведомости получали жалованье восемнадцать человек: двенадцать – на условиях полной занятости, шестеро – частичной (большинству из «частичных» перевалило за шестьдесят, так что их услуги обо-

дились городскому бюджету весьма дешево). И Ренни предполагал, причем с большой долей вероятности, что из этих восемнадцати пятеро, работавших на условиях полной занятости, находились вне города. Или поехали на игру футбольной команды старшей школы с женами и детьми, или участвовали в учениях пожарных, которые проводились в Касл-Роке. Шестой, чиф Перкинс, умер. И пусть Ренни никогда бы не стал говорить плохого о покойниках, в душе он полагал, что без Перкинса городу куда как лучше: чиф сейчас на небесах и не пытается взять под контроль полную мутню, решить задачу, которая, с учетом его ограниченных способностей, ему не по плечу.

– Должен вам сказать, что не так много, как хотелось бы, – начал Рэндолф. – Генри Моррисон и Джекки Уэттингтон, которые вместе со мной приехали, реагируя на поступивший сигнал о случившемся на Сто девятнадцатом шоссе. Есть еще Руп Либби, Фред Дентон и Джордж Фредерик, хотя его очень уж донимает астма, и я не уверен, будет ли от него хоть какой-то прок. Он собирался в этом году досрочно выйти в отставку.

– Бедный Джордж, – вздохнул Энди. – Живет только на адваире.

– Как вам известно, Марти Арсено и Тоби Уилен нынче тоже мало на что годятся. Из частично занятых можно рассчитывать только на Линду Эверетт. С этими чертовыми пожарными учениями и футбольной игрой... так неудачно все

сложилось.

– Линда Эверетт? – В голосе Андреа слышался легкий интерес. – Жена Расти?

– Ф-фу! – Большой Джим часто говорил «ф-фу», когда злился. – Ей только движение у школ регулировать.

– Да, сэр, – кивнул Рэндолф, – но в прошлом году она стажировалась в Роке, и у нее есть личное оружие. Не вижу причин, по которым она не может выходить с ним на дежурство. Может, не на целую смену, у Эвереттов двое маленьких детей, но все-таки. В конце концов, у нас кризис.

– Несомненно, несомненно. – Ренни, однако, не мог допустить, чтобы эти Эверетты всякий раз выскакивали перед ним, точно пресловутый черт из табакерки, в какую бы сторону он ни поворачивался. Отсюда вывод: жена этого ёхано-го фельдшера не будет в команде Ренни. К тому же она молода – тридцать, не больше – и чертовски красива. А потому, он не сомневался, ее присутствие окажет дурное влияние на мужчин. От смазливых женщин другого ждать не приходилось. Ему хватало и Уэттингтон с ее здоровенными буферами.

– То есть по списку у меня восемнадцать человек, а на самом деле восемь.

– Ты забыл сосчитать себя, – вставила Андреа.

Рэндолф стукнул себя ладонью по лбу, словно пытался взбодрить застоявшиеся мозги.

– Да. Точно. Девять.

– Этого мало, – покачал головой Ренни. – Мы должны добавить тебе людей. Временно, ты понимаешь, пока все не образуется.

– Кого вы держите на примете, сэр?

– Для начала моего сына.

– Младшего? – Андреа вскинула брови. – По возрасту он даже не может голосовать... так?

Большой Джим представил себе структуру мозга Андреа: пятнадцать процентов занято онлайн-овыми торговыми сайтами, восемьдесят реагируют только на наркотик, два процента – память, оставшиеся три ведают процессом мышления. Вот с кем приходилось работать. *При этом, напомнил он себе, глупость коллег упрощает человеку жизнь.*

– Ему уже двадцать один, – ответил он. – В ноябре исполнится двадцать два. И благодаря удаче или милости Господа он приехал домой из колледжа на этот уик-энд.

Питер Рэндолф знал, что Ренни-младший вернулся домой *насовсем*: на прошлой неделе видел соответствующую надпись в ежедневнике, который лежал на столе в кабинете чифа. Хотя Пит понятия не имел, как Герцог получил эту информацию и почему счел ее достаточно важной, чтобы записать в ежедневник. Там была также запись: «Асоциальное поведение?»

Но в данный момент, наверное, не следовало делиться этими сведениями с Большим Джимом.

Ренни продолжал, теперь уже тоном ведущего телевикто-

рины, объявляющего об очень уж дорогом призе в суперигре.

– И у Младшего есть три друга, которые тоже нам подойдут: Френк Дилессепс, Мелвин Сирлс и Картер Тибодо.

Вновь на лице Андреа отразилось беспокойство:

– Э... не те ли это мальчишки... молодые люди... что участвовали в ссоре около «Дипперса»?

Большой Джим улыбнулся ей, да так яростно, что Андреа вжалась в спинку стула.

– Ту историю очень уж раздули. А искрой послужил алкоголь, как и в большинстве подобных ссор. Плюс подстрекателем являлся этот тип Барбара. Потому-то все обвинения сняли. Они чисты. Или я не прав, Питер?

– Абсолютно правы, – ответил Рэндолф, но на его лице отражалось сомнение.

– Все они старше двадцати одного, а Картеру Тибодо, если не ошибаюсь, даже двадцать три.

Тибодо действительно исполнилось двадцать три года, и в последнее время он неполный день работал механиком на заправочной станции комплекса «Бензин и бакалея». Его дважды увольняли с прошлых мест работы – за излишнюю вспыльчивость, как слышал Рэндолф, – но в мастерской при заправочной станции Тибодо вроде бы прижился. Джонни говорил, что не знает человека, который так хорошо разбирался бы в электрике и выхлопной системе.

– Они охотились вместе, все хорошие стрелки...

– Ради Бога, нам нет нужды проверять их меткость! – воскликнула Андреа.

– Никто не собирается стрелять, Андреа, и никто не предлагает, чтобы эти молодые люди стали полноправными полицейскими. Я говорю о том, что нам нужно пополнить резко сократившийся списочный состав, и сделать это необходимо *быстро*. Что скажешь, чиф? Они будут служить, пока кризис не закончится, а мы заплатим им из резервного фонда.

Рэндолфу совершенно не хотелось, чтобы Младший бродил по улицам Честерс-Милла с оружием в руках, – Младший, которого, возможно, отличало «*асоциальное поведение*», – но он и не мог позволить себе возразить Большому Джиму. К тому же это хорошая идея – иметь под рукой лишних людей. Питер не предполагал, что в городе могут возникнуть какие-то проблемы, но новички помогут контролировать толпу в местах пересечения основных городских дорог с барьером. Если барьер все еще существовал. А если нет? Тогда все разрешилось бы само по себе.

И широкой улыбкой он показал, что считает себя членом команды:

– Знаете, я думаю, это отличная мысль. Пусть приходят в участок завтра утром, около десяти.

– Лучше в девять, Пит.

– Девять – это хорошо, – вновь, как во сне, произнес Энди.

– Продолжаем обсуждение? – спросил Ренни.

Все молчали. Андреа выглядела так, будто хотела что-то

сказать, но никак не могла вспомнить, что именно.

– Тогда ставлю вопрос на голосование. Члены управления просят Пита Рэндолафа, исполняющего обязанности начальника полиции, взять Младшего, Френка Дилессепса, Мелвина Сирлса и Картера Тибодо своими помощниками с жалованьем по начальной ставке. Период их службы будет продолжаться до завершения этой странной, совершенно невообразимой ситуации. Кто «за», прошу проголосовать.

Все трое подняли руки.

– Предложение одоб...

Его прервали два резких звука, прозвучавшие как выстрелы. Все подпрыгнули на стульях. Тут же последовал еще один, но Ренни, который большую часть жизни проработал с моторами, уже сообразил, что к чему.

– Расслабьтесь, друзья. Это всего лишь обратная вспышка. Генератор прочищает вы...

Почтенного возраста генератор выдал четвертый «выстрел», а потом смолк. Лампы тут же погасли, на несколько мгновений оставив их в полной темноте. Андреа вскрикнула.

– Господи, Джим, – подал голос Энди Сандерс, который сидел слева от Ренни, – пропан...

Большой Джим протянул руку и крепко сжал предплечье Энди. Тот замолчал. И когда Ренни ослабил хватку, свет прокрался в длинную, обшитую сосновыми панелями комнату. Нет, лампы под потолком не вспыхнули, зато в четырех углах

зажглись лампы аварийного освещения. В слабеньком свете лица собравшихся пожелтели и постарели лет на двадцать. Все выглядели испуганными. Даже Большой Джим Ренни.

– Нет проблем! – воскликнул Рэндолф с напускной, а не естественной веселостью. – Баллон пуст, вот и все. В городском хранилище пропана предостаточно.

Энди стрельнул взглядом в сторону Большого Джима. Только сместил глаза, ничего больше, но Ренни подумал, что Андреа это заметила. А какие она сделала отсюда выводы... другой вопрос.

Она все забудет после следующей дозы окси, сказал себе Большой Джим. *К утру наверняка!*

И пока городские запасы пропана – или их отсутствие – его не волновали. Если возникнет такая необходимость, он об этом позаботится.

– Ладно, я понимаю, что вам хочется выбраться отсюда не меньше, чем мне, поэтому давайте перейдем к следующему вопросу нашей повестки дня. Я думаю, мы должны официально утвердить Пита Рэндолфа в должности начальника полиции *pro tem*³⁹.

– Да, почему нет? – Голос Энди звучал устало.

– Если обсуждения не будет, ставлю вопрос на голосование.

Они проголосовали, как он и хотел.

Они всегда так голосовали.

---

³⁹ Временно (лат.).

Младший сидел на переднем крыльце большого дома Ренни на Фабричной улице, когда фары отцовского «хаммера» осветили подъездную дорожку. Младший блаженствовал. Головная боль не вернулась. Энджи и Доди лежали в кладовой дома Маккейнов, где их никто не найдет... какое-то время. Деньги, которые он брал, снова лежали в отцовском сейфе. В кармане их заменил пистолет – тридцать восьмого калибра, с перламутровой рукояткой, – подарок отца на восемнадцатый день рождения. Теперь он и его отец могли поговорить. Младший собирался внимательно выслушать все, что мог сказать ему Король Без Первоначально-го Взноса. Если он почувствует, что отцу известно про его подвиги – Младший представить себе не мог откуда, но тот всегда очень уж много знал, – тогда он убьет отца. А после этого покончит с собой. Потому что с побегом сегодня ничего не получалось. И завтра скорее всего тоже не получится. По пути домой он остановился на городской площади и послушал, о чем там говорят. Конечно, говорили они что-то безумное, но большой световой пузырь на юге – и поменьше на юго-западе, где шоссе номер 117 подходило к городу от Касл-Рока – означал, что безумие этим вечером обернулось реальностью.

Дверца «хаммера» открылась, потом захлопнулась. Отец

шел к нему, брифкейс стучался о бедро. На лице не читалось подозрительности, осторожности или злости. Он молча сел на ступеньку рядом с Младшим. Потом, захватив сына врасплох, положил руку ему на шею и мягко сжал пальцы.

– Ты слышал?

– По мелочам. Но ничего не понимаю.

– Никто ничего не понимает. Думаю, пройдет несколько дней, прежде чем что-то начнет проясняться. Поэтому я должен тебя кое о чем попросить.

– О чем? – Пальцы Младшего сжали рукоятку пистолета.

– Ты сыграешь свою роль? Ты и твои друзья? Френки? Картер и Сирлс?

Младший молчал, ожидая продолжения. Что это еще за хрень?

– Сейчас Питер Рэндолф исполняет обязанности начальника полиции. Ему нужны люди, чтобы пополнить личный состав. Надежные люди. Ты готов служить экстренно назначенным помощником до завершения всей этой чертовой мутни?

Младший ощутил безумное желание закричать от радости. Или триумфа. Или первого и второго. Рука Большого Джима по-прежнему лежала на его шее. Не сжимала. Не щипала. Можно сказать... поглаживала.

Пальцы Младшего отпустили рукоятку пистолета. Он понял, что ему продолжает везти. О таком везении он не мог и мечтать.

Сегодня Младший убил двух девушек, которых знал с детства.

Завтра ему предстояло стать городским полицейским.

– Конечно, папа. Если мы тебе нужны, можешь на нас рассчитывать. – И впервые за, возможно, четыре года (а то и больше) он поцеловал отца в щеку.

Молитвы

1

Барби и Джулия Шамуэй особо не разговаривали. Других автомобилей Барби на дороге не видел. Когда они выехали из плотной городской застройки, свет лился из большинства окон фермерских домов. Здесь всем и всегда хватало дел, и никто особо не доверял «Энергетической компании Западного Мэна», поэтому практически в каждом доме стоял генератор. Когда они проезжали ХНВ, на радиомачте, как и всегда, мигали красные огни. Горел и электрический крест перед зданием, в котором находилась студия, – сверкающий маяк в темноте. А над их головами небо усеивали бесчисленные звезды, и этому нескончаемому потоку энергии никакой генератор не требовался.

– Ездил по этой дороге на рыбалку, – заметил Барби. – Тут так спокойно.

– Удачно?

– Более чем. Но иногда у реки воздух воняет, как грязное нижнее белье богов. Удобрением или чем-то еще. Ни разу не решался съесть то, что поймал.

– Не удобрением – ерунду говорите. Это же запах фари-сейства.

– Простите?

Она указала на темный шпиль, закрывающий звезды.

– Церковь Христа Святого Испытателя. Им принадлежит радиостанция ХНВ, которую мы только что проехали. Иногда ее называют Иисусово радио.

Барби пожал плечами:

– Наверное, шпиль я видел. И радиостанцию знаю. Как не знать, если живешь здесь и у тебя есть радиоприемник. Фундаменталисты?

– В сравнении с ними твердокаменные баптисты выглядят мягкотелыми. Я-то хожу в Конго. Терпеть не могу Лестера Коггинса, терпеть не могу все эти ха-ха-ты-отправишься-в-ад-а-мы-не-такие. Каждому свое, как я понимаю. Хотя частенько задаюсь вопросом: а откуда у них деньги на содержание радиостанции мощностью в пятьдесят тысяч ватт?

– Пожертвования?

Она фыркнула.

– Может, мне спросить у Джима Ренни. Он церковный староста.

Джулия сидела за рулем элегантного гибридного «приуса». Барби никак не ожидал увидеть такой автомобиль у непреклонной республиканки, которой принадлежала городская газета (хотя соглашался, что он подходит прихожанке Первой Конгрегациональной церкви). Двигателя он практически не слышал, и радиоприемник работал. Проблема состояла лишь в том, что в западной части города мощнейший

сигнал ХНВ заглушал все в ЧМ-диапазоне. Сегодня радио транслировало что-то исполняемое на аккордеоне, и эта музыка вызывала у Барби головную боль. Звучала как полька, исполняемая оркестром умирающих от бубонной чумы.

– Может, попробуете АМ-диапазон? – предложила Джулия.

Он попробовал, но наткнулся только на невнятное бормотание, пока не нашел спортивную радиостанцию у самого края диапазона. Тут и услышал, что перед игрой плей-офф между «Ред сокс» и «Моряками»⁴⁰ на стадионе «Фенуэй» присутствующие почтили минутой молчания память жертв, как выразился комментатор, «события в Западном Мэне».

– События, – недовольно повторила Джулия. – Стандартный термин спортивного радио. Можете его выключить.

Отъехав от церкви на милю или около того, они увидели свет, пробивающийся сквозь деревья. Обогнули поворот и въехали в сияние прожекторов примерно таких же размеров, как голливудские «солнечные» прожектора. Два светили в их направлении, еще два – вертикально вверх. Не осталась невидимой ни единая выбоина на дороге. Стволы берез выглядели как тощие призраки. У Барби создалось ощущение, что они въезжают в мрачный детективный фильм конца сороковых годов.

– Стоп, стоп, стоп! – воскликнул он. – Дальше ехать не

---

⁴⁰ Имеется в виду профессиональная бейсбольная команда «Сиэтлские моряки».

стоит. Кажется, что впереди ничего нет, но, поверьте мне на слово, есть. И это что-то скорее всего взорвет электронику вашего автомобиля, а может, и не только.

Джулия остановила «приус», они вышли. Несколько мгновений постояли перед капотом, щурясь на яркий свет. Джулия подняла руку, чтобы прикрыть глаза.

За прожекторами, практически соприкасаясь передними бамперами, стояли два коричневых армейских грузовика с обтянутыми брезентом кузовами. Дорогу перегораживали и барьеры, формой напоминающие козлы для пилки дров. Их ножки подперли мешками с песком. Из темноты доносился рев моторов. Работал не один генератор – несколько. Барби разглядел толстые электрические кабели, которые, змеясь, уползали от прожекторов в лес, где сквозь деревья светили другие прожектора.

– Они собираются осветить весь периметр. – Он pokrутил пальцем в воздухе, как бейсбольный судья, сигнализирующий о круговой пробежке. – Прожектора вокруг всего города, лучи, направленные внутрь и вверх.

– Почему вверх?

– Вверх, чтобы предупреждать воздушный транспорт о запретной зоне. Если кто-то сюда все-таки прилетит. Предполагаю, тревожиться им придется только эту ночь. Завтра воздушное пространство над Миллом будет защищено так же надежно, как и мешки с деньгами дядюшки Скруджа.

Между грузовиками и прожекторами, в их отсвете, они

различили силуэты полдесятка вооруженных солдат, которые застыли в стойке «вольно, по-парадному» спиной к ним. Военные, должно быть, слышали, как подъехал автомобиль, пусть двигатель и работал достаточно тихо, но ни один не оглянулся.

– Привет, парни! – обратилась к ним Джулия.

Никто не повернулся. Барби и не ожидал, что кто-то повернется – по пути Джулия поделилась с ним содержанием ее беседы с Коксом, – но не мог не попытаться вызвать их на разговор. А поскольку разглядел их знаки отличия, знал, как это сделать. Возможно, здесь бал правила армия, – на что указывало участие Кокса, – но эти парни принадлежали к другому роду войск.

– Эй, морпехи! – позвал он.

Никакой реакции. Барби подошел ближе. Увидел темную горизонтальную полосу, висящую в воздухе над дорогой, но на тот момент ее проигнорировал. Его больше интересовали люди, охранявшие барьер. Или Купол. Шамуэй сказала ему, что Кокс назвал эту таинственную преграду Куполом.

– Я весьма удивлен, что бойцы разведроты корпуса морпехов находятся в Штатах, – громко произнес он, приблизившись к барьеру. – С той маленькой афганской проблемой разве уже закончили?

Никакой реакции. Еще пара шагов. Твердое покрытие дороги оглушающе хрустело под подошвами его кроссовок.

– В разведроте очень уж много пидоров, как мне говори-

ли. Знаете, у меня даже от сердца отлегло. Если б действительно пахло жареным, сюда прислали бы рейнджеров.

– Приманка, – пробормотал кто-то из морпехов.

Барби воодушевился: какая-никакая, но завязка.

– Вольно, парни, вольно, и давайте это обсудим.

Вновь никакой реакции. А ближе подходить к барьеру (или к Куполу) ему не хотелось. По коже еще не бежали мурашки и волосы не пытались встать дыбом, но он знал, что преграда здесь, перед ним. Чувствовал ее.

Да и мог видеть: эта полоса, висящая в воздухе. Не знал, какого цвета она будет днем, но предполагал, что красного – цвета опасности. Полосу эту напылили на барьер, и он мог поставить на кон все деньги, что лежали на его банковском счету (на тот момент чуть больше пяти тысяч долларов), что полоса тянется по всему периметру.

Как кайма на рукаве.

Он сжал пальцы в кулак и постучал по полосе изнутри. Раздался уже знакомый звук – костяшки по стеклу. Один из морпехов подпрыгнул.

– Не уверена, так ли это необходимо, – осторожно произнесла Джулия.

Барби ее проигнорировал. Он начинал закипать. Какая-то его часть злилась весь день и теперь получила шанс высказаться. Он понимал, что негоже выплескивать злость на этих парней – они лишь исполняли чей-то приказ, – но и сдерживаться больше не мог.

– Эй, морпехи! Помогите своему брату!

– Заканчивай, приятель! – Хотя говоривший не повернулся, Барби понял, что это командир маленького подразделения. Он узнал тон, к которому прибегал и сам. Многократно. – У нас есть приказ. В другое время, в другом месте я с радостью угощу тебя пивом или дам пинка под зад. Но не здесь, не в эту ночь.

– Ладно. Но мы все, как я понимаю, на одной стороне, и мне не нравится то, что я вижу. – Барби повернулся к Джулии: – Телефон при вас?

Она показала мобильник:

– Вам следовало приобрести такой. Модная штучка.

– У меня есть. «Лучшая покупка по доступной цене». Я им практически не пользовался. Оставил в ящике, когда уходил из города.

Джулия протянула ему мобильник:

– Боюсь, номер вам придется набирать самому. У меня есть другое дело. – Она возвысила голос, чтобы ее услышали морпехи, стоявшие за прожекторами: – Я – издательница местной газеты и хочу пофотографировать! – Джулия заговорила еще громче: – Особенно нескольких солдат, повернувшихся спиной к городу, который попал в беду!

– Мэм, я бы предпочел, чтобы вы без этого обошлись, – отреагировал командир, здоровенный парень с широкими плечами.

– А вы меня остановите.

– Думаю, вы знаете, что мы не можем этого сделать. И спиной к вам мы стоим только потому, что таков приказ.

– Морпех, – мрачно произнесла она, – тебе бы взять свои приказы, плотно их свернуть, нагнуться и засунуть в то место, откуда идет не очень-то свежий воздух.

В слепящем свете Барби увидел нечто удивительное: жесткое выражение лица Джулии и катящиеся из ее глаз слезы.

Пока он набирал номер с необычным зональным кодом, Джулия Шамуэй достала фотоаппарат и начала фотографировать. Вспышка не могла поспорить яркостью с прожекторами, питающимися от генераторов, но Барби видел, что солдат передергивало при каждой. *Вероятно, боятся, что их гребаные знаки отличия попадут на фотоснимки*, подумал он.

Полковник армии Соединенных Штатов Джеймс Оу Кокс говорил, что будет держать руку на телефоне в половине одиннадцатого. Барби и Джулия чуть задержались, так что позвонить Дейл смог только без двадцати одиннадцать, но рука Кокса, вероятно, оставалась на телефоне, потому что на половине первого гудка в трубке слышался голос прежнего командира Барби:

– Алло, это Кен.

Барби все еще кипел, но тем не менее рассмеялся.

– Да, сэр. А я по-прежнему тот бедолага, которому достается вся приятная работа.

Кокс тоже рассмеялся, несомненно, придя к выводу, что начало хорошее.

– Как ты там, капитан Барбара?

– Все отлично, сэр. Только, при всем уважении, просто Дейл Барбара. В эти дни я капитаню только грилями и фритюрницами в местном ресторане, и нет у меня настроения болтать о пустяках. Я в недоумении, сэр, поскольку вижу перед собой спины морпехов, которые не поворачиваются, чтобы посмотреть мне в глаза, поэтому еще и чертовски зол.

– Понимаю тебя. Но и ты должен кое-что понимать, глядя на ситуацию с моей стороны. Если бы эти люди могли как-то тебе помочь или что-то изменить, ты бы видел их лица, а

не жопы. Ты мне веришь?

– Я вас слушаю, сэр, – ушел он от прямого ответа.

Джулия продолжала фотографировать. Барби отошел к обочине. С нового места увидел спальную палатку, а также вроде бы небольшую палатку-столовую и парковку, на которой стояли другие грузовики. Морпехи обустроивали здесь лагерь, и, вероятно, лагеря побольше разбивались на шоссе номер 117 и 119, там, где те входили в город и выходили из него. Все это предполагало, что военные обосновались здесь всерьез и надолго. Сердце у него упало.

– Женщина из газеты с вами? – спросил Кокс.

– Да. Фотографирует. И, сэр, никаких секретов, я передам ей все, что вы мне скажете. Сейчас я на этой стороне.

Джулия прервала свое занятие, чтобы одарить Барби улыбкой.

– Понимаю, капитан.

– Сэр, упоминание моего прежнего звания очков вам не приносит.

– Ладно, просто Барби. Так лучше?

– Да, сэр.

– Что же касается публикации... ради блага жителей этого маленького городка, я надеюсь, ей хватит здравого смысла отбирать материал.

– По моим ощущениям, хватит.

– Если же она попытается отправить фотографии по электронной почте за пределы города... в какой-нибудь журнал

или, к примеру, в «Нью-Йорк таймс»... с Интернетом, возможно, повторится то, что уже случилось с проводной связью.

– Сэр, это уже...

– Решение принято теми, у кого жалованье побольше моего. Я только транслирую информацию.

Барби вздохнул:

– Я ей передам.

– Передадите что? – спросила Джулия.

– Если вы попытаетесь переслать эти фотографии, городу может быть обрезан доступ в Интернет.

Джулия отреагировала жестом, который как-то не ассоциировался у Барби с рафинированными дамами-республиканками. Он вновь сосредоточился на телефонном разговоре.

– Сколь много вы можете мне сказать?

– Все, что знаю.

– Благодарю вас, сэр, – ответил Барби, хотя и сомневался, что Кокс выложит все. Армия никогда не делилась всем, что знала. Или думала, что знает.

– Мы называем эту преграду Куполом, – продолжил Кокс, – но это не Купол. По крайней мере мы так не думаем. Мы думаем, что это капсула, контур которой на земле точно повторяет административную границу города. Точно – в прямом смысле этого слова.

– Вам известно, как высоко он поднимается?

– На сорок семь тысяч футов и еще чуть-чуть. Мы не знаем, круглый у него верх или плоский. Во всяком случае, пока.

Барби ничего не сказал. Застыл как громом пораженный.

– А вниз... кто знает. Глубже чем на сто футов, это точно. Такова глубина раскопа, который мы сделали на границе между Честерс-Миллом и примыкающей к нему с севера территорией, еще не имеющей статуса города.

– Ти-Эр-девяносто. – Для ушей Барби собственный голос звучал уныло и апатично.

– Не важно. Мы начали в гравийном карьере, глубина которого изначально составляла порядка сорока футов. Я видел спектрограммы, от которых глаза лезли на лоб. Длинные пласты метаморфической скальной породы, аккуратно разрезанные пополам. Никаких щелей, но с севера небольшое смещение пласта вниз. Мы проверили сейсмографические данные Портлендской метеорологической станции и попали в десятку. Ее приборы зафиксировали толчок в одиннадцать сорок четыре. Силой две целых и одну десятую балла по шкале Рихтера. Так что мы знаем, когда это произошло.

– Здорово! – Барби хотел, чтобы в голосе прозвучал сарказм, но изумление и замешательство, которые он испытывал, возможно, помешали ему добиться желаемого результата.

– Для окончательных выводов данных недостаточно, но они очень впечатляющие. Разумеется, исследования только

начались, но на текущий момент нам представляется, что эта преграда вниз уходит на то же расстояние, что и вверх. И если высота Купола больше пяти миль...

– Как вы это узнали? Радар?

– Нет, на радаре эта штукавина не видна. Нет возможности установить ее присутствие, пока не ударишься об нее или не окажешься предельно близко. Человеческие потери при возникновении Купола на удивление малы, но птиц погибло множество. Внутри и снаружи.

– Знаю, я их видел. – Джулия закончила с фотографией. Стояла рядом, слушала, что говорит Барби. – Так как вы узнали высоту Купола? С помощью лазеров?

– Нет, лазерный луч его просто проходит насквозь. Использовали управляемые снаряды с макетными боеголовками. С четырех часов дня из Бангора вылетали «Эф-15-Эй». Я удивлен, что ты их не слышал.

– Может, я что-то и слышал, но голова была занята другим.

Самолетом «Сенекой-V». И лесовозом. И погибшими людьми на шоссе номер 117. Частью на удивление малых человеческих потерь.

– Они отскакивали, а потом, на высоте сорока семи тысяч футов или чуть выше, ракета пролетела по заданной траектории. Пусть это останется между нами, но я удивлен, что мы не потеряли ни одного истребителя.

– Над Куполом кто-нибудь пролетел?

– Не прошло и двух часов. Задание успешно выполнено.

– Но кто сделал этот Купол, полковник? Это наша работа? Какой-нибудь неудачный эксперимент? Или, да поможет нам Бог, испытание чего-то? Вы должны сказать мне правду. Вы должны сказать правду этому городу. Люди просто в ужасе.

– Понимаю. Но сделали Купол не мы.

– А вы бы знали, если бы сделал кто-то из наших?

Кокс замялся. А когда заговорил, понизил голос:

– В моем департаменте очень хорошие источники информации. Когда в Агентстве национальной безопасности пернут, мы это слышим. То же самое можно сказать о ЦРУ и паре других контор, о которых ты понятия не имеешь.

Возможно, Кокс говорил правду. Возможно, и нет. В конце концов, он выполнял свой долг. Если бы ему пришлось в эту холодную осеннюю ночь нести вахту с морпехами, Кокс тоже стоял бы к Барби спиной. Полковнику бы такое не нравилось, но приказ есть приказ.

– Есть шанс, что это природный феномен? – спросил Барби.

– В точности повторяющий проведенную человеком границу целого города? С мельчайшими подробностями? Как ты сам думаешь?

– Я не мог не спросить. Купол проницаемый? Вы знаете?

– Вода через него просачивается. Пусть и чуть-чуть.

– Как такое возможно? – Впрочем, Барби и сам видел странное поведение воды при соприкосновении с барьером.

На пару с Гендроном.

– Мы не знаем, да и откуда? – В голосе Кокса слышалось раздражение. – Мы занимаемся этим меньше двенадцати часов. Здесь все хлопали друг друга по спине, когда хотя бы появилась ясность с высотой Купола. Возможно, нам удастся со всем этим разобраться, но пока мы ничего не знаем.

– Воздух?

– Воздух проходит в большей степени. Мы установили станцию мониторинга там, где город граничит... ммм... – до Барби донеслось шуршание бумаги, – с Харлоу. Проведены так называемые «ветровые испытания». Как я понимаю, гнали воздух на барьер, а потом измеряли количество отброшенного назад. Короче, воздух проходит, и с большей легкостью, чем вода, но ученые говорят, что не полностью. Это сильно повлияет на вашу погоду, дружище, но никто не может сказать, насколько повлияет и будет ли от того хуже. Черт, может, в итоге Честерс-Милл превратится в Палм-Спрингс. – Он рассмеялся, но невесело.

– Частицы? – Барби тут же подумал, что ответ на этот вопрос он и так знает.

– Нет. Твердые частицы барьер не пропускает. Причем с обеих сторон. Во всяком случае, мы так думаем. Частицы не могут попасть внутрь и не могут попасть наружу. Это означает, что автомобильные выхлопы...

– А нам далеко ехать некуда. В самой широкой части ширина Честерс-Милла, наверное, четыре мили. А по диагона-

ли... – Он посмотрел на Джулию.

– Максимум семь, – ответила она.

– Мы не думаем, что твердые частицы, образующиеся при сгорании углеводородов, окажутся для вас серьезной проблемой. Я уверен, у всех в городе дорогие котлы, работающие на печном топливе – в Саудовской Аравии наклейки на бамперах автомобилей нынче гласят: «Я люблю Новую Англию», – но для современных котлов необходимо, чтобы электричество поддерживало постоянную искру. Запасы печного топлива у вас, вероятно, приличные, учитывая, что отопительный сезон еще не начался, но мы не думаем, что вы сможете ими воспользоваться. В долгосрочной перспективе это, наверное, и хорошо, с точки зрения загрязнения окружающей среды.

– Вы так думаете? Приезжайте сюда, когда температура упадет до минус тридцати, и еще при ветре... – Барби задумался. – Ветер у нас дуть будет?

– Мы не знаем. Спроси меня об этом завтра, и, возможно, я поделюсь с тобой хотя бы гипотезой.

– Мы сможем жечь дерево, – подала голос Джулия. – Скажи ему об этом.

– Миз Шамуэй говорит: мы сможем жечь дерево.

– С этим надо бы осторожнее, капитан Барбара... Барби. Конечно, деревья у вас предостаточно, его можно поджечь безо всякого электричества, и гореть оно будет само по себе. Но при горении дерева образуется пепел. Черт, да еще и

канцерогены.

– Отопительный сезон здесь начинается... – Барби взглянул на Джулию.

– Пятнадцатого ноября, – подсказала она. – Плюс-минус.

– Миз Шамуэй говорит, что в середине ноября. Скажите мне, что к тому времени вы во всем разберетесь.

– Я могу сказать одно – мы будем стараться изо всех сил. А теперь перейдем к главному. Умные люди – те, с кем мы сумели связаться – сошлись на том, что мы имеем дело с силовым полем. Все согласились, что силовое поле просто так не появляется. Что-то рядом с ним или внутри его должно это поле генерировать. Наши парни думают, что генератор, вероятнее всего, находится внутри. «Как ручка зонтика», – сказал один из них.

– Вы думаете, источник в городе?

– Мы думаем, что такое возможно. И так уж вышло, что под Куполом оказался солдат-орденоносец...

Бывший солдат, подумал Барби. И все ордена уже восемнадцать месяцев лежат на дне Мексиканского залива. Но он понимал, что срок его службы продлился, нравится ему это или нет. Как говорится, по настоятельным просьбам общественности.

– ...который в Ираке занимался поиском фабрик «Аль-Каиды» по изготовлению бомб. Отыскивал их и уничтожал.

Вот так. А теперь нужно найти генератор. Он подумал обо всех других генераторах, мимо которых они с Джулией про-

ехали этим вечером, ревущих в темноте, вырабатывающих свет и тепло. Пожирающих пропан. Он осознал, что пропан и аккумуляторы, даже в большей степени, чем еда, стали золотым стандартом Честерс-Милла. И еще – люди будут жечь дерево. Если станет холодно, а пропан закончится, станут жечь его в большом количестве. Твердую древесину, мягкую, хворост. Плюя на канцерогены.

– Этот не будет похож на те генераторы, что работают в вашем городе сегодняшним вечером, – продолжал Кокс. – Устройство, создающее такое поле... мы не знаем, как оно может выглядеть. Да и кто мог его построить, тоже не знаем.

– Но Дядя Сэмми хочет его заполучить. – Барби так сильно сжал мобильник, что едва не раздавил. – Это приоритет, так, сэр? Потому что такой генератор может изменить мир. А люди в этом городе на заднем плане. Сопутствующие потери.

– Давай обойдемся без мелодрамы. В сложившейся ситуации наши интересы совпадают. Найди генератор, если его можно найти. Найди так же, как ты находил эти фабрики по изготовлению бомб, а потом отключи его. И проблема будет разрешена.

– Если он здесь.

– Да, если он под Куполом. Ты попытаешься?

– Разве у меня есть выбор?

– По моему разумению, нет. Но я – профессиональный военный. Для нас вообще нет свободы выбора.

– Кен, это еще одно гребаное пожарное учение.

Кокс ответил не сразу. И пока он молчал, в трубке слышалось слабое гудение, свидетельствующее о том, что разговор записывается. Барби буквально слышал, как движутся мысли полковника.

— Это правда, и все дерьмо опять придется подбирать тебе, сукин ты сын.

Барби рассмеялся. Удержаться не смог.

По пути назад, когда они проезжали мимо темного силуэта церкви Христа Святого Искупителя, Барби повернулся к Джулии. В отсвете приборного щитка лицо ее выглядело серьезным и усталым.

– Я не собираюсь просить вас молчать о чем-либо, но думаю, что об одном лучше никому ничего не говорить.

– О генераторе, который может быть, а может и не быть в городе. – Одной рукой она потянулась к заднему сиденью, потрепала Гораса по голове, словно ища утешения и уверенности.

– Да.

– Потому что, если генератор создает это поле, создает Купол вашего полковника, кто-то должен им управлять. Кто-то в городе.

– Кокс ничего такого не сказал, но думаю, он в этом уверен.

– Я об этом никому не скажу. И не буду отправлять фотографии по электронной почте.

– Хорошо.

– Все равно прежде они должны появиться в «Демократе», черт побери! – Джулия продолжала гладить собаку. Обычно Барби нервничал, если водитель держал на руле только одну руку, но не в этот вечер. И по Литл-Битч, и

по 119-му они ехали в гордом одиночестве. – Я также понимаю, что иной раз доброе дело важнее сенсации. В отличие от «Нью-Йорк таймс».

– Полностью с вами согласен.

– И если вы найдете генератор, мне не придется слишком часто отовариваться в «Мире еды». Ненавижу это место. – На ее лице отразилась тревога. – Вы думаете, завтра «Мир еды» откроется?

– Я считаю, да. Люди медленно привыкают к новому порядку, когда старый изменяется.

– Устрою я себе, пожалуй, воскресный шопинг. – Голос звучал задумчиво.

– Если устроите, передайте привет Роуз Твитчел. Она скорее всего будет там с верным Энсоном Уилером. – Вспомнив свой совет Роуз, Барби рассмеялся. – Мясо, мясо, мясо.

– Простите?

– Если в вашем доме есть генератор...

– Разумеется, есть. Я живу над редакцией. У меня не дом, а очень хорошая квартира. Генератор дает налоговую скидку. – Последнюю фразу она произнесла не без гордости.

– Тогда покупайте мясо. Мясо и консервы, консервы и мясо.

Она подумала об этом.

Центр города лежал впереди. Огней по сравнению с обычными вечерами поубавилось, но все равно хватало. *А как долго они еще будут гореть?* – спросил себя Барби.

– Полковник дал вам какие-нибудь идеи по поиску генератора? – осведомилась Джулия.

– Нет. Моя работа и заключалась в поисках такого дерьма. Он это знает. – Барби помолчал. – Как думаете, в городе может быть счетчик Гейгера?

– Я знаю, что есть. В подвале муниципалитета. Точнее, под подвалом. Там атомное бомбоубежище.

– Вы вешаете мне лапшу на уши!

– Никакой лапши, Шерлок. Тремя годами раньше я писала об этом статью. Пит Фримен фотографировал. В подвале находился большой зал заседаний и крошечная кухня. Из кухни лестница ведет в убежище. Довольно-таки вместительное. Его построили в пятидесятых, когда мы тратили деньги, готовясь к тому, чтобы отправиться в ад.

– «На берегу»⁴¹, – вставил Барби.

– Да, и «Горе тебе, Вавилон»⁴². Место это наводит тоску. Фотографии Пита напомнили мне бункер фюрера перед самым концом войны. Там кладовая – полки и полки, заставленные банками консервов, и полдесятка коек. А также кое-какое оборудование, предоставленное федеральным правительством. В том числе и счетчик Гейгера.

– После пятидесяти лет хранения у консервов особо отменный вкус.

– Консервы постоянно заменяются на новые. И очень ча-

---

⁴¹ Американский фильм-катастрофа.

⁴² Роман-катастрофа американского писателя Пэта Франка (1907–1964).

сто. Проверьте городские финансовые отчеты, и вы увидите, что каждые четыре года какие-то деньги идут на замену консервов. Раньше хватало трехсот долларов. Теперь – шестьсот. Имеется там и маленький генератор. Его установили после одиннадцатого сентября. В общем, считайте, что счетчик Гейгера у вас есть. – Она коротко глянула на Барби. – Разумеется, Джеймс Ренни считает здание муниципалитета, от чердака до атомного убежища со всем его содержимым, своей личной собственностью, поэтому захочет знать, зачем счетчик вам понадобился.

– Большой Джим Ренни этого не узнает.

Она приняла его слова без комментариев.

– Хотите поехать со мной в редакцию? Послушаете речь президента, пока я стану верстать газету. Могу сразу сказать, работа будет на скорую руку. Одна статья, полдюжины фотографий для местного потребления, никакой рекламы осенних распродаж в «Универмаге Берпи».

Барби задумался над этим предложением. Завтрашний день ожидался трудным. Предстояло не только готовить пищу, но и задавать вопросы. Приниматься за прежнюю работу и, возможно, использовать прежние методы. Следовало хорошенько отдохнуть. Но он все равно вряд ли уснет, вернувшись в свою квартирку над аптечным магазином.

– Хорошо. Кстати, я обладаю всеми необходимыми навыками офисного работника. А еще могу сварить крепкий кофе.

– Мистер, вы в деле. – Она подняла правую руку, и Барби шлепнул своей ладонью по ее пятерне. – Могу я задать еще один вопрос? Не для печати?

– Конечно.

– Этот фантастический генератор. Вы его найдете?

Барби все еще думал, когда она остановилась перед домом, нижний этаж которого занимала редакция «Демократа».

– Нет, – наконец ответил он. – Это был бы слишком легкий выход из положения.

Она вздохнула и кивнула. Потом схватила его руку.

– Как думаете, если я помолюсь за ваш успех, это поможет?

– Точно не повредит.

В День Купола в Честерс-Милле функционировали только две церкви, и обе предоставляли услуги под протестантским брендом (хотя общего у них было куда меньше, чем различий). Католики ездили в церковь Девы Марии Безмятежных Вод в Моттоне, а десяток евреев, если ощущали необходимость в духовном утешении, – в синагогу Бет Шалом в Касл-Роке. Когда-то в Милле работала и унитарийская церковь, но в конце восьмидесятых она приказала долго жить из-за отсутствия прихожан. Все сходились на том, что ее отличало очень уж хипповое отношение к духовным проблемам. Теперь это здание занимал магазин «Новые и подержанные книги».

Оба пастора Честерс-Милла в тот вечер преклонили колени (Большому Джиму Ренни очень нравилось слово «коленопреклоненные»), но способом обращения к Господу, настроением и ожиданиями они отличались, как небо и земля.

Преподобная Пайпер Либби, которая обращалась к своей пастве с кафедры Первой Конгрегациональной церкви, больше не верила в Бога, хотя и не делилась этим фактом с прихожанами. Лестер Коггинс, с другой стороны, верил как мученик или безумец (возможно, эти два слова означали одно и то же).

Преподобная Либби, все еще достаточно красивая, чтобы

в свои сорок пять выглядеть привлекательной, преклонила колени перед алтарем в почти крошечной тьме (генератором церковь Конго не обзавелась), а Кlover, ее немецкая овчарка, лежал позади нее, уткнувшись носом в лапы и прикрыв глаза.

– Привет, Которого-нет. – В последнее время она именно так называла Бога, оставаясь с ним наедине. В начале осени звала его Великий-наверное. Летом – Всемогуший-возможно. Последнее имя ей особенно нравилось. Звучало красиво. – Тебе известна ситуация, в которую я попала. Ты должен знать, я достаточно часто обсуждала ее с Тобой, – но сегодня я хочу поговорить не об этом. И Ты, наверное, этому рад. – Она вздохнула. – У нас катастрофа, мой Друг. Надеюсь, Ты понимаешь, что произошло, потому что я, к сожалению, нет. Но мы оба знаем, что завтра это место заполнится людьми, которые в час беды обратятся за содействием к Небесам.

Тишина царила как в церкви, так и за ее стенами. «Слишком тихо», как говорили в старых фильмах. Случалось ли на памяти Либби, чтобы Милл так затихал субботним вечером? Ни шума транспорта, ни грохота барабанов одной из рок-групп, которые по субботам играли в «Дипперсе» (на афише обязательно указывалось «ПРЯМИКОМ ИЗ БОСТОНА»).

– Я не собираюсь просить Тебя показать Твою волю, нет во мне больше убежденности, что у Тебя действительно есть воля. Но если каким-то чудом Ты все-таки здесь есть – такая вероятность существует, я с радостью это признаю, – по-

жалуйста, помоги мне сказать людям что-то нужное. Дать им надежду не на Небесах, а прямо тут, на Земле. Потому что... – Либби не удивилась, обнаружив, что уже плачет. Теперь она часто плакала, но всегда в уединении. Когда дело касалось священников и политиков, слезы на публике жители Новой Англии не одобряли.

Кlover, чувствуя ее печаль, заскулил. Пайпер повернулась к нему, велела лежать тихо, вновь обратила лицо к алтарю. Она полагала, что распятие – религиозная разновидность галстука-бабочки, логотипа «Шевроле». Какой-то человек увидел это изображение на обоях одного парижского отеля и воспользовался им. Настолько такой рисунок ему понравился. И если кто-то воспринимает подобные символы как божественные, значит, у него не в порядке с головой.

Тем не менее она продолжила:

– Потому что, я уверена, Ты знаешь, Земля – это все, что у нас есть. Я хочу помочь моим людям, тут двух мнений быть не может. Это моя работа, и я по-прежнему хочу ее выполнять. Предполагая, что Ты есть и что Тебе небезразлично – признаю, предположения шаткие, – прошу, пожалуйста, помоги мне. Аминь.

Она поднялась. Фонарь с собой не брала, но предполагала, что сумеет выйти наружу без синяков на голених. В своей церкви она знала каждый пяточок. Любила эту церковь. И не питала иллюзий ни относительно глубины своей веры, ни относительно своей любви к самой религиозной идее.

– Пошли, Клов. Через полчаса выступит президент. Еще один великий Которого-нет. Мы сможем послушать его по радио в машине.

Кловвер послушно последовал за ней. Вопросы веры его не занимали.

Чуть в стороне от Литл-Битч-роуд (прихожане церкви Христа Святого Исккупителя называли ее исключительно дорогой номер три), под ярким электрическим светом, происходило куда более динамичное действо. Храму Лестера Коггинса принадлежал новенький генератор, с его ярко-оранжевого корпуса еще не соскребли транспортные наклейки. Стоял он позади церкви, в отдельном сарае, тоже выкрашенном оранжевой краской, рядом со складом.

Пятидесятилетний Коггинс выглядел так хорошо – сказались и генетика, и немалые усилия по поддержанию храма собственного тела (помогало и разумное использование различных средств «Только для мужчин»), – что едва ли кто дал бы ему больше тридцати пяти. В этот вечер одежда его состояла из спортивных шортов с надписью «ЗОЛОТЫЕ ОРЛЫ ОРАЛА РОБЕРТСА»⁴³ на правой штанине, оставляя открытыми практически все бугрящиеся мышцы торса.

Во время служб (по пять еженедельно) Лестер молился в экзальтированной манере телепроповедников, и имя Господа нашего разносилось по церкви, словно из динамиков усилителя: не Бог, а БО-О-О-О-ОГ! В личных молитвах он иногда переходил на те же модуляции, сам того не замечая. Ко-

---

⁴³ «Золотые орлы Орала Робертса» – название спортивных команд Университета Орала Робертса, расположенного в г. Талса, штат Оклахома.

гда же его что-то сильно тревожило, когда он действительно нуждался в совете Бога Моисея и Авраама, Того, кто днем путешествовал в столбе дыма, а ночью – в столбе огня, Лестер не говорил, а рычал. И слова, которые слетали с его губ, очень уж напоминали те звуки, что издает сторожевой пес, готовый броситься на незваного гостя. Он об этом даже не подозревал, потому что не было в жизни Лестера человека, который мог бы услышать его молитвы. Лестер Коггинс все взрослые годы прожил холостяком, вспоминая юность, в которой ему снились кошмары, мастурбировал и видел Марию Магдалину, стоящую на пороге его спальни.

Церковь, почти такую же новенькую, как генератор, построили из дорогого красного клена. В интерьере дизайнер стремился к предельной простоте. За голой спиной Лестера стояли ряды скамей, по три в каждом. Над головой нависали балки потолка. Перед собой он видел стоявший на возвышении аналой, на котором лежала Библия, и большой крест из красного дерева, подвешенный на фоне пурпурной материи. Хоры находились выше и справа, в углу лежали музыкальные инструменты, включая и гитару «Стратокастер», на которой Лестер иногда играл сам.

– Бог, услышь мою молитву! – произнес Лестер рычащим, я-действительно-молюсь голосом. В руке он держал тяжелую веревку с двенадцатью узлами. По одному на каждого апостола. Девятый узел, символизирующий Иуду, Лестер закрасил черным. – Бог, услышь мою молитву, я прошу Тебя име-

нем распятого и воскресшего Иисуса!

И он начал бичевать себя веревкой, сначала через левое плечо, потом через правое, рука его плавно поднималась и сгибалась. На его внушительных бицепсах выступил пот. При контакте с покрытой шрамами кожей завязанная узлами веревка издавала такие же звуки, что и выбивалка для ковров. Он проделывал все это десятки раз, но никогда – с такой силой.

– Бог, услышь мою *молитву*! Бог, услышь *мою* молитву! Бог, *услышь* мою молитву! *Бог*, услышь мою молитву!

Удар, и удар, и удар, и удар. Обжигало, как огнем, как крапивой. Падало на большаки и проселки его несчастных нервов. Вызывало жуткую боль и приносило невыносимое наслаждение.

– Господи, мы грешили в этом городе, и я главный среди грешников. Я слушал Джима Ренни и верил его лжи. Да, я верил, и вот она, цена, теперь ее приходится платить, как платили и прежде. И не один платит за грех одного, а многие. Ты не торопиться во гневе, но, когда приходит время, гнев Твой – буря, которая приминает пшеничное поле так, что ни один колосок больше не может подняться. Я посеял ветер и теперь жну бурю, не для одного, а для многих.

В Милле были другие грехи и грешники. Он это знал, потому что наивностью не отличался. Те грешники ругались грязными словами, и танцевали, и прелюбодействовали, и принимали наркотики, для него все это не составляло тай-

ны. И они, несомненно, заслуживали наказания, заслуживали *кары*. И такое он мог сказать о любом городе, безусловно, но Бог обратил свой гнев именно на этот, на Честерс-Милл.

И однако... и однако... возможно ли, что такая необычная кара вызвана не *его* грехом? Да. Возможно. Хотя и маловероятно.

— Господи, я должен знать, что мне делать. Я на распутье. Если Ты велишь, чтобы завтра утром я поднялся на это возвышение и признался во всем, на что уговорил меня сей человек — в грехах, которые лежат на нас двоих, грехах, которые лежат на мне одном, — я это сделаю. Но сие будет означать, что я больше не смогу оставаться священником, и мне не верится, что такой будет воля Твоя в столь критический момент. Если же Ты велишь мне подождать... подождать и посмотреть, что произойдет... подождать и помолиться с моей паствой, чтобы эту кару с нас сняли... я так и поступлю. Твоя воля будет исполнена, Господь. Теперь и всегда.

Он приостановил бичевание (чувствовал, как теплые и успокаивающие струйки текли по голой спине, некоторые из узлов покраснели) и поднял напряженное, влажное от слез лицо к потолочным балкам.

— Потому что эти люди нуждаются во мне, Господь. Ты знаешь, что нуждаются, и теперь больше, чем когда-либо. Поэтому... если Ты велишь мне уйти... пожалуйста, дай мне знак.

Он ждал. И, узрите, Господь заговорил в голове Лестера

Коггинса:

«Я дам тебе знак. Иди к Библии своей, как ты делал юношей после этих мерзких снов».

– Сию минуту, – ответил Лестер. – Сию секунду.

Он повесил веревку на шею, и она отпечаталась кровавой подковой на груди и плечах. Поднялся на возвышение. Кровь стекала по впадине позвоночника и марала эластичный пояс шорт.

Он встал к аналою, словно собрался читать проповедь (хотя даже в самом жутком кошмаре не мог представить себе, что проповедует в таком наряде), закрыл Библию, которая лежала открытой, зажмурился.

– Господь, воля Твоя будет исполнена – я прошу во имя Твоего Сына, распятого в позоре и воскресшего в величии.

И сказал Господь:

«Открой Книгу Мою и посмотри, что ты увидишь».

Лестер все исполнил (только постарался не залезть за середину большой книги – чувствовал, что цитата ему понадобится из Ветхого Завета). С закрытыми глазами повел пальцем по странице, потом открыл глаза и наклонился, чтобы посмотреть. Попал на двадцать восьмую главу Второзакония, на двадцать восьмой стих.

«Поразит тебя Господь сумасшествием, слепотою и оцепенением сердца».

«Оцепенение сердца» вроде бы хорошо, но в целом цитата не вдохновляла. И не вносила ясности. Господь заговорил

ВНОВЬ:

«Не останавливайся на этом, Лестер».

Он начал читать двадцать девятый стих.

«*И ты будешь ощупью ходить в полдень...*»

– Да, Господь, да, – прошептал Коггинс и продолжил чтение.

«*...как слепой ощупью ходит впотьмах, и не будешь ты иметь успеха в путях твоих, и будут теснить и обижать тебя всякий день, и никто не защитит тебя*».

– Меня поразит слепота?! – Рычащий молитвенный голос Лестера чуть поднялся. – Бог, пожалуйста, не делай этого... хотя, если такова Твоя воля...

И в который раз в нем заговорил Господь:

«Лестер, ты забыл голову в кровати, когда встал сегодня утром?»

Его глаза широко раскрылись. Голос Бога, но при том одно из любимых выражений его матери, истинное чудо!

– Нет, Господь, нет.

«Тогда посмотри снова. Что Я тебе показываю?»

– Что-то о безумии. Или о слепоте.

«И что из этих двух представляется тебе более вероятным?»

Лестер перечитал оба стиха. Повторялось только *слепота*.

– Это... Господь, это Твой знак?

И Господь ответил:

«Да, именно так, но не твоя слепота, ибо теперь глаза твои

станут зорче. И высматривать тебе надо слепого, который сошел с ума. Когда увидишь его, ты расскажешь своей пастве, что творил Ренни и о своей роли в этом. Вам обоим придется сказать. Мы еще поговорим об этом, а сейчас, Лестер, иди спать. С тебя капает на пол».

Лестер пошел, но сначала счистил капли крови с паркетного пола за кафедрой. Сделал это, стоя на коленях. Не молился при том, но размышлял над сказанным Господом. Ему заметно полегчало.

Пока он будет вести речь только о грехах, которые могли привести к появлению неведомого барьера между Миллом и внешним миром; но при этом будет искать знак Божий. Сумасшедшего слепого мужчину или женщину. Да, именно так.

Бренда Перкинс слушала ХНВ, потому что ее мужу нравились передачи этой радиостанции (раньше нравились), но сама она никогда не переступала порог церкви Святого Икупителя. Бренда признавала только Конго и позаботилась о том, чтобы муж ходил туда вместе с ней.

Раньше ходил. Теперь же Гови предстояло побывать в церкви Конго только один раз, чтобы лежать там, не зная об этом, пока Пайпер Либби будет произносить надгробное слово.

Осознание, абсолютное и бесповоротное, взяло за душу. Впервые с того момента, как ей сообщили ужасную весть, Бренда дала себе волю и разрыдалась. Возможно, потому, что могла себе это позволить. Теперь осталась одна.

В телевизоре президент – выглядевший серьезным и пугающе старым – говорил:

– Мои дорогие американцы, вы хотите знать ответы. И я обязательно сообщу их вам, как только смогу. В этом никакой секретности не будет. Об этих событиях вы узнаете все, что узнаю я. В этом я даю вам торжественное обещание...

– Да, и у тебя есть мост, который ты хочешь мне продать⁴⁴, – бросила Бренда и от этих слов заплакала сильнее,

---

⁴⁴ «Ему можно продать Бруклинский мост!» – говорят американцы об излишне доверчивых людях.

потому что повторила одну из любимых присказок Гови.

Она выключила телевизор, потом выронила пульт дистанционного управления на пол. Ей хотелось наступить на него и растоптать, но Бренда этого не сделала прежде всего потому, что буквально увидела, как Гови покачивает головой и говорит ей, что нельзя вести себя так глупо.

Вместо этого Бренда пошла в маленький кабинет, чтобы побыть там, где еще ощущалось присутствие Гови. Она чувствовала потребность прикоснуться к нему. Во дворе урчал генератор. *Толстый и счастливый*, как сказал бы Гови. Ее бесила стоимость этого агрегата, который Гови заказал после 11 сентября (*На всякий случай*, объяснил он ей), но теперь она сожалела обо всех колкостях, сказанных о генераторе. Без него ей пришлось бы скорбеть о Гови в темноте, что еще ужаснее, куда как более одиноко.

Стол пустовал, если не считать ноутбука, который стоял с поднятой крышкой. Экранной заставкой служила фотография давнишней игры Малой лиги⁴⁵. Гови и Чип, тогда одиннадцати– или двенадцатилетний, в зеленых свитерах «Монархов» «Аптечного городского магазина Сандерса». Гови с сыном сфотографировались в тот год, когда Гови и Расти Эверетт вывели «Монархов» в финал первенства штата. Чип обнимал отца, а Бренда – их обоих. Хороший день. Но хрупкий. Хрупкий, как хрустальный бокал.

Ей еще не удалось связаться с Чипом, и мысль об этом

---

⁴⁵ Малая лига – объединение детских бейсбольных команд.

звонке – при условии, что ей удастся его сделать – полностью выбила Бренду из колеи. Рыдая, она упала на колени рядом с письменным столом мужа. Не сцепила руки, а свела их ладонями, как в детстве, когда уже в пижаме вставала на колени у кровати и повторяла мантру: *Боже, благослови мамочку, Боже, благослови папочку, Боже, благослови мою золотую рыбку, у которой еще нет имени.*

– Господи, это Бренда. Я не хочу вернуть его... нет, я хочу, но знаю, что Ты не можешь этого сделать. Только дай мне силы вынести все это, хорошо? И я думаю, если, возможно... не знаю, богохульство это или нет, вероятно, да, но я спрашиваю, а не сможешь ли Ты позволить ему еще раз поговорить со мной. Может, позволишь еще раз прикоснуться ко мне, как он сделал сегодняшним утром. – От этого воспоминания – его пальцы на ее коже под солнечным светом – она зарыдала еще сильнее. – Я знаю, Ты не имеешь дел с призраками – кроме, разумеется, Святого Духа, – но, может, во сне? Я знаю, что прошу очень уж многого, но... ох, Господи, этим вечером во мне такая огромная дыра. Я не знаю, как в человеке могут образовываться такие дыры, но боюсь провалиться в нее. Если Ты сделаешь это для меня, я что-нибудь сделаю для Тебя. Все, что Тебе надо, так это попросить. Пожалуйста, Господи. Одно прикосновение. Или слово. Пусть даже во сне. – Она глубоко, со всхлипом, вздохнула. – Спасибо Тебе. Такова, разумеется, Твоя воля. Нравится мне это или нет. – Бренда невесело рассмеялась. – Аминь.

Открыла глаза и встала, опираясь о стол. Рука задела компьютер, и экран тут же осветился. Гови всегда забывал выключать компьютер, но оставлял его включенным в сеть, чтобы аккумулятор не разряжался. И рабочий стол держал в большем порядке, чем она; у нее этот стол всегда был покрыт загруженными файлами и электронными заметками. На рабочем столе Гови, под иконкой жесткого диска, аккуратно, одно под другим, высвечивались названия трех основных папок: «ТЕКУЩЕЕ», где он держал материалы о проводящихся расследованиях; «СУД» – список судебных процессов с указанием, кто (включая и его самого), где и когда должен давать показания; и «МОРИН-ДОМ». В третьей папке содержалась вся информация, имеющая отношение к дому. Бренда подумала, что, открыв папку, она узнала бы все необходимое о генераторе с тем, чтобы обеспечить его максимально продолжительную работу. Генри Моррисон из полицейского участка с радостью заменил бы баллон с пропаном, если бы этот подошел к концу, но были ли в доме запасные баллоны? Если нет, ей следовало прикупить их в «Универмаге Берпи» или в «Бензине и бакалее», пока не расхватали другие.

Она коснулась пальцем сенсорной панели, замерла, обнаружив на рабочем столе четвертую папку, в нижнем левом углу.

Раньше она ее не видела. Бренда попыталась вспомнить, когда в последний раз смотрела на рабочий стол этого ноут-

бука, но не смогла.

«ВЕЙДЕР» – так называлась папка.

Вейдером – но не Дартом⁴⁶ – Гови называл только одного человека: Большого Джима Ренни.

Из любопытства она подвела курсор к иконке и дважды кликнула, гадая: а защищена ли папка паролем?

Как выяснилось, пароль ей потребовался. Не мудрствуя, она набрала «Дикие коты», тот самый пароль, что открывал папку «ТЕКУЩЕЕ» (папку «СУД» Гови паролем не защищал), и это сработало. В папке оказались два документа. Один назывался «ВЕДУЩЕЕСЯ РАССЛЕДОВАНИЕ». Второй, в формате «ПДФ», – «ПИСЬМО ОТ ГПШМ». На языке Гови эта аббревиатура означала: «Генеральный прокурор штата Мэн». Она открыла письмо.

Читала со все возрастающим изумлением и высыхающими на щеках слезами. Прежде всего ей бросилось в глаза обращение: не «Дорогой чиф Перкинс», а «Дорогой Герцог».

И хотя написали письмо на адвокатском языке, а не на языке Гови, некоторые фразы бросались в глаза, словно выделенные жирным шрифтом. «Незаконное присвоение принадлежащих городу товаров и услуг» – первая. «Участие члена городского правления Сандерса не вызывает сомнений» – вторая. И наконец: «Эти должностные преступления более обширны и серьезны, чем мы предполагали тремя месяцами ранее».

---

⁴⁶ Дарт Вейдер – герой киноэпопеи «Звездные войны».

А в самом конце письма одна фраза показалась ей написанной не только жирным шрифтом, но и прописными буквами: «НЕЛЕГАЛЬНЫЕ ПРОИЗВОДСТВО И ПРОДАЖА НАРКОТИКОВ».

Получалось, что Бог ответил на ее молитву, хотя и совершенно неожиданным образом. Бренда села на стул Гови, кликнула «ВЕДУЩЕЕСЯ РАССЛЕДОВАНИЕ» в папке «ВЕЙДЕР» и позволила ее умершему мужу говорить с ней.

Президент закончил речь – максимум успокаивающих слов, минимум информации – в 0.21. Расти Эверетт, который слушал ее в комнате отдыха третьего этажа, в последний раз проверил мониторы и поехал домой. В его медицинской карьере выпадали более утомительные дни, но никогда ранее он не ощущал такого уныния и тревоги за будущее.

В доме царила темнота. Они с Линдой обсуждали покупку генератора в прошлом году (и годом раньше), потому что каждую зиму Честерс-Милл оставался без электричества на четыре-пять дней, да и летом такое обычно случалось пару раз: «Энергетическая компания Западного Мэна» не относилась к числу самых надежных поставщиков электроэнергии. И делали вывод, что пока они не могли себе позволить такой покупки. Если бы Лин вернулась в полицию на условиях полной занятости... но они этого не хотели, пока девочки не подросли.

По крайней мере у нас есть хорошая печь и достаточно дров, если они нам понадобятся.

В бардачке лежал фонарик, но, когда Расти его включил, фонарик пять секунд едва светился, а потом погас. Расти выругался и напомнил себе завтра... нет, уже сегодня... запастись батарейками. При условии, что магазины откроются.

Если я не смогу найти дорогу, прожив в доме двенадцать

лет, тогда я обезьяна.

Да, конечно. Этим вечером он в какой-то степени ощущал себя обезьяной – только что пойманной и посаженной в клетку зоопарка. А уж воняло от него точно как от обезьяны. Хорошо бы душ перед сном.

Тщетные надежды. Нет тока – нет душа.

Ночь выдалась ясной, пусть и безлунной, над домом светили миллиарды звезд, и выглядели они как и всегда. Может, поверху барьер отсутствовал, о чем президент ничего не сказал. Возможно, люди, которые исследовали барьер, этого пока не выяснили. Если Милл находился не под внезапно образовавшимся колпаком, а его окружала вдруг выросшая стена, тогда все как-то могло образоваться. Правительство наладило бы доставку всего необходимого с воздуха. Конечно же, если страна смогла потратить сотни миллиардов для спасения корпораций, ей не составит труда сбросить на парашютах коробки с «поптартс»⁴⁷ и несколько паршивых генераторов.

Он поднялся на крыльцо, доставая из кармана ключ, когда увидел что-то висящее перед замочной пластиной. Нагнулся, присмотрелся, и губы разошлись в улыбке. Мини-фонарик. Линда купила шесть штук за пять долларов на «Последней летней чумовой распродаже» в «Универмаге Берпи». Тогда он подумал, что жена напрасно потратила деньги. Еще сделал вывод: *Женщины покупают вещи на распродажах по*

---

⁴⁷ Сладкие пирожки.

той же причине, что заставляет мужчин лазать по горам: потому что они есть.

Задняя крышка фонарика заканчивалась металлической петлей. Через нее был продет шнурок от старой теннисной туфли и к нему приклеена записка. Расти отлепил ее и напечатал на текст луч фонарика.

Привет, милый. Надеюсь, ты в порядке. Обе Дж. наконец-то улеглись. Обе волновались, но, в конце концов, уgomонились. Завтра я работаю целый день. В прямом смысле целый день, с 7 до 7, так распорядился Питер Рэндолф (наш новый чиф – КОШМАР). Марта Эдмундс говорит, что возьмет девочек, да благословит Бог Марту. Постарайся не разбудить меня. (Хотя, возможно, я не буду спать.) Боюсь, нас ждут трудные дни, но мы прорвемся. В кладовой еды достаточно, слава Богу.

Милый, я знаю, ты устал, но ты выгуляешь Одри? Она все еще продолжает скулить. Может, она знала, что грядет? Говорят, собаки предчувствуют землетрясения, так что, возможно...

Джудди-и-Джанни говорят, что любят своего папочку. Я тоже.

Завтра мы найдем время, чтобы поговорить, так? Поговорить и оценить ситуацию.

Я немного напугана.

Лин.

Он тоже боялся, но ему не нравилось, что его жена завтра

будет работать двенадцать часов, тогда как его рабочий день скорее всего затянется часов на шестнадцать, а то и дольше. И ему не нравилось, что Джуди и Джанель придется целый день находиться у Марты. Он мог не сомневаться в том, что они тоже испуганы.

Но чего ему совсем не хотелось, так это выгуливать в час ночи их золотистого ретривера. Он подумал, что собака скорее всего предчувствовала появление барьера; знал, что собаки ощущают приближение различных неординарных явлений, не только землетрясений. Но в этом случае ей следовало прекратить скулеж, так? Остальные городские собаки нынешним вечером вели себя на удивление спокойно. Ни одна не лаяла, не выла. Никто, насколько он слышал, и не скулил.

Может, она будет спать на своей подстилке за печью, подумал Расти, открывая дверь на кухню.

Одри не спала. Сразу подошла к нему, но не радостно подпрыгивая, как обычно делала – *Ты дома! Ты дома! Слава Богу, ты дома!* – а прижимаясь к полу, чуть ли не ползком, зажав хвост между задними лапами, словно ожидала, что ее ударят (чего никогда не бывало), вместо того чтобы погладить по голове. И да, она снова скулила. Собственно, началось это задолго до появления барьера. На пару недель прекратилось, и Расти уже начал думать, что все в прошлом, но она заскулила вновь, иногда тихо, случалось, что и громко. Этой ночью скулила громко – а может, ему это только казалось на темной кухне, где не светились ни электронные часы

на плите и микроволновке, ни лампочка над раковиной, которую Линда всегда оставляла включенной.

– Прекрати, девочка, – обратился он к собаке. – Ты перебудишь весь дом.

Но Одри не прекратила. Мягко ткнулась головой в его колено и посмотрела на него в ярком узком луче фонаря, который он держал в правой руке. Расти мог поклясться, что в глазах собаки читалась мольба.

– Хорошо. Идем гулять.

Ее поводок свешивался с гвоздя у двери в кладовую. Когда он направился к двери, чтобы снять его (повесив фонарик на шею, спасибо большой петле из шнурка), Одри скользнула перед ним, скорее как кошка, чем собака. Если бы не свет фонарика, он мог бы споткнуться об нее и упасть, достойно завершив этот и без того паршивый день.

– Минуту, одну минутку, подожди.

Но Одри гавкнула и попятилась от него.

– Тихо! Одри, тихо!

Вместо того чтобы затихнуть, она гавкнула вновь, в спящем доме лай прозвучал очень уж громко. Расти от неожиданности даже вздрогнул. А Одри подскочила к нему, зубами ухватила за штанину и попятилась к коридору, стараясь тащить его за собой.

Заинтригованный, Расти ей это позволил. Убедившись, что он идет следом, Одри отпустила штанину и побежала к лестнице. Поднялась на две ступеньки, оглянулась, снова

гавкнула.

Наверху вспыхнул свет, в их спальне.

– Расти? – Лин. Заспанным голосом.

– Да, это я, – отозвался он как можно тише. – Точнее, это Одри.

Он последовал за собакой вверх по лестнице. Вместо того чтобы, как обычно, взбежать по ней, Одри постоянно оглядывалась. Для собачников всегда понятно, что выражают морды их любимцев, и Расти видел озабоченность. Уши Одри лежали на голове, хвост оставался между лапами. Если это имело отношение к скулежу, то в поведении собаки появилось что-то новое. Расти вдруг подумал: а нет ли в доме постороннего? Дверь на кухню он нашел запертой, Лин обычно запирала и проверяла все двери, когда оставалась одна с девочками, но...

Линда вышла на верхнюю лестничную площадку, завязывая пояс белого махрового халата. Увидев ее, Одри снова гавкнула. Уйди, мол, с дороги.

– Одри, прекрати! – Но собака уже проскакивала мимо нее, толкнув правую ногу Линды так сильно, что та привалилась к стене. Одри побежала по коридору к комнате девочек, где царили тишина и покой. Лин выудила мини-фонарик из кармана халата. – Да что с ней?..

– Я думаю, тебе лучше вернуться в спальню.

– Еще чего! – И она побежала по коридору первой, вслед за ярким, подпрыгивающим белым пятном луча.

Их дочери, семи и пяти лет, недавно вошли в, как это называла Лин, «фазу женской секретности». У двери в их комнату Одри поднялась на задние лапы и начала скрестись передними.

Расти догнал Лин, когда та открывала дверь. Одри влетела в комнату, даже не посмотрев на кровать Джуди. Их пятилетняя дочка крепко спала.

Джанель не спала. Но и не бодрствовала. Расти понял все в тот момент, когда два луча скрестились на ней, и выругал себя. Ну как же мог не сообразить, что происходит! Все это тянулось с августа, может, даже с июля. Отсюда и такое странное поведение Одри – ее скулеж. Расти мог точно сказать, когда все началось. Он просто не видел того, что лежало на самом видном месте.

Джанель, в ее открытых глазах виднелись только белки, не билась в судорогах – спасибо Тебе, Господи, за это, – но дрожала всем телом. Ногами она сбросила одеяло, возможно, в самом начале приступа, и двойной луч высвечивал мокрое пятно на ее пижамных штанах. Кончики пальцев поднимались и опускались, словно она разминала руки перед тем, как сыграть на пианино.

Одри села у кровати, пристально глядя на свою маленькую хозяйку.

– Что с ней происходит?! – закричала Линда.

На другой кровати зашевелилась Джуди:

– Мамочка? Уже завтрак? Я опоздала на автобус?

– У нее припадок, – ответил Расти жене.

– Так помоги ей! – Линда кричала, не говорила. – Сделай что-нибудь! Она умирает?

– Нет. – Та часть рассудка Расти, которая сохранила аналитические способности, знала, что это наверняка малый эпилептический припадок – и прежние наверняка были такими же, иначе они бы уже о ее болезни знали. Но все выглядит в другом свете, когда такое происходит с твоим ребенком.

Джуди села на кровати, мягкие игрушки разлетелись во все стороны. Ее глаза округлились от ужаса, и Линда не очень-то успокоила ее, подняв девочку с кровати и прижав к груди.

– Заставь ее остановиться! Заставь ее остановиться, Расти!

Малые эпилептические припадки прекращались сами по себе.

Пожалуйста, Господи, пусть это прекратится само!

Он мягко сжал дергающуюся голову Джан руками и попытался повернуть ее назад, чтобы гарантировать, что ее дыхательные пути не перекроются. Поначалу не получилось – мешала эта чертова подушка с пенным наполнителем. Расти сбросил ее на пол. По пути она стукнула Одри, собака дернулась, но по-прежнему пристально смотрела на девочку.

Теперь Расти смог чуть закинуть назад голову Джанни и прислушался к ее дыханию. Не быстрое и не резкое, свиде-

тельствующее о нехватке кислорода.

– Мамочка, что с Джан-Джан? – По щекам Джуди покатились слезки. – Она сошла с ума? Она заболела?

– Не сошла с ума и только немного заболела. – Расти удивился спокойствию своего голоса. – Почему бы мамочке не отнести тебя в нашу...

– Нет! – воскликнули обе синхронно.

– Хорошо, – не стал спорить он, – но вы не должны шуметь, чтобы не испугать ее, когда Джан проснется. Она и так достаточно напугана. Немного напугана, – тут же поправился Расти. – Одри – хорошая девочка. Очень хорошая девочка.

Такие комплименты обычно безмерно радовали Одри, но не в эту ночь. Она даже не завиляла хвостом. А потом неожиданно золотистый ретривер коротко гавкнул и улегся, положив морду на одну лапу. Буквально через несколько секунд Джан перестала дрожать и закрыла глаза.

– Будь я проклят! – прошептал Расти.

– Что? – Линда присела на кровать Джуди с малышкой на руках. – Что?

– Все закончилось.

Но не закончилось. Во всяком случае, не совсем. Когда Джанни открыла глаза, зрачки вернулись на положенное место, но девочка Расти не видела.

– Это Большая Тыква⁴⁸! – воскликнула Джанель. – Во

---

⁴⁸ Большая Тыква – персонаж комиксов «Арахисовые орешки», который существует только в воображении одного из героев, Линуса ван Пелта. Появляется

всем виноват Большая Тыква. Ты должен остановить Большую Тыкву.

Расти мягко потряхнул ее:

– Тебе снился сон, Джанни. Как я понимаю, дурной сон. Но все закончилось, и теперь все хорошо.

Еще мгновение она не понимала, где находится, но потом глаза ее сместились, и ему стало ясно, что теперь Джан его видит и слышит.

– Останови Хэллоуин, папочка! Ты должен остановить Хэллоуин!

– Конечно, сладенькая, я остановлю. Хэллоуин отменяется. Полностью.

Она моргнула, потом подняла руку, чтобы убрать со лба слипшиеся, мокрые от пота волосы.

– Что? Почему? Я собиралась быть принцессой Леей⁴⁹! Ну почему в моей жизни все не так? – Она начала плакать.

Подошла Линда – за ней Джуди, держась за материнский халат, – и обняла Джанель.

– Ты сможешь быть принцессой Леей, солнышко, я обещаю.

Джан смотрела на родителей с недоумением, подозрительностью, испугом.

– Что вы здесь делаете? И почему она не спит? – указала на Джуди.

раз в год на Хэллоуин, 31 октября.

⁴⁹ Принцесса Лея – персонаж киноэпопеи «Звездные войны».

– Ты описалась в кровати, – самодовольно ответила Джуди, и когда Джан поняла, что так и есть, заплакала еще сильнее. Расти очень захотелось отшлепать Джуди.

Обычно у него таких желаний не возникало, и он считал, что этим выгодно отличался от родителей, которые иногда приводили в Центр здоровья детей со сломанной рукой или подбитым глазом, – но не сегодня.

– Это не важно. – Расти прижал девочку к себе. – Твоей вины тут нет. Тебе нездоровилось, но теперь все прошло.

– Ей надо ехать в больницу? – спросила Линда.

– Только в Центр здоровья, и не ночью. Завтра утром я подберу ей нужное лекарство.

– ТОЛЬКО НЕ УКОЛЫ! – закричала Джанни и заплакала еще сильнее.

Расти нравился ее плач. Здоровый звук. Сильный.

– Никаких уколов, сладенькая. Таблетки.

– Ты уверен? – спросила Лин.

Расти посмотрел на собаку, которая спокойно лежала, положив морду на одну лапу и не обращая внимания на разыгрывающуюся драму.

– *Одри* уверена. Но сегодня она должна спать здесь, с девочками.

– Ура! – Джуди упала на колени, обхватила ручонками шею ретривера.

Расти обнял жену. Она положила голову ему на плечо, словно больше не могла удерживать на весу.

– Почему сейчас? – спросила она. – Почему именно *сейчас*?

– Не знаю. Будем благодарны Богу, что случился лишь малый припадок.

В этом его молитву услышали.

Сумасшествие, безумие и оцепенение сердца

1

Пугало Джо не встал рано; он допоздна бодрствовал. Точнее, всю ночь не ложился.

Джозеф Макклэтчи, тринадцати лет от роду, также известный под прозвищами Король гиков и Скелет, проживал в доме 19 по Фабричной улице. При росте шесть футов два дюйма и весе сто пятьдесят фунтов он действительно выглядел как скелет. И отличался блестящим умом. Джо учился в восьмом классе только по одной причине: его родители считали, что незачем ребенку «перемахивать через ступеньки».

Джо не возражал. Его друзья (для костлявого тринадцатилетнего гения друзей у него было на удивление много) учились вместе с ним. Особых усилий учеба не требовала, а компьютеров вокруг хватало. В Мэне они были практически у всех учеников средней школы. Некоторые из самых интересных сайтов, разумеется, блокировались, но у Джо не уходило много времени на устранение этих мелких препятствий. И он с радостью делился полученной информацией с лучшими друзьями, в том числе с бесстрашными скейтерами Норри

Кэлверт и Бенни Дрейком (Бенни особенно нравилось бродить по сайту «Блондинки в белых трусиках» в часы, отведенные на самостоятельные занятия). Щедрость в дележе информацией отчасти объясняла популярность Джо, но не полностью: подростки просто находили его клевым. Наклейка на его школьном рюкзаке, возможно, служила более верным объяснением. Она гласила «БОРИСЬ С ВЛАСТЬЮ»⁵⁰.

Учился Джо только на пятерки, надежно, а иногда блестяще играл на месте центрального в сборной школы по баскетболу (для семиклассника – удивительное достижение), не терялся и на футбольном поле. Умел тренькать на пианино, а двумя годами раньше выиграл второй приз на ежегодном городском рождественском конкурсе талантов, исполнив уморительно смешной танец под песню Гретхен Уилсон «Деревенская женщина». Взрослые аплодировали и визжали от смеха. Лисса Джеймисон, главный городской библиотекарь, сказала, что этим он мог бы зарабатывать на жизнь, если бы хотел, но превращение в Наполеона Динамита⁵¹ не входило в планы Джо.

– Все подстроено, – мрачно заявил Сэм Макклэтчи, вертя в руках полученную сыном медаль за второе место. И скорее всего говорил правду; первое место тогда занял Дуги Твитчел, брат третьего члена городского управления. Твитч жон-

---

⁵⁰ «Борись с властью» – хит американской хип-хоп-группы «Паблик энеми».

⁵¹ Наполеон Динамит – герой одноименного американского фильма, старшеклассник.

глировал шестью булавами, исполняя при этом «Лунную реку».

Джо не волновало – подстроено что-то или нет. К танцам он интерес потерял, как терял ко многим занятиям, которые более-менее осваивал. Даже его любовь к баскетболу – в пятом классе он считал ее вечной – начала увядать.

Не отпускала только страсть к Интернету, электронной галактике бесконечных возможностей.

Он мечтал, не посвящая в это даже родителей, стать президентом Соединенных Штатов. *Возможно, иногда думал Джо, я исполню что-нибудь эдакое из «Наполеона Динамита» на моей инаугурации. Этот вздор останется на «ютьюб» до скончания веков.*

Всю первую ночь после водворения Купола Джо провел в Интернете. Генератора в доме Макклэтчи не было, но полностью заряженная аккумуляторная батарея позволяла не обращаться на это никакого внимания. Кроме того, он располагал пятью запасными аккумуляторами. Ранее Джо убедил семь или восемь членов неформального компьютерного клуба также держать под рукой запасные аккумуляторы, и он знал, где взять заряженную батарею, если б возникла такая необходимость. Но чужие аккумуляторы могли ему и не понадобиться. В школе стоял офигенный генератор, и Джо полагал, что сможет без проблем зарядить севшую аккумуляторную батарею. Мистер Оллнат, уборщик, конечно же, позволил бы ему подключить ее к генератору. Мистеру Оллнату

тоже нравился сайт «Блондинки в белых трусиках». Не говоря уже о музыке кантри, которую стараниями Пугала Джо он мог скачивать бесплатно.

В первую ночь появления Купола Джон сильно напряг беспроводную связь, переходя от блога к блогу с проворностью лягушки, прыгающей по горячим камням. Каждый блог выглядел страшнее предыдущего. При минимуме фактов теории заговора расцветали пышным цветом. Джо соглашался с родителями, которые говорили про самых заумных теоретиков заговора, живших в Интернете, что те носят «шапочки из фольги»⁵², но он верил и в другое: если видишь кучу лошадиного дерьма, значит, где-то рядом есть и пони.

Когда День Купола плавно перетек в день второй, все блогеры пришли к одной мысли: пони в данном конкретном случае не террористы, не пришельцы из космоса, не Великий Ктулху, но старый добрый военно-промышленный комплекс. Подробности варьировались от сайта к сайту, но три основополагающие версии присутствовали на каждом. Первая – Купол возник в результате безжалостного эксперимента, в котором жителям Честерс-Милла была уготована роль подопытных кроликов. Вторая – что-то случилось, и эксперимент вышел из-под контроля («Как в фильме “Мгла”», – написал один из блогеров). Третья – это вовсе не эксперимент, а хладнокровно созданный предлог для оправдания

---

⁵² Некоторые верят, что шапочки из нескольких слоев фольги защищают мозг от «зомбирования».

войны с врагами Америки. «И МЫ ПОБЕДИМ! – писал пользователь яЖЕговорил87. – Поскольку это новое оружие, КТО СМОЖЕТ УСТОЯТЬ ПРОТИВ НАС? Друзья мои, МЫ СТАЛИ НОВОАНГЛИЙСКИМИ ПАТРИОТАМИ⁵³ ВСЕХ НАЦИЙ!!!»

Джо не знал, соответствует ли действительности хоть одна из предлагаемых версий. По большому счету его это не волновало. Что волновало, так явно выраженный общий знаменатель – в данном случае Государство.

Пришла пора для демонстрации, возглавить которую, естественно, собирался он. Не в городе, само собой, а на шоссе номер 119, где они смогли бы противостоять Государству. Конечно, сначала к нему присоединятся только его друзья, но потом число протестующих возрастет. Джо в этом не сомневался. Государство, возможно, по-прежнему не подпускало прессу к Куполу, но даже в тринадцать лет Джо хватало ума, чтобы понять: этот момент не являлся критическим. Потому что под военной формой находились люди, и за бесстрастными лицами, по крайней мере некоторыми, – работающие мозги. В целом военные принимали сторону Государства, но целое состояло из индивидуумов, и среди них могли быть тайные блогеры. Они обязательно сообщат о происходящем, а кто-то, возможно, снабдит отчеты фотографиями, сделанными с помощью мобиль-

---

⁵³ «Новоанглийские патриоты» – профессиональная футбольная команда. В первом десятилетии XXI в. несколько раз становилась чемпионом США.

ников: Джо Макклэтчи и его друзья с плакатами: «ДОЛОЙ СЕКРЕТНОСТЬ, ОСТАНОВИТЕ ЭКСПЕРИМЕНТ, ОСВОБОДИТЕ ЧЕСТЕРС-МИЛЛ» и т. д. и т. п.

– Нужны плакаты и в городе, – пробормотал он. Но и тут не увидел проблемы. Принтеры были у всех его друзей. И велосипеды.

Пугало Джо начал рассылать электронные письма с рассветом. В самом скором времени он намеревался оседлать велосипед и поехать к Бенни Дрейку, чтобы заручиться его поддержкой. Может, и к Норри Кэлверт. Обычно члены команды Джо по уик-эндам просыпались поздно, но он предполагал, что в это утро весь город поднимется рано. Несомненно, очень скоро Государство отсечет Интернет, как отсекло телефоны, но пока Сеть была оружием Джо, оружием народа.

Пришло время вступить в борьбу с властью.

– А теперь, парни, поднимите руки. – Питер Рэндолф стоял перед новыми рекрутами, усталый, с мешками под глазами, но переполненный радостью. Травянисто-зеленый патрульный автомобиль чифа дожидался на парковке, заправленный бензином и готовый к выезду. Теперь его автомобиль.

Новые рекруты – в официальном донесении членам управления Рэндолф намеревался назвать их экстренно назначенными помощниками – послушно подняли руки. Перед ним стояли пятеро, но один был не парнем, а крепкого сложения молодой женщиной, безработной парикмахершей и подружкой Картера Тибодо. Звали ее Джорджия Ру. Младший предложил разбавить их компанию женщиной, чтобы все были счастливы, и Большой Джим тут же ухватился за эту идею. Рэндолф поначалу возражал, но сдался, едва Большой Джим одарил нового чифа зверской улыбкой.

И, принимая присягу (в присутствии нескольких штатных сотрудников), он не мог не признать, что новички выглядели неплохо. Младший в сравнении с прошлым летом похудел на несколько фунтов и не тянул на линейного нападающего школьной команды, но все равно весил никак не меньше ста девяносто фунтов, и остальные, даже девушка, выглядели настоящими силачами.

Они стояли, повторяя за Питером слова присяги, фразу за фразой, Младший – крайним слева, рядом со своим другом Френки Дилессепсом, потом Тибодо и эта Ру; Мелвин Сирлс – с другого края. Сирлс тупо улыбался, словно собрался на окружную ярмарку. Рэндолф быстренько стер бы с его лица улыбочку, если бы мог три недели помуштровывать всю эту компанию (черт, даже одну неделю!), но такой возможности никто ему не дал.

Только в одном он не уступил Большому Джиму – в вопросе о стрелковом оружии. Ренни просил за них, утверждал, что они – «уравновешенные, богобоязненные молодые люди», предлагал сам снабдить новобранцев оружием.

Рэндолф покачал головой.

– Ситуация слишком неопределенная. Давайте посмотрим, как у них пойдет служба.

– Если одному из них достанется, пока ты будешь смотреть...

– Никому не достанется, Большой Джим. – Рэндолф надеялся, что правота будет на его стороне. – Это Честерс-Милл. Будь мы в Нью-Йорке, все шло бы по-другому.

– И я буду, прилагая все силы, служить людям этого города и защищать их, – диктовал Рэндолф.

Они все повторили, без запинки, как ученики воскресной школы в родительский день. Даже тупо лыбящийся Сирлс. И выглядели они хорошо. Без оружия – пока, – но по крайней мере с рациями. И дубинками. Стейси Моггин (которой тоже предстояло патрулировать улицы) нашла форменные рубашки для всех, кроме Картера Тибодо. Для него не смогли подобрать ничего подходящего из-за слишком уж широких плеч, но он неплохо смотрелся и в обычной синей рубашке, в которой пришел из дома. Не форменной, но чистой. И серебристый жетон, пришпиленный над левым карманом, общал тем, кто его видел, все, что требовалось сообщить.

Возможно, от принятого городским управлением решения и будет толк.

– И да поможет мне Бог, – произнес Рэндолф.

– И да поможет мне Бог, – повторили они.

Краем глаза Рэндолф увидел, как открылась дверь. Большой Джим. Он присоединился к Генри Моррисону, страдающему астмой Джорджу Фредерику, Фреду Дентону и Джеки Уэттингтон (на ее лице отражалось сомнение), стоящим в глубине большой комнаты. Рэндолф знал, что Ренни пришел, чтобы посмотреть, как его сын будет принимать прися-

гу. Он испытывал некоторую неловкость из-за того, что отказался выдать новичкам оружие (отказ в чем-либо Большому Джиму, конечно же, мог отразиться на будущем Рэндолфа), и новый чиф симпровизировал главным образом ради второго члена городского управления.

– И я ни перед кем, на хрен, не буду прогибаться.

– И я ни перед кем, на хрен, не буду прогибаться! – повторили они. С энтузиазмом. Теперь улыбались все. Полные сил. Готовые к выходу на улицы.

Большой Джим кивнул, подняв руки с вскинутыми кверху большими пальцами, несмотря на бранное слово. Рэндолф расправил плечи, не подозревая о том, что эту клятву – *И я ни перед кем, на хрен, не буду прогибаться* – он сдержать не сумеет.

Когда Джулия Шамуэй заглянула в «Эглантерию», большинство пришедших на завтрак уже отбыли в церковь или на городскую площадь, где спонтанно организовался дискуссионный клуб. Часы показывали девять. Из обслуживающего персонала остался только Барби; Доди Сандерс и Энджи Маккейн не появились, что никого не удивило. Роуз ушла в «Мир еды». Энсон отправился с ней. Барби надеялся, что они вернутся, нагруженные продуктами, но поверил бы в это, лишь увидев добычу.

– Мы закрыты до ленча, – предупредил он, – но есть кофе.

– И булочка с корицей? – с надеждой спросила Джулия.

Барби покачал головой:

– Роза их не пекла. Стараемся максимально снизить расход пропана.

– Разумно. Тогда только кофе.

Он принес кофейник, налил.

– Ты выглядишь усталой.

– Барби, этим утром *все* выглядят усталыми. И испуганными до смерти.

– Как продвигается газета?

– Я надеялась закончить к десяти утра, но теперь, похоже, успею только к трем. Первый специальный выпуск «Демократа» с ноль третьего года, когда Престил-Стрим вышел

из берегов.

– Возникли производственные проблемы?

– Их нет и не должно быть, если мой генератор будет работать. Просто захотелось пойти в продуктовый магазин и посмотреть: появится ли толпа? Отметить в статье и это, если появится. К несчастью, Пит Фримен оказался в городе, и он уже у магазина, чтобы сделать фотографии.

Барби слово «толпа» не понравилось:

– Господи, надеюсь, люди будут вести себя как должно.

– Будут; мы, в конце концов, в Милле – не в Нью-Йорке.

Барби сомневался, что в критической ситуации городские мыши так уж сильно отличались от деревенских, но предпочел держать рот на замке. Она знала местных куда лучше, чем он.

А Джулия словно прочитала его мысли:

– Разумеется, я могу ошибаться. Поэтому и послала Пита. – Она огляделась. Несколько человек сидели у прилавка в передней части зала, добивали яичницу и кофе, и, разумеется, за большим столом у дальней стены – базарным столом, по терминологии янки – старики пережевывали случившееся и обсуждали, что могло случиться еще. В центральной же части ресторана находились только она и Барби. – Хочу тебе кое-что сказать. – Джулия понизила голос. – Перестань мельтешить, как Вилли-официант⁵⁴, и сядь.

Барби сел, налил кофе и себе. Со дна кофейника, так что

---

⁵⁴ Имеется в виду герой рекламного ролика.

напиток по вкусу напоминал дизельное топливо... но зато именно на дне кофейника оставался кофеин.

Джулия сунула руку в карман платья, достала мобильник, пододвинула к Барби:

– Твой Кокс позвонил в семь утра. Догадываюсь, что и ему в эту ночь выспаться не удалось. Попросил дать его тебе. Он не знает, что у тебя есть свой.

Барби к мобильнику не прикоснулся:

– Если он уже ждет отчета, то сильно переоценивает мои возможности.

– Кокс этого не говорил. Сказал другое. Если ему понадобится поговорить с тобой, он хочет сразу тебя найти.

Барби протянул руку к мобильнику и пододвинул его к ней. Она взяла телефон, на лице удивления не отразилось.

– Кокс также сказал, что ты должен позвонить ему в пять пополудни, если до этого он сам не позвонит тебе. Он будет располагать самой свежей информацией. Нужен тебе номер с таким странным зональным кодом?

Барби вздохнул:

– Естественно.

Она записала номер на салфетке; маленькие, аккуратные циферки.

– Я думаю, военные хотят что-то попробовать.

– А что именно?

– Он не сказал. Но я почувствовала, что пока рассматриваются несколько вариантов.

– Само собой. Что еще у тебя за душой?

– С чего ты взял?

– Почувствовал. – Он улыбнулся.

– Ладно, счетчик Гейгера.

– Я думал о том, чтобы поговорить об этом с Элом Тиммонсом. – Эл работал уборщиком в муниципалитете и постоянно бывал в «Эглантерии». Барби с ним ладил.

Джулия покачала головой:

– Нет? Почему нет?

– Попробуй догадаться, кто дал Элу беспроцентную ссуду, чтобы младший сын Эла мог поехать учиться в «Херитидж крисчен»⁵⁵ в Алабаме?

– Джим Ренни?

– Совершенно верно. А теперь давай перейдем к двойной игре, где очки удваиваются. Догадайся, кому принадлежит закладная на плужный снегоочиститель «Фишер», которым пользуется Эл?

– Думаю, тоже Джиму Ренни.

– Правильно. А поскольку ты – собачье дерьмо, которое второй член управления еще не счистил со своего ботинка, то не стоит тебе обращаться к людям, которые у него в долгу, эта идея не из лучших. – Она наклонилась над столом. – Но так уж вышло, что я знаю, у кого был полный комплект ключей от нашего королевства: муниципалитета, больницы, Центра здоровья, школ, что ни назови.

---

⁵⁵ «Херитидж крисчен» – частный университет, готовящий священников.

– У кого?

– У нашего покойного начальника полиции. И так уж вышло, у меня теплые отношения с его женой... вдовой. Она не питает любви к Джиму Ренни. Плюс она может хранить секрет, если кто-то убедит ее, что хранить его необходимо.

– Джулия, тело ее мужа еще не остыло.

Она подумала о маленьком мрачном «Похоронном бюро Боуи» и скорчила гримасу печали и отвращения.

– Может, и нет, но оно, вероятно, уже холоднее комнатной температуры. Я, однако, понимаю, о чем ты, и аплодирую твоему состраданию. Но... – Джулия сжала его руку. Барби это удивило, но отрицательных эмоций не вызвало. – Обстоятельства необычные. И даже с разбитым сердцем Бренда Перкинс это поймет. У тебя есть работа, которую нужно сделать. Я смогу ее в этом убедить. Ты тайный агент.

– Тайный агент, – повторил Барби, и внезапно в голове промелькнули два неприятных образа-воспоминания: спортивный зал в Фаллудже и плачущий иракец, голый, не считая размотавшейся куфии. Тот день и тот спортивный зал напрочь отбили у него желание быть тайным агентом. И все-таки здесь он им стал.

– Так я...

Это октябрьское утро выдалось теплым, и, хотя дверь закрыли (люди могли только выходить, но не входить), окна были распахнуты. Некоторые смотрели на Главную улицу, и оттуда донесся металлический удар и вопль боли. За ними

последовали возмущенные крики.

Барби и Джулия переглянулись поверх чашек с кофе. На лицах обоих читалось удивление и предчувствие дурного.

Началось, прямо сейчас, подумал Барби. Он знал, что грешил против истины, — началось вчера, когда появился Купол, — но одновременно чувствовал, что мысль его правильная.

Люди, сидевшие за прилавком, уже бежали к двери. Барби поднялся, чтобы последовать за ними. Встала и Джулия.

Дальше по улице, в северном конце городской площади, начал бить колокол в шпиле Первой Конгрегациональной церкви, созывая верующих на службу.

Ренни-младший пребывал в прекрасном расположении духа. В это утро не ощущалось и намек на головную боль, и завтрак уютно устроился в желудке. Он даже думал, что сможет съесть и ленч. Это радовало. В последнее время отношения с едой у него не ладились. Зачастую Младшего мучило от одного взгляда на что-то съестное. Но не этим утром. Оладьи и бекон пошли отлично.

Если это Апокалипсис, думал Младший, ему следовало наступить раньше.

Каждого экстренно назначенного помощника поставили в пару к штатному патрульному. Младший получил в напарники Фредди Дентона и полагал, что и тут вытянул счастливый билет. Дентона, лысеющего, но крепкого пятидесятилетнего мужчину, знали как человека, строго следующего всем инструкциям... правда, с исключениями. Когда Младший играл в школе в футбол, Дентон занимал пост президента клуба поддержки «Диких котов» и, по слухам, никогда не штрафовал бывших футболистов. За всех Младший говорить не мог, но знал, что однажды Фредди отпустил Френки Дилес-сепса, и сам дважды слышал от строгого копа: «На этот раз я штрафовать тебя не буду, но сбрось скорость». Напарницей Младшего могла бы оказаться и Уэттингтон, которая, возможно, уже начала думать о том, чтобы наконец-то допу-

ститъ какого-нибудь парня в свои трусы. Сиськи у нее что надо, но тут можно было нарваться на какую-нибудь неприязность. И ему не понравился холодный взгляд, которым она наградила Младшего, когда он и Фредди проходили мимо, направляясь на улицу.

В кладовой найдется местечко и для тебя, Джекки, если будешь колебать мне мозги, подумал он и рассмеялся. Господи, как же приятно ощущать на лице теплый солнечный свет! Когда еще ему было так хорошо?

Фредди повернулся к нему:

– Увидел что-то смешное, Младший?

– Да нет. Просто мне везет. Вот и все.

Их работа – во всяком случае, в это утро – заключалась в пешем патрулировании Главной улицы («Чтобы обозначить наше присутствие», – объяснил Рэндолф), сначала по одной стороне, потом по другой. Чистое удовольствие, учитывая мягкое октябрьское солнышко.

Они проходили мимо магазина «Бензин и бакалея», когда оттуда донеслись голоса. Один – Джонни Карвера – управляющего и одного из владельцев этой лавочки. Второй говоривший словно набил рот кашей, поэтому Младший не мог разобрать ни слова, но Фредди Дентон закатил глаза.

– Сэм Вердро, чтоб мне сдохнуть. Черт! И еще нет половины десятого.

– Кто такой Сэм Вердро? – спросил Младший.

Губы Фредди сжались в белую полоску, которую Млад-

ший помнил с футбольных дней. Это означало: *Твою мать, мы проигрываем*. Или: *Твою мать, это нам совсем ни к чему*.

– Ты не знаком с лучшими людьми Милла, Младший. Сейчас будешь представлен.

– Я *знаю*, что уже десятый час, Сэмми, – слышался голос Карвера, – и я вижу, что у тебя есть деньги, но вино тебе все равно не продам. Ни этим утром, ни днем, ни вечером. Вероятно, и завтра тоже, пока не закончится вся эта история. Приказ Рэндолфа. Он – наш новый начальник полиции.

– Какой, на хрен, начальник! – донесся голос, но каша по-прежнему мешала этому человеку говорить, так что Младшему послышалось: *Каухой наухрен наусалник*. – Питу Рэндолфу только подтирать задницу Герцогу Перкинсу.

– Герцог мертв, а Рэндолф говорит, спиртное не продавать. Извини, Сэм.

– Только одну бутылку «Ти-берд»! – завопил Сэм. – *Тока аудну бутылку «Ти-берд»*. – Мне надо. И я могу заплатить. Продай. Сколько лет я у тебя покупаю?

– Черт! – Хотя в голосе Джонни звучало отвращение, он уже поворачивался к длинному, во всю стену, стеллажу с пивом и вином, когда Младший и Фредди вошли в магазин. Вероятно, Карвер решил, что одна бутылка «Ти-берд» – невысокая цена, если в результате удалось бы выпроводить из магазина старого пьяницу. Между тем несколько покупателей с интересом наблюдали за развитием событий, ожидая, каким будет исход.

На стеллаже был прикреплен лист бумаги с надписью от руки: «ПРОДАЖА АЛКОГОЛЯ ЗАПРЕЩЕНА ДО ПОСЛЕДУЮЩЕГО РАСПОРЯЖЕНИЯ». Никаких исключений текст не предполагал, и тем не менее этот слабак уже тянулся за бутылкой в средней части стеллажа. Именно там стояло дешевое вино. Младший служил в полиции менее двух часов, но понимал, что это плохая идея. Если бы Карвер уступил требованию алкоголика с грязными спутанными волосами, другие, более респектабельные покупатели потребовали бы тех же привилегий.

Фредди Дентон, судя по всему, думал так же.

– Не делай этого! – велел он Джонни Карверу. Повернулся к Вердро, который смотрел на него красными глазами кро-та, вокруг которого загорелись кусты. – Я не знаю, хватит ли оставшихся у тебя в мозгу живых клеток, чтобы прочитать эту надпись, но я знаю, что ты слышал этого человека: сегодня никакого спиртного. А теперь вали на свежий воздух. Ты и так здесь все провонял.

– Не могу этого сделать, патрульный. – Сэм выпрямился во все свои пять с половиной футов, одетый в грязные штаны из прочной хлопчатобумажной ткани, футболку с надписью «Лед Зеппелин» и старые шлепанцы со стоптанными задниками. А волосы выглядели так, словно в последний раз их постригли в тот год, когда Буш Второй пользовался доверием избирателей. – У меня есть права. Свободная страна. Так и написано в Конституции независимости.

– Конституция в Милле отменена, – вмешался Младший, совершенно не представляя себе, что произносит пророческие слова. – Так что ноги в руки и свалил отсюда. – Господи, какой же он ощущал кайф! Меньше чем за день прошел путь от тоски и отчаяния до восторга и эйфории!

– Но...

Сэм не сдвинулся с места, его нижняя губа дрожала, он пытался найти какие-то аргументы. Младший с отвращением, но и зачарованно наблюдал, как увлажняются глаза этого старого козла. Сэм вытянул перед собой руки, которые тряслись куда сильнее, чем губы. У него оставался лишь довод, который так трудно озвучить при зрителях. Но, не имея другого выхода, Сэм озвучил:

– Мне действительно нужно выпить, Джонни. Без шуток. Только чуть-чуть, чтобы остановить дрожь. Я эту бутылку растяну. И я не собираюсь поднимать шум. Клянусь именем матери. Я просто пойду домой. – Домом Сэму служила лачуга, стоявшая посреди пустого двора, на котором вразброс валялись части автомобилей.

– Может, мне действительно... – начал Джонни Карвер. Фредди его проигнорировал.

– Бухло, ты никогда в жизни не мог растянуть бутылку.

– Не называй меня так! – воскликнул Сэм Вердро. Слезы покатались по щекам.

– У тебя расстегнута ширинка, старик, – вновь встрял Младший, а когда Сэм посмотрел вниз, провел пальцем по

его обвисшей коже под подбородком. А потом ущипнул за нос. Фокус уровня начальной школы, но не потерявший своей прелести. Младший даже повторил фразу, которая обычно звучала в такой момент: – Попался, замарашка!

Фредди Дентон рассмеялся. Как и пара зрителей. Даже Джонни Карвер улыбнулся, хотя, судя по его виду, не так уж ему этого и хотелось.

– Убирайся отсюда, Бухло, – процедил Фредди. – Денек выдался хороший. Ты же не хочешь провести его в камере.

Но что-то – может, прозвище Бухло, может, ущипленный нос, может, и первое и второе – возбудило остатки ярости, которая так завораживала и пугала дружков Сэма, когда тот сорока годами раньше валил деревья на канадской стороне Меримаши⁵⁶. Руки и губы перестали дрожать, по крайней мере временно. Глаза полыхнули, не отрываясь от Младшего. Из горла вырвался некий пренебрежительный звук. Когда он заговорил, каша изо рта исчезла.

– Пошел на хрен, малыш. Ты не коп, да и футболистом был паршивеньким. Как я слышал, не смог даже пробиться в команду третьесортного колледжа. – Его взгляд сместился на патрульного Дентона. – И ты, помощник шерифа Дог⁵⁷. В воскресенье закон разрешает продавать спиртное с девяти утра. Принят в семидесятых, и на этом разговор закончен. –

---

⁵⁶ Имеется в виду пограничный район между штатом Мэн и канадской провинцией Нью-Брансуик.

⁵⁷ Дог – герой мультфильмов и телевизионного мультсериала.

Он повернулся к Джонни Карверу. Улыбка сползла с лица Джонни, и покупатели притихли. — У меня есть деньги, которые ходят в этой стране, и я беру то, что мое.

Сэм двинулся вокруг прилавка. Младший ухватил его за плечи за футболку и штаны, развернул и погнал к входной двери.

— Эй! — Ноги Сэма едва успевали касаться навощенных половиц. — *Убери руки! Убери свои гребаные руки...*

За дверью, внизу лестницы, Младший держал старика перед собой. Легкого, как мешок с перьями. И, Господи, он *пердел!* Пу-пу-пу, как чертов автомат!

У тротуара стоял грузовой автофургон Коротышки Нормана. С надписью на борту «ПОКУПКА-ПРОДАЖА МЕБЕЛИ. ЛУЧШИЕ ЦЕНЫ НА АНТИКВАРИАТ». Коротышка — рядом с ним, стоит разинув рот. Младший не колебался ни секунды. Головой вперед вогнал старого пьяницу в борт грузовика. Тонкий металл мелодично выдал: *боннг!*

Младший и не подумал, что мог убить этого вонючего козла, пока Бухло не рухнул как подкошенный, наполовину на тротуар, наполовину в придорожную канаву. Но требовалось нечто большее, чем удар головой в борт старого автофургона, чтобы убить Сэма Вердро. Или чтобы заткнуть ему рот. Он вскрикнул. Потом начал плакать. Поднялся на колени. Кровь лилась на лицо из рваной раны на голове. Он вытер какую-то ее часть, изумленно посмотрел на руку, вытянул ее перед собой. Кровь капала с пальцев.

Движение по тротуару прекратилось полностью, словно кто-то объявил о начале игры «Замри». Пешеходы, раскрыв глаза, смотрели на коленопреклоненного мужчину, держащего в руке пригоршню крови.

– *Я подам в суд на весь этот гребаный город за жестокость полицейских!* – провопил Сэм. – *И Я ВЫИГРАЮ!*

Фредди спустился со ступенек, ведущих в магазин, встал рядом с Младшим.

Тот развернулся к Дентону:

– Давайте же, говорите.

– Говорить что?

– Что я зашел слишком далеко.

– Черта с два! Ты же слышал, что сказал Пит: ни перед кем не прогибаться. Напарник, мы так и поступаем.

Напарник! От радости сердце Младшего чуть не выпрыгнуло из груди.

– Вы не можете выбрасывать меня из магазина, когда у меня есть деньги! – бушевал Сэм. – Вы не можете меня бить! Я – американский гражданин! Я еще увижу вас в суде!

– Удачи тебе в этом, – усмехнулся Фредди. – Суд в Касл-Роке, и, насколько мне известно, дорога туда закрыта. Он рывком поднял старика на ноги. Из носа Сэма тоже шла кровь, и на футболке нарисовалось красное пятно. Фредди завел ему руку за спину, снял с ремня пластиковые наручники (*Надо заполучить такие*, восхищенно подумал Младший), мгновением позже защелкнул их на запястьях Сэма.

Оглядел свидетелей, стоявших на тротуаре и сгрудившихся у двери магазина «Бензин и бакалея».

– Этот человек арестован за нарушение общественного порядка, за вмешательство в действия сотрудников полиции и за попытку нападения на них! – объявил он трубным голосом, который Младший помнил по футбольным играм. Доносящийся с трибун, голос этот всегда его раздражал. Теперь он с наслаждением внимал ему.

Наверное, взрослою, подумал Младший.

– Он также арестован за нарушение запрета на продажу спиртного, введенного чифом Рэндолфом. Взгляните на него! – Фредди потрянул Сэма. Капли крови летели во все стороны с лица и грязных волос старика. – У нас кризисная ситуация, но в городе новый шериф, и он намерен удержать ее под контролем. Привыкайте к этому, сживайтесь с этим, учитесь вести себя соответственно. Таков мой совет. Следуйте ему, и у вас не возникнет никаких проблем. А попытаетесь возражать, тогда... – Он указал на руки Сэма, сцепленные наручниками у него за спиной.

Два или три человека зааплодировали. Для Ренни-младшего звуки эти стали глотком холодной воды в жаркий день. А потом, когда Фредди повел окровавленного старика по улице, Младший почувствовал на себе чей-то взгляд. Физически почувствовал, словно чьи-то пальцы забарабанили по его шее и затылку. Он повернулся и увидел Дейла Барбару. Стоящего рядом с издателем газеты и сверлящего его холод-

ным взглядом. Барбару, от которого ему крепко досталось на парковке. От которого крепко досталось всем троим, прежде чем численное превосходство дало о себе знать и склонило чашу весов в их пользу.

Благостные мысли Младшего начали уходить. Он буквально чувствовал, как они вылетают из головы, словно птицы. Или летучие мыши с колокольни.

– Что ты здесь делаешь? – спросил он.

– У меня есть вопрос получше, – ответила ему Джулия Шамуэй, губы которой кривила ее знаменитая улыбка. – Что делаешь ты, избивая человека, который весит в четыре раза меньше тебя и в три раза старше?

Младший не нашелся с ответом. Почувствовал, как кровь прилила к лицу, чтобы выплеснуться румянцем на щеках. Внезапно он увидел эту суку из газеты в кладовой дома Маккейнов, в компании Энджи и Доди. И Барбары тоже. Может, лежащего на этой суке из газеты, словно занимаясь с ней гимнастикой под одеялом.

Фредди пришел на помощь Младшему. Заговорил спокойно. С каменным лицом копа, знающего, что почем.

– Все вопросы о действиях полиции следует задавать нашему новому чифу. А пока вам неплохо бы помнить, что на какое-то время жители города предоставлены сами себе. Иногда, если люди предоставлены сами себе, приходится преподавать им урок.

– Иногда, если люди предоставлены сами себе, они совер-

шают поступки, о которых потом сожалеют, — ответила Джулия. — Обычно, когда начинается расследование.

Уголки рта Фредди опустились. Он повел Сэма по тротуару.

Младший задержал взгляд на Барбаре.

— Думай, что говоришь, когда я рядом. И что делаешь. — Он прикоснулся к сверкающему новенькому жетону. — Перкинс мертв, и теперь я — закон.

— Младший, ты неважно выглядишь, — произнес в ответ Барбара. — Не заболел?

Младший посмотрел на него широко открытыми глазами. Потом повернулся и зашагал вслед за напарником. Сжав кулаки.

В периоды кризиса люди пытаются держаться за то, что им близко и знакомо, чтобы найти в этом успокоение. Вышесказанное справедливо и для религии, и для семьи. В это утро верующих Честерс-Милла не ждали сюрпризы; в Конго Пайпер Либби вселяла надежду, в Христе Святом Искупителе Лестер Коггинс грозил адским огнем. В обе церкви народу набилось под завязку.

Пайпер построила проповедь на Евангелии от Иоанна: *Заповедь новую даю Я вам, да любите друг друга; как Я возлюбил вас, так и вы любите друг друга.* Она сказала тем, кто заполнил скамьи Конго, что молитва важна в период кризиса – утешение молитвы, сила молитвы, – но не менее важно помогать друг другу, полагаться друг на друга и любить друг друга.

– Господь испытывает нас тем, чего мы не понимаем. Иногда болезнью. Иногда неожиданной смертью близкого. – Она сочувственно посмотрела на Бренду Перкинс, которая сидела, склонив голову и сцепив руки на коленях, прикрытых черным платьем. – А теперь это какой-то необъяснимый барьер, который отрезал нас от остального мира. Мы не понимаем, что это, но мы также не понимаем болезнь, боль или смерть хороших людей. Мы спрашиваем Бога – почему? И в Ветхом Завете есть ответ, который он дал Иову: «Ты был

здесь, когда Я создал этот мир?» В Новом – и более светлом – Завете это ответ, который Иисус дал своим ученикам: «Любите друг друга, как Я возлюбил вас». Вот что мы должны делать сегодня и каждый день, пока не исчезнет этот барьер: любить друг друга. Помогать друг другу. И ждать, пока испытание закончится, как всегда заканчиваются испытания Божьи.

Лестер Коггинс взял цитату из Книги Чисел (части Библии, не славящейся оптимизмом): *Если вы не сделаете так, то согрешите перед Господом, и испытаете наказание за грех ваш, которое постигнет вас.*

Как Пайпер, Лестер упомянул концепцию испытания – церковный хит во всех случаях полной мутни в истории – но основную мысль своей проповеди связал с болезнетворностью греха. С тем, как Бог борется с болезнями, выдавливая их Своими Пальцами, точно так же, как человек выдавливает причиняющий беспокойство прыщ, пока гной не выходит, будто святой «Колгейт».

Даже при ярком свете этого прекрасного октябрьского утра Лестера по-прежнему не отпускала мысль, что город наказывается за его грех, а потому проповедь звучала на диво красноречиво и убедительно. У многих на глаза навернулись слезы, а крики «Да, Господи!» слышались по всей церкви. Если Лестера охватывало такое вдохновение, иной раз его посещали новые идеи, даже во время проповеди. Такое случилось с ним и в то утро, и он озвучил свое озарение тут же,

не взяв паузу на обдумывание. Не требовалась ему пауза на обдумывание. Некоторые мысли являлись ему слишком яркими, слишком сверкающими, чтобы противоречить истине.

– Этим днем я собираюсь пойти туда, где Сто девятнадцатое шоссе ударяется в таинственные врата Господа.

– *Да, Иисус!* – воскликнула плачущая женщина. Другие захлопали и приветственно вскинули руки.

– Полагаю, в два часа. Я собираюсь упасть на колени на том пастбище, да, и вознести молитву Богу с просьбой убрать это препятствие.

На этот раз крики *Да, Господь! Да, Иисус!* и *Бог это знает!* прозвучали еще громче.

– Но сначала... – Лестер поднял руку, которой в темноте ночи бичевал голую спину. – Сначала я хочу помолиться о *грехе*, который привел к такой *боли*, и к такой *печали*, и к такой *беде*! Если я приду один, Бог, возможно, не услышит меня. Если я приду с двумя, тремя и даже с пятью, Бог, возможно, *все равно* не услышит меня. Вы можете мне помочь.

Они могли. Они помогут. Все они теперь держались за руки, раскачивались из стороны в сторону, одержимые желанием помочь Лестеру донести его слово до Бога.

– Но если *вы все* придете туда... если мы помолимся, встав в круг на Божьей траве, под Божьим синим небом... на глазах у солдат, которые, говорят, охраняют творение праведной руки Божьей... Если *вы все* придете туда, если *мы все* помолимся вместе, тогда, возможно, мы сможем добраться

до корня этого греха, сможем вытащить его на свет божий, чтобы он умер, и сотворить чудо во имя Господа нашего! ***ВЫ ПРИДЕТЕ? ВЫ ПРЕКЛОНИТЕ КОЛЕНИ ВМЕСТЕ СО МНОЙ?***

Разумеется, они пообещали прийти. Разумеется, они пообещали преклонить колени. Людям нравится встречаться, чтобы вознести молитву Богу и в хорошие времена, и в плохие. И когда оркестр заиграл «Что предопределяет мой Бог, то правильно» (в тональности си, Лестер – соло-гитара), они запели так, что едва не снесли крышу.

На проповеди присутствовал и Джим Ренни; он помог для акции Лестера организовать автомобильный пул.

ДОЛОЙ СЕКРЕТНОСТЬ!

ОСВОБОДИТЕ ЧЕСТЕРС-МИЛЛ!

ВЫХОДИТЕ НА ДЕМОНСТРАЦИЮ!!!

ГДЕ? На пастбище молочной фермы Динсмора на шоссе номер 119 (Чтобы посмотреть на СГОРЕВШИЙ ЛЕСОВОЗ и ВОЕННЫХ АГЕНТОВ УГНЕТЕНИЯ)!

КОГДА? 14.00 по ВВУ (Восточному времени угнетения)!

КТО? ТЫ сам и каждый друг, которого ты сможешь привести! Скажи им, **МЫ ХОТИМ РАССКАЗАТЬ НАШУ ИСТОРИЮ ПРЕССЕ!** Скажи им, **МЫ ХОТИМ ЗНАТЬ, КТО СДЕЛАЛ ЭТО С НАМИ! И ПОЧЕМУ!**

Прежде всего скажи им, что **МЫ ХОТИМ ВЫЙТИ!**

**Это НАШ ГОРОД! Мы
должны за него бороться!**

МЫ ДОЛЖНЫ ВЕРНУТЬ ЕГО!

Какие-то плакаты будут, но принесите свои (и помните, ругань приводит к обратному результату).

ПОБОРЕМСЯ С ВЛАСТЬЮ!

ПРИЖМЕМ ГОСУДАРСТВО!

Комитет освобождения Честерс-Милла

Если бы в городе нашелся хоть один человек, который придерживался нищенского принципа: «Что не убивает – делает нас сильнее», – то речь могла идти только о Ромео Берпи, энергичном и жуликоватом, ходящем с коком Элвиса и в остроконечных туфлях. Имя он получил стараниями романтической франко-американской матери, фамилию – от сурового янки-отца, экономного до безобразия. Ромео пережил детство безжалостных насмешек – иной раз и побоев, – чтобы стать самым богатым человеком в городе. (Пожалуй... нет. Большой Джим был самым богатым человеком города, но большую часть своего богатства ему приходилось скрывать.) Ромми принадлежал самый большой и прибыльный независимый универсальный магазин штата. В восьмидесятых годах потенциальные кредиторы твердили ему: полнейшее безумие – указывать в названии такую некрасивую фамилию, как Берпи. Ромми возражал, что эта фамилия несколько ему не повредит, раз «семена Берпи» дают буйные всходы. И теперь самым ходовым летним товаром в его магазине были футболки с надписью «ВЫПЬЕМ “СЛЕРПИ”⁵⁸ В “БЕРПИ”». Позор вам, лишенные воображения банкиры!

Он добился успеха по большому счету потому, что хватался за любой шанс обогатиться. В то воскресенье – около

---

⁵⁸ «Слерпи» – детский фруктовый напиток.

десяти утра, вскоре после того, как Сэма Бухло отвели в ку-тузку, – у Берпи появился очередной такой шанс. Они всегда появлялись, если не хлопать ушами.

Ромео наблюдал за подростками, расклеивающими пла-каты, скомпонованные на компьютере и выглядевшие очень профессионально. Подростки – в большинстве на велосипе-дах, парочка на скейтбордах – работали добросовестно, об-клеивая всю Главную улицу. Протестная демонстрация на 119-м. Ромео задался вопросом, чья это идея.

Он остановил одного подростка и спросил.

– Идея моя, – ответил Джо Макклэтчи.

– Не заливаешь?

– Не заливаю, будьте уверены.

Ромми дал подростку пятерку, игнорируя его протесты, просто глубоко затолкал в задний карман джинсов. За та-кую информацию стоило и заплатить. Ромми подумал, что на задуманную подростком демонстрацию люди придут. Им не терпелось выразить страх, раздражение, праведный гнев.

Вскоре после разговора с Пугалом Джо Ромео услышал, как люди говорят о молитвенном митинге, который собрался провести пастор Коггинс. В то самое богоугодное время, в том самом богоугодном месте.

Конечно же, знак свыше. Указывающий, что *есть воз-можность кое-что продать*.

Ромео вошел в магазин; торговля шла вяло. В это воскре-сенье люди шли за покупками в «Мир еды» или в «Бензин и

бакалею». И в малом количестве. В большинстве своем или отправлялись в церковь, или сидели дома, смотрели новости. Тоби Мэннинг, находясь за кассовым аппаратом, не отрывал глаз от экрана портативного, на батарейках, телевизора, настроенного на канал Си-эн-эн.

– Выключай эту крякалку и закрой кассовый аппарат.

– Правда, мистер Берпи?

– Да. Вытащи из кладовой большой тент. Пусть Лили поможет тебе.

– Тент для «Последней летней чумовой распродажи»?

– Именно. Мы должны поставить его на пастбище, где рухнул самолет Чака Томпсона.

– На поле Олдена Динсмора? А если он попросит денег за его использование?

– Тогда мы ему заплатим. – Ромео уже провел прикидочные расчеты. Его универмаг продавал все, в том числе и продукты со скидкой, и на текущий момент в морозильнике лежало порядка тысячи упаковок сосисок «Хэппи бой». Он купил их в штаб-квартире компании «Хэппи бой» в Род-Айленде (компания уже приказала долго жить – в ее продукции обнаружился какой-то микроб, слава Богу, не *E. coli*⁵⁹), собираясь продать туристам и местным жителям, планирующим пикники на Четвертое июля. Продажи не оправдали его ожиданий из-за чертовой рецессии, но Ромми упрямо держался за эти сосиски, как обезьяна – за орех. И теперь, воз-

---

⁵⁹ *E. coli* – опасная кишечная палочка.

можно...

Подавать их надо на маленьких садовых палочках с Тай-ваня, думал он. Их у меня еще миллион. И назвать как-нибудь вычурно, что-то вроде «Сосиска-вертолет». Еще у него на складе лежали сто коробок порошка для приготовления лимонада «Ямми-Тамми», тоже приобретенных со скидкой, но не продававшихся.

– И надо будет взять все жаровни «Синий носорог». – Теперь его мозги щелкали, как костяшки на счетах, и Ромео это очень нравилось.

Тони тоже начал оживать.

– Что вы задумали, мистер Берпи?

Ромми продолжил инвентаризацию всего того, что намеревался списать в убытки. Детские вертушки на палочке... бенгальские огни, оставшиеся после Четвертого июля... задохшие леденцы, которые он приберегал для Хэллоуина...

– Тоби, – он повернулся к своему кассиру, – мы собираемся устроить самый большой пикник, который только видел этот город. Пошевеливайся. Нам нужно многое успеть.

Расти сопровождал доктора Хаскела на больничном обходе, когда затрещала рация, которую, по настоянию Линды, он держал в кармане.

Ее голос доносился издалека, но звучал четко:

– Расти, я все-таки должна пойти на службу. Рэндолф говорит, что сегодня днем весь город соберется на Сто девятнадцатом у барьера... кто-то на молитвенный митинг, кто-то на демонстрацию. Ромео Берпи собирается поставить тент и продавать хот-доги, так что вечером жди притока больных с пищевыми отравлениями.

Расти застонал.

– Мне придется отвести девочек к Марте. – Голос Линды звучал виновато и встревоженно. Ей не хотелось уходить от детей, но другого выхода она не видела. – Я объясню Марте, что произошло с Джанни.

– Хорошо. – Расти знал, что Линда останется дома, если он ей скажет... и добьется лишь того, что она снова начнет волноваться. Именно в тот момент, когда тревога медленно сходит на нет. А если у Купола соберется толпа, Линда действительно может помочь.

– Спасибо, – услышал он. – Спасибо за понимание.

– Только отправь с девочками и Одри. Ты помнишь, что сказал Хаскел.

Доктор Рон Хаскел – Великий и Ужасный Волшебник Оз – в то утро высоко поднялся в глазах Эвереттов. В глазах Расти поднялся высоко с момента возникновения кризиса. Он такого не ожидал, но оценил по достоинству. А по мешкам под глазами и опустившимся уголкам рта видел, что доктору Хаскелу приходится платить сейчас высокую цену. По возрасту Волшебник уже не годился для медицинских кризисов. Ему бы спать и спать в комнате отдыха на третьем этаже. Но помимо Джинни Томлинсон и Твитча, только Расти и Волшебник могли держать оборону. Честерс-Миллу не повезло и в том, что Купол свалился на него в самом начале погожего уик-энда, когда все медики, которые могли уехать из города, это сделали.

Хаскел, пусть его возраст и приближался к семидесяти, оставался в больнице до одиннадцати вечера, когда Расти практически вытолкнул его за дверь, и вернулся к семи утра, до того как Расти и Линда привезли дочерей, захватив с собой и Одри, причем собака в больнице повела себя очень спокойно. Джуди и Джанель шагали по обе стороны большого золотистого ретривера, держась за шерсть для поддержания духа. Джанель выглядела испуганной до смерти.

– Почему собака? – спросил Хаскел, кивнул после того, как Расти ввел его в курс дела, и повернулся к Джанель: – Давай разбираться с тобой, цыпленок.

– Будет больно? – Джанель не ожидала ничего хорошего.

– Нет, конечно, и я дам тебе конфетку после того, как за-

гляну в твои глаза.

По завершении осмотра взрослые оставили девочек и собаку в комнате, а сами вышли в коридор. Доктор Хаскел ссутулился, его волосы за ночь, казалось, еще поседели.

– Твой диагноз, Расти? – спросил Хаскел.

– Малый эпилептический припадок. Я думал: причина в волнении и тревоге, но Одри подвывала уже не один месяц.

– Правильно. Мы начнем с заронтина. Ты согласен?

– Да. – Расти тронул вопрос старого доктора. Он начал сожалеть о многих своих словах и мыслях касательно Хаскела.

– И держим собаку при ней, так?

– Точно.

– С ней все будет в порядке, Рон? – спросила Линда. Тогда она еще не собиралась на работу, хотела провести день с девочками.

– Она и сейчас в полном порядке, – ответил Хаскел. – Многие дети страдают малыми эпилептическими припадками. У большинства такое случается раз или два. У других чаще, в течение нескольких лет, но потом припадки исчезают. Крайне редко остаются последствия.

На лице Линды отразилось облегчение. Расти надеялся, что ей никогда не придется узнать другое, о чем Хаскел умолчал: вместо того чтобы найти выход из неврологического кустарника, некоторые несчастливые дети забредали в густой лес, к генерализованным припадкам. А такие припадки могли причинить вред. Они могли убить.

И теперь, когда утренний обход (только полдесятка пациентов, одна новая мама, родившая без осложнений) подходил к концу и Расти надеялся выпить чашку кофе перед тем, как пойти в Центр здоровья, этот звонок от Линды.

– Я уверена, Марта возьмет и Одри.

– Хорошо. Ты получишь рацию в полиции, когда заступишь на смену, так?

– Да, конечно.

– Тогда отдай свою личную рацию Марте. Договорись о канале связи. Если что-то случится с Джанель, я сразу прибегу.

– Хорошо. Спасибо, милый. А может, ты выберешься во второй половине дня на Сто девятнадцатое?

Расти обдумывал вопрос, когда увидел Дуги Твитчела, идущего по коридору. За ухом торчала сигарета, как обычно, он шагал с таким видом, будто плевать на все хотел, но Расти заметил тревогу в его глазах.

– Возможно, смогу вырваться на часок. Но не обещаю.

– Понимаю. Но мне так хочется увидеть тебя.

– А мне тебя. Будь осторожна. И предупреди народ, что есть хот-доги опасно. Берпи, возможно, держал их в морозилке десять тысяч лет.

– Это ты про его стейки из мамонятины? Конец связи, милый. Буду тебя ждать.

Расти засунул рацию в карман белого халата и повернулся к Твитчу:

– Что случилось? И убери сигарету из-за уха. Это больница.

Твитч вытащил сигарету, посмотрел на нее:

– Я собирался выкурить ее на улице, у склада.

– Не самая лучшая идея, – покачал головой Расти. – Там хранятся запасы пропана.

– С этим я к тебе и пришел. Большинство контейнеров нет.

– Бред какой-то. Они же огромные. Не могу вспомнить, сколько пропана в каждом, наверное, галлонов восемьсот.

– И что ты хочешь этим сказать? Я забыл заглянуть за дверь?

Расти принялся растирать виски:

– Если у них – кем бы они ни были – уйдет больше трех или четырех дней на снятие этого силового поля, нам потребуется много сжиженного газа.

– Скажи мне что-нибудь такое, чего я не знаю. По описи, что висит на двери, на складе должно быть семь контейнеров, а их только два. – Он сунул сигарету в карман белого халата. – Я проверил второй склад, чтобы убедиться, что контейнеры не переставили туда...

– Зачем это кому-то делать?

– Не знаю, о Великий. В любом случае в другом складе лежит все самое необходимое для больницы: всякое садовое дерьмо. Все инструменты, внесенные в опись на месте, за исключением гребучего опрыскивателя.

Опрыскиватель Расти не волновал, в отличие от пропана.

– Ладно, если припрет, добудем что-нибудь из городских запасов.

– Тогда тебе придется сцепиться с Ренни.

– «Кэтрин Рассел» – единственное место, куда он может обратиться, если у него прихватит сердце. Поэтому сомневаюсь, что Ренни решится на конфликт со мной. Слушай, смогу я вырваться на часок во второй половине дня?

– Это решать Волшебнику. Он сейчас главный.

– Где он?

– Спит в комнате отдыха. Храпит безумно. Хочешь его разбудить?

– Нет, пусть спит. И я больше не собираюсь звать его Волшебником. С учетом того, как Хаскел работал после появления этой хрени, думаю, он такого имени не заслуживает.

– Как скажешь, сэнсэй. Ты вышел на новый уровень просветления.

– Отвали, кузнечик, – фыркнул Расти.

Теперь посмотрите сюда; посмотрите очень внимательно.

Два сорок пополудни еще одного великолепного осеннего дня в Честерс-Милле. Если бы прессу не держали в отдалении, репортеры попали бы на фотографические небеса. И не только потому, что пламенеют деревья. Большинство жителей оказавшегося в заточении города собрались на пастбище Олдена Динсмора. Олден заключил с Ромми Берпи сделку по аренде куска площади: шестьсот долларов. Оба счастливы: фермер – потому, что сумел раскрутить бизнесмена на приличную сумму, ведь изначально тот предлагал двести долларов; Берпи – потому, что, если б его прижали, согласился бы отдать и тысячу.

С протестующих и восславляющих Иисуса Олден не собрал ни цента. Но это не означало, что они не принесли дохода; фермер Динсмор родился ночью, но отнюдь не предыдущей. Узнав о грядущих событиях, он превратил в автостоянку большой участок пастбища к северу от того места, куда днем раньше упали обломки самолета Чака Томпсона, и расставил на стратегически важных позициях жену (Шелли), старшего сына (Олли; вы помните Олли) и наемного рабочего (Мануэля Ортегу, не янки и не обладателя зеленой карты, но умеющего произнести «ага» не хуже других). Олден брал с каждого автомобиля по пять долларов, целое состо-

ание для владельца мелкой молочной фермы, которому последние два года удавалось лишь каким-то чудом выцарапывать ее из загребущих рук Кейхоул-банка. Некоторые ворчали из-за высокой цены, но немногие – ведь за парковку на Фрайбургской ярмарке приходилось платить больше, да и выбора у них не было, если не хочешь оставить автомобиль на одной из обочин, уже заставленных машинами, а потом полмили идти до центра событий.

И какое странное и многообразное предлагалось зрелище! Цирк на три арены, и во всех звездных ролях – обыкновенные жители Милла.

Когда Барби прибывает с Роуз и Энсом Уилером (ресторан вновь закрылся, откроется на ужин – только холодные сэндвичи, ничего поджаренного на гриле), они смотрят на действо разинув рты. Джулия Шамуэй и Пит Фримен фотографируют. Джулия отрывается от своего занятия, чтобы подарить Барби обаятельную, но сдержанную улыбку.

– То еще шоу, что скажешь?

Барби широко улыбается:

– Да уж.

На первой арене этого цирка выступают горожане, откликнувшиеся на постеры, которые развесили Пугало Джо и его команда. Протестующих оказалось немало, почти две сотни, и шестьдесят плакатов, которые заготовили подростки (самый популярный: ВЫПУСТИТЕ НАС, ЧЕРТ ПОБЕДИ!), моментально разошлись по рукам. К счастью, мно-

гие люди принесли свои плакаты. Джо ставит выше других плакат с прутьями тюремной решетки поверх карты Честерс-Милла. Лисса Джеймисон не просто держит его в руках, но агрессивно вскидывает и опускает. Здесь и Джек Эванс, бледный и мрачный. Его плакат – коллаж из фотографий женщины, которая днем раньше истекла кровью. КТО УБИЛ МОЮ ЖЕНУ? – кричит плакат. Пугало Джо жалеет Джека... но плакат завораживает! Для прессы так вообще радости полные штаны.

Джо организовал из протестующих большой круг, который вращается перед Куполом. Сам Купол со стороны Честерс-Милла очерчен цепочкойдохлых птиц (со стороны Моттона солдаты тушки подобрали). Круг позволяет всем людям Джо – так он о них думает – продемонстрировать свой плакат часовым, которые непоколебимо (и как же это раздражает!) стоят спиной к городу. Джо также раздал отпечатанные речевки. Он написал их с Норри Кэлверт, скейт-идолом Бенни Дрейка. Не говоря уж о том, что на своем «блинце» она гоняет на полной скорости, речевки Норри сочиняет простые, но емкие. Одна – *Ха-ха-ха! Хи-хи-хи! Честерс-Милл к свободе лети!..* Другая – *Это сделали вы! Это сделали вы! Признавайтесь теперь, это сделали вы!..* Но пусть и с неохотой, Джо наложил вето на еще один шедевр Норри: *Кончайте врать выдумки ради, пустите нас к прессе, сучьи бляди!..* «Мы должны соблюдать политкорректность», – объяснил он ей. Гадая при этом, не слишком ли

молода Норри Кэлверт для поцелуев. И поработает ли она язычком, если он ее поцелует. Джо никогда не целовался с девушкой, но, если уж им суждено умереть, как голодающим насекомым, накрытым пластмассовой чашей, ему, наверное, стоит попробовать, пока еще есть время.

На второй арене располагается молельный круг пастора Коггинса. Там действительно обращались к Богу. И, подав прекрасный пример церковного перемирия, к хору Святого Искупителя присоединились с десятков мужчин и женщин из хора Конго. Они поют: «Могучая твердыня – наш Бог», – и немало горожан, которые не посещают церковь Святого Искупителя, но знают слова, им подпевают. Голоса поднимаются к безоблачному синему небу вместе с пронзительными призывами Лестера. Молельный круг поддерживает их криками *Аминь!* и *Аллилуйя!*, которые в нужные моменты вплетаются в пение и выскальзывают из него (хотя до полной гармонии, само собой, далеко), и продолжает расширяться по мере того, как другие горожане присоединяются к нему и падают на колени. Плакаты они временно откладывают в сторону, чтобы, взявшись за руки, вместе поднимать их в молитве. Солдаты повернулись к ним спиной; возможно, что Бог – нет.

Но центральная арена этого цирка – самая большая и самая безбашенная. Ромео Берпи поставил тент для «Последней летней чумовой распродажи» достаточно далеко от Купола и в шестидесяти футах к востоку от молельного круга,

выбрав место с учетом направления легкого ветерка. Он хочет, чтобы дымок, поднимающийся над рядом переносных грилей, щекотал ноздри и тем, кто протестует, и тем, кто молится. Его лепта в религиозную составляющую этого дня – указание Тоби Мэннингу выключить проигрыватель, из которого на предельной громкости льется песня Джеймса Макмертри о жизни в маленьком городке. Она не сочетается с «Как велик Ты» и «Разве ты не идешь к Иисусу?». А вот торговля идет отлично и пойдет только лучше. Ромео в этом уверен. От хот-догов – оттаивающих в процессе жарки – потом, возможно, у кого-то прихватит живот, но под теплым послеполуденным солнышком пахнут они идеально, как на окружной ярмарке, а не во время обеда в тюрьме.

Дети бегают вокруг, размахивая вертушками на палочке и угрожая поджечь сено Динсмора бенгальскими огнями, оставшимися от Четвертого июля. Пустые бумажные стаканчики из-под приготовленного из порошка лимонада (ужасного на вкус) или из-под наскоро сваренного кофе (еще более ужасного) валяются как попало. Позже Ромео велит Тоби Мэннингу заплатить какому-нибудь мальчишке, может, одному из сыновей Динсмора, десять баксов, чтобы тот собрал мусор. Это очень важно – уважение к городу, в котором живешь. Но пока внимание Ромео полностью сосредоточено на временном кассовом аппарате, роль которого выполняет картонная коробка из-под туалетной бумаги «Шарман». Он берет зелененькие и возвращает сдачу серебром: так в

Америке всегда делается бизнес, сладенькие. Хот-дог стоит у него четыре бакса, и чтоб Берпи провалиться на этом самом месте, если люди не платят такие деньги. По его расчетам, к закату в коробке будет лежать как минимум три «штуки», а то и гораздо больше.

И посмотрите! Это же Расти Эверетт! Сумел-таки вырваться из Центра здоровья! Молодец! Теперь он даже жалеет, что не заехал за девочками. Вид такого количества людей, хорошо проводящих время, мог бы развеять их страхи... но, возможно, переизбыток эмоций Джанни ни к чему.

Он замечает Линду в тот самый момент, когда она замечает его и начинает неистово махать руками, чуть ли не подпрыгивая на месте. С волосами, забранными в тугие косички – с такой прической она практически всегда ходит на работу, – Линда выглядит, как девушка из школьной группы поддержки спортивной команды. Она стоит рядом с сестрой Твитча Роуз и молодым мужчиной, который работает в ресторане поваром блюд быстрого приготовления. Расти удивлен – он думал, что Барбара покинул город. У того возникли трения с Большим Джимом Ренни, как слышал Расти, из-за потасовки у бара. Сам Расти не работал в тот день, когда ее участники заглянули в Центр здоровья, чтобы их там подлатили. А вообще ему частенько приходилось штопать посетителей «Дипперса».

Он обнимает жену, целует ее в губы, потом Роуз в щечку. Пожимает руку повару, их знакомят.

– Посмотрите на эти хот-доги, – стонет Расти. – Господи!

– Да уж, вам пора готовить судна, док, – кивает Барби, и все смеются. Это удивительно – смех в такой ситуации, но смеются не только они... и, святой Боже, почему нет? Если вы не можете смеяться, когда все плохо – смеяться и устраивать небольшой праздник, – тогда вам лучше умереть или желать себе смерти.

– Так забавно, – говорит Роуз, не подозревая, как скоро забава эта оборвется.

Мимо проплывает фрисби. Роуз выхватывает его из воздуха и бросает Бенни Дрейку. Тот подпрыгивает, чтобы поймать его, потом поворачивается, чтобы бросить Норри Кэлверт. Та ловит фрисби за спиной – выпендривается.

Молельный круг молится. Сводный хор, спевшись по полной программе, переходит к признанному лидеру хит-парадов всех времен и народов – церковной песне «Вперед, Христово воинство».

Девочка не старше Джуди пробегает мимо молящихся, юбка обвивает пухлые коленки, в одной руке бенгальский огонь, в другой – бумажный стаканчик с этим отвратительным лимонадом.

Протестующие ходят по расширяющемуся кругу, скандируя: «Ха-ха-ха! Хи-хи-хи! Честерс-Милл к свободе лети!»

Пушистые облака с темными брюшками наплывают со стороны Моттона... и разделяются, приблизившись к солдатам и огибая Купол с двух сторон. Небо над головами остается

ся безоблачным, безупречно синим. На поле Динсмора есть люди, которые следят за этими облаками и гадают: когда же теперь над Честерс-Миллом прольется дождь, но вслух никто ничего не говорит.

– Интересно, будем ли мы все еще развлекаться в следующее воскресенье, – размышляет вслух Барби.

Линда Эверетт смотрит на него. Дружелюбия во взгляде нет.

– Вы же не думаете, что и через неделю...

Роуз прерывает ее:

– Посмотрите туда. Ох, зря мальчишка так быстро едет... он же перевернется. Терпеть не могу эти квадроциклы.

Они смотрят на маленький вездеход с четырьмя огромными колесами, наблюдают, как он по диагонали пересекает поле. Направляется не к ним, но определенно к Куполу. На очень большой скорости. Солдаты слышат приближающийся рев двигателя, некоторые наконец поворачиваются.

– Господи, не дай ему врезаться! – стонет Линда Эверетт.

Рори Динсмор не врезается в Купол. Лучше б врезался.

Идея – что простуда. Рано или поздно кто-нибудь обязательно ее подхватит. Эту Объединенный комитет начальников штабов уже подхватил; ее обсасывали на нескольких заседаниях, на которых присутствовал прежний босс Барби, полковник Джеймс Оу Кокс. Эта идея не могла не осенить и кого-то из жителей Милла, и, наверное, не стоило удивляться, что им стал Рори Динсмор, который умом намного превосходил всех Динсморов («Я не знаю, откуда у него такое», – сказала Шелли Динсмор, когда Рори принес домой первый табель с круглыми пятерками... и в голосе звучала скорее тревога, чем гордость). Если б Рори жил в городе – или если бы у него был компьютер, но увы, – то, несомненно, вошел бы в компанию Джо Макклэтчи по прозвищу Пугало.

Рори запретили посещение ярмарки/молитвенного митинга/демонстрации; вместо того чтобы есть сомнительные хот-доги или помогать парковать автомобили, отец велел ему остаться дома и накормить коров. А после этого смазать соски каждой бальзамом, чего Рори терпеть не мог. «Когда же соски будут чистыми и блестящими, – добавил отец, – ты можешь подмести коровники и уложить тюки сена».

Его наказали за то, что вчера, хотя отец однозначно это запретил, он близко подошел к Куполу. И даже, прости Господи, *постучал* по нему. Обращение к матери (обычно это

срабатывало) в данном случае результата не принесло.

– Ты мог погибнуть, – ответила ему Шелли. – Кроме того, отец говорил, что ты сболтнул лишнего.

– Только назвал им фамилию повара, – запротестовал Рори и за это схлопотал от отца очередной подзатыльник.

Олли наблюдал за происходящим с самодовольной улыбкой, говорившей о том, что решение родителей он одобряет.

– Ты слишком умен, – сказал Рори отец. – Это тебе только во вред.

Укрывшись за спиной отца, Олли показал младшему брату язык. Шелли, однако, это увидела... и теперь подзатыльник, уже от нее, получил Олли. Но она не лишила того удовольствий и шумихи ярмарки, спонтанно возникшей на их поле.

– И не вздумай прикасаться к этой самоходной телеге. – Олден указал на квадроцикл, стоявший между коровниками номер один и номер два. – Если тебе понадобится перенести сено, тащи на себе. Нарастись мышцы.

Вскоре после этого туповатые Динсморы отбыли, направившись через поле к тенту Ромео. А самого умного оставили с вилами и банкой бальзама «Бэг балм», большущей, как цветочный горшок.

Рори принялся за работу, мрачный как туча, однако делал все добросовестно. Из-за острого ума он иной раз наживал себе неприятности, но сыном был хорошим, и мысль о том, чтобы с прохладцей отнестись к порученным делам, даже не

пришла ему в голову. Поначалу в голову вообще не приходили никакие мысли. Эта пустота иногда становилась весьма плодородной почвой, из которой вырастали самые яркие сны и самые интересные идеи (как хорошие, так и особенно плохие), сначала проклевывались, а потом расцветали пышным цветом. Но всегда присутствовала цепочка ассоциаций.

Когда Рори начал подметать центральный проход коровника номер один (ненавистную смазку вымени он оставил на потом, решив, что сделает это в самую последнюю очередь), до его ушей донеслось «поп-пах-пом». Так могли звучать только взрывающиеся шутихи. Грохот этот отдаленно напоминал выстрелы. Рори подумал об отцовском карабине, «винчестере», который стоял в стенном шкафу в прихожей. Мальчикам строго-настрого запрещалось прикасаться к нему без присмотра отца – они стреляли из «винчестера» по мишеням или в охотничий сезон, – но стенной шкаф не запирался, а патроны лежали на верхней полке.

Тут и сверкнула та самая идея. Рори подумал: *Я смогу пробить дырку в этой штуковине. Может, взорву ее.* И перед его мысленным взором появился яркий и четкий образ: спичка, поднесенная к надутому воздушному шарiku.

Он выронил щетку и побежал к дому. Как и многие умные люди (особенно умные дети), он руководствовался озарением, а не расчетом. Если бы такая идея (что вряд ли) пришла в голову его старшему брату, Олли подумал бы: *Раз уж самолет не смог прошибить барьер или лесовоз, мчащийся на*

полной скорости, неужели это по силам пуле? Он мог даже взглянуть на ситуацию с иного угла: Меня уже наказали за непослушание, а это непослушание равносильно прежнему, возведенному в девятую степень.

Но... нет, Олли до такого бы не додумался. Математические способности Олли давали слабину на простом умножении.

Рори, с другой стороны, уже решал алгебраические задачи на уровне колледжа и не испытывал никаких сложностей. Если бы его спросили, как пуля сможет добиться того, что оказалось не по зубам лесовозу и самолету, он бы ответил, что ударное воздействие пули «Винчестер-элит-ХРЗ»⁶⁰ будет куда как выше. И логика в этом была. Во-первых, пуля движется с большей скоростью. Во-вторых, ударное воздействие концентрируется в наконечнике пули, весящей 180 гранов⁶¹. Рори не сомневался, что это сработает. Воспринимал сие, как изящное алгебраическое уравнение.

Рори видел свою улыбающуюся (но скромную) физиономию на первой странице «Ю-эс-эй тудэй»; видел, как у него берет интервью Брайан Уильямс из «Вечерних новостей»; видел себя сидящим на украшенной цветами платформе во время парада, устроенного в его честь, в окружении участниц конкурса красоты (или в платьях, не закрывающих плечи, или вообще в купальниках): он приветственно машет

---

⁶⁰ Разрывная пуля с пластиковым наконечником, совсем не бронебойная.

⁶¹ 1 гран = 0,0648 г; соответственно 180 гранов = 11,664 г.

рукой, а воздух наполнен конфетти. Ему предстояло стать «МАЛЬЧИКОМ, КОТОРЫЙ СПАС ЧЕСТЕРС-МИЛЛ».

Он вытащил «винчестер» из шкафа, встал на табуретку, схватил коробку «ХРЗ». Вставил в казенную часть два патрона (второй – на всякий пожарный), потом выбежал из дома, держа оружие над головой, словно торжествующий повстанец (но – надо отдать ему должное – поставив «винчестер» на предохранитель, это он сделал автоматически, даже не подумав). Ключ от квадроцикла «ямаха», к которому ему запретили подходить, висел на гвоздике в коровнике номер один. Зажав брелок ключа в зубах, Рори привязал «винчестер» позади сиденья квадроцикла парой эластичных тросов. Задался вопросом: а не будет ли грохота при разрыве Купола? Может, стоило взять ушные затычки с верхней полки в стенном шкафу? Но конечно же, возвращаться за ними не стал. Ни на секунду не мог отложить задуманное.

Так случается со всеми блестящими идеями.

На квадроцикле объехал коровник номер два, сбросил скорость, чтобы оглядеть собравшуюся на пастбище толпу. Пусть и охваченный волнением, он понял, что не стоит ехать к тому месту, где Купол перекрывал шоссе (и где на Куполе остались темные пятна от столкновений с самолетом и лесовозом, похожие на потеки грязи на немытом оконном стекле). Кто-нибудь мог остановить его до того, как он разбил бы Купол. И тогда, вместо того чтобы стать «МАЛЬЧИКОМ, КОТОРЫЙ СПАС ЧЕСТЕРС-МИЛЛ», он закон-

чил бы этот день «МАЛЬЧИКОМ, КОТОРЫЙ ЦЕЛЫЙ ГОД СМАЗЫВАЛ КОРОВАМ ВЫМЯ». Да, и первую неделю ему пришлось бы проделывать это на корточках: на высеченной от души заднице он бы сидеть не смог. И все лавры от его блестящей идеи достались бы кому-то еще.

Поэтому поехал он по диагонали, чтобы добраться до Купола примерно в пятистах ярдах от тента, остановившись у ямок в сене. Ямки, Рори это знал, образовались от падения погибших птиц. Он увидел, как солдаты, охранявшие эту часть периметра, оглянулись на приближающийся рев квадроцикла. Услышал крики тревоги, донесшиеся со стороны радующейся-и-молящейся толпы. Тут же смолкло пение.

И что хуже всего, его отец замахал грязной кепкой с надписью «Джон Дир» и заорал:

– Рори, черт бы тебя подрал, остановись!

Но Рори зашел слишком далеко, чтобы остановиться, и – хороший сын или нет – не хотел останавливаться. Квадроцикл одним колесом зацепил бугорок, и Рори взлетел с сиденья, но крепко держась за руль руками и хохоча как безумный. Свою кепку с той же надписью «Джон Дир» он развернул козырьком назад, но не помнил, когда это сделал. Квадроцикл сильно накренился, потом решил выпрямиться. Рори уже почти добрался до места, и один из солдат в полевой форме тоже кричал, чтобы он остановился.

Рори тормознул «ямаху», и так резко, что едва не перелетел через руль. Он забыл поставить эту хреновину на ней-

тралку, и квадроцикл прыгнул вперед и ударился о Купол, прежде чем замереть. Рори услышал, как заскрежетал металл и зазвенели осколки вдребезги разбитой фары.

Солдаты, испугавшись, что квадроцикл их раздавит (глаз, который не видит никакой преграды, которая может остановить накатывающее транспортное средство, вызывает резкую и быструю реакцию), раздались в обе стороны. Они оставили широкую брешь в человеческом периметре и избавили Рори от необходимости просить их расступиться, чтобы никого не повредило возможным разрывом Купола. Он стремился стать героем, но не хотел, чтобы в результате кто-то погиб или получил ранение.

И Рори понимал, что надо торопиться. К тому месту, где он остановился, ближе всех находились люди на автомобильной стоянке и толпящиеся у тента «Летней чумовой распродажи». Они уже на полной скорости бежали к нему. Среди них – отец и брат, оба кричали, требуя, чтобы он не делал того, что собрался сделать.

Рори рывком освободил «винчестер» от эластичных тросов, прижал приклад к плечу, прицелился в невидимый барьер над тремя дохлыми воробьями, на высоте пяти футов.

– Нет, парень, плохая идея! – прокричал один из солдат.

Рори пропустил его слова мимо ушей, потому что знал – идея *хорошая*. Расстояние до людей, бегущих с автомобильной стоянки и от тента, значительно сократилось. Кто-то – Лестер Коггинс, который бегал гораздо лучше, чем играл на

гитаре – прокричал:

– Во имя Господа, не делай этого!

Рори нажал на спусковой крючок. Нет, только попытался нажать. «Винчестер» стоял на предохранителе. Мальчик оглянулся и увидел, как высокий священник из церкви святого-какого-то пробежал мимо его краснолицего запыхавшегося отца. Подол рубашки Лестера, выбившийся из-под ремня, трепало воздухом. Мчался проповедник с широко раскрытыми глазами. Чуть отставал от него повар из «Эглантирии». Пробежать им оставалось какие-то шестьдесят футов, и преподобный, похоже, включил пятую передачу.

Рори сдвинул рычажок предохранителя.

– Нет, мальчик, нет! – вновь прокричал солдат по другую сторону Купола, одновременно присев и раскинув руки.

Рори не обратил внимания на его слова. С блестящими идеями это обычное дело. Он выстрелил.

Выстрел, и в этом Рори не повезло, получился идеальный. Пуля полетела к Куполу перпендикулярно, отразилась от него и вернулась по той же траектории, как резиновый мячик, привязанный к нитке. Сразу Рори боли не почувствовал, но огромное полотнище ослепительно яркого света заполнило голову, когда меньший из двух фрагментов пули вышиб ему левый глаз и проник в мозг. Кровь хлынула фонтаном, потом побежала между пальцами, когда он рухнул на колени, закрыв лицо руками.

– Я ослеп! Я ослеп! – кричал мальчик, и Лестер тут же подумал о строках из Писания, на которые опустился его палец: *Поразит тебя Господь сумасшествием, слепотою и оцепенением сердца.* – Я ослеп! Я ослеп!

Лестер отвел руки мальчика и увидел красную развороченную глазницу. Остатки глаза сползли по щеке Рори. Когда тот поднял голову к Лестеру, они плюхнулись в траву.

Лестер успел лишь на мгновение прижать ребенка к груди, как подскочил отец и вырвал мальчика. Священник не возражал: все правильно, так и должно быть. Лестер согрешил и молил Бога указать ему путь. Указание он получил, ответ ему дали. Теперь он знал, как поступить с грехами, в которые завлек его Джеймс Ренни.

Ослепший ребенок указал ему путь.

Бывает и хуже

1

Последующее Расти Эверетт помнил смутно. Память с предельной ясностью запечатлела только один образ: обнаженный торс пастора Коггинса, белоснежная, как рыбе брюшко, кожа и выпирающие сквозь нее ребра.

Барби, однако – возможно, потому, что полковник Кокс вновь определил его в следователи, – видел все. Ему яснее прочего запомнился не Коггинс без рубашки, а Мелвин Сирлс, указывающий на него, Барби, пальцем, а потом склоняющий голову – значение этих телодвижений понятно любому человеку: *Мы еще не закончили, дорогуша.*

А все остальные запомнили, – и это, как ничто другое, объяснило им ситуацию, в которой оказался город, – душевраздирающие крики отца, держащего на руках раненого, истекающего кровью сына, и мать, кричащую: «С ним все в порядке, Олден?! С ним все в порядке?» – Она, женщина полная, весящая фунтов на шестьдесят больше положенного, с устрашающей энергией протискивалась к месту событий.

Барби увидел, как Расти Эверетт пробрался сквозь толпу, собравшуюся вокруг мальчика, и присоединился к двум стоящим на коленях мужчинам, Олдену и Лестеру. Олден ка-

чал сына на руках, а пастор Коггинс смотрел на мальчика, и челюсть его отвисла, как воротина, у которой отлетела одна петля. Расти упал на колени между Олденом и Лестером и попытался оторвать руки мальчика от его лица. Олден – и, по мнению Барби, удивляться этому не приходилось – тут же ему врезал. Из носа Расти потекла кровь.

– Нет, Олден! Дай ему помочь! – закричала Линда и положила руку на плечо фермера.

Олден повернулся, судя по всему, с тем, чтобы врезать и ей. Его лицо говорило, что рассуждать здраво он не способен. Олден превратился в зверя, защищающего своего детеныша. Барби двинулся к нему, чтобы перехватить руку, если фермер замахнется, но потом в голову пришла идея получше.

– Здесь фельдшер! – прокричал он, наклонившись к лицу Олдена, стараясь перекрыть ему поле зрения, чтобы фермер не видел Линду. – Фельдшер! Фельдшер, фель...

Барби оттащили за воротник рубашки и развернули. Он едва успел сообразить, что перед ним Мелвин Сирлс, один из дружков Младшего, и на Сирлсе форменная полицейская рубашка плюс жетон на груди. *Все так плохо, что хуже не бывает*, подумал Барби, и, словно с тем, чтобы доказать его неправоту, Сирлс врезал ему по физиономии точно так же, как и на парковке у «Дипперса». В нос не попал, хотя целил именно туда, но губы разбил.

Сирлс вновь замахнулся, но Джекки Уэттингтон – в тот

день его напарница, пусть ей этого и не хотелось – схватила парня за руку раньше, чем он нанес второй удар.

– Не делай этого! – крикнула она. – Патрульный Сирлс, не делай этого!

И пока Сирлс соображал, что ему делать, а чего – нет, Олли Динсмор, а потом и рыдающая, хватающая ртом воздух мать протиснулись между ними, заставив Сирлса отступить на шаг.

Мелвин опустил кулак.

– Ладно! – прорычал он. – Но ты на месте преступления, говнюк. Месте расследования, которое ведет полиция.

Барби вытер ладонью кровь с разбитых губ. Подумал: *Бывает и хуже. В этом все дело – бывает.*

Из всего этого Расти услышал только одно – крик Барби: «Фельдшер!» Теперь же он сам произнес это слово:

– Фельдшер, мистер Динсмор. Расти Эверетт. Вы меня знаете. Позвольте мне взглянуть на вашего мальчика.

– Позволь ему, Олден! – прокричала Шелли. – Позволь ему позаботиться о Рори!

Олден ослабил хватку, мальчик теперь покачивался из стороны в сторону на коленях отца, джинсы фермера залила кровь. Рори вновь закрыл лицо руками. Расти взялся за них – мягко, очень мягко – и потянул вниз. Надеялся, что все будет не так плохо, как он опасался, но увидел пустую глазницу, из которой хлестала кровь. Понял, что сильно поврежден и мозг за глазницей. Уцелевший глаз слепо смотрел в небо.

Расти начал снимать рубашку, но священник уже протягивал ему свою. Верхняя половина тела Коггинса – с белоснежной кожей живота и груди, с торчащими ребрами, с иссеченной перекрестными красными шрамами спиной – блесла от пота.

– Нет. – Расти мотнул головой. – Порвите ее, порвите.

Поначалу Лестер не понял. Потом разорвал рубашку пополам.

Подтягивалась полиция, и некоторые из штатных копов – Генри Моррисон, Джордж Фредерик, Джекки Уэттингтон,

Фредди Дентон – звали новоиспеченных помощников, чтобы те помогали оттеснить толпу, создать свободную зону вокруг раненого. Помощники с энтузиазмом принялись за дело. Кое-кто из замешкавшихся зевак шлепнулся на землю, в том числе и Саманта Буши, знаменитая мучительница Брэтцев. Литл Уолтер сидел в сумке-кенгуру, и, когда Сэмми шлепнулась на пятую точку, оба начали орать. Ренни-младший переступил через Сэмми, даже не посмотрев на нее, схватил за руку мать Рори и дернул так, что едва не свалил с ног, прежде чем Фредди Дентон остановил его.

– Нет, Младший, нет! Это мать мальчика! Отпусти ее!

– Полицейская жестокость! – завопила Сэмми Буши с того места, где сидела на траве. – Полицейская жесто...

Джорджия Ру, новое пополнение полицейского участка Питера Рэндолфа, прибыла с Картером Тибодо, держа его за руку. Джорджия приставила ногу в высоком ботинке к одной груди Сэмми и чуть надавила – не ударила.

– Заткнись, лесба.

Младший отпустил мать Рори и отошел к Мелу, Картеру и Джорджии. Они смотрели на Барби. Младший последовал их примеру, думая о том, что повар постоянно сваливается им на голову. Мелькнула мысль, что Барби самое место в камере по соседству с Сэмом Бухло. Следом пришла новая мысль: быть копом – его призвание. Эта работа определенно излечивала от головной боли.

Расти взял половину рубашки Лестера и вновь разорвал

пополам. Сложив в несколько слоев, уже собрался приложить к зияющей ране на лице мальчика, потом передумал, протянул сложенную материю отцу.

– Приложите к... – Слова едва вырвались: горло забивала собственная кровь. Расти вытолкнул ее обратно в рот. Отвернулся, выплюнул кровавую слюну на траву. Предпринял вторую попытку. – Приложите к ране, папа. Прижимайте. Второй рукой возьмитесь за шею сзади и прижимайте.

Ошавевший от случившегося, но стремящийся помочь, Олден Динсмор сделал все, как ему и сказали. Самодельный тампон тут же пропитался кровью, но мужчина чуть успокоился. Ему стало легче от собственной нужности. Обычная история.

Оставшийся кусок Расти сунул Лестеру:

– Еще!

Священник принялся рвать рубашку на более мелкие части. Расти поднял руку Динсмора и убрал первый тампон, промокший и уже бесполезный.

Шелли Динсмор, увидев пустую глазницу, закричала:

– Ох, мой мальчик! Мой мальчик!

Трусой, тяжело дыша, прибежал Питер Рэндолф. Тем не менее, опередив Большого Джима, который – помня о сердечных проблемах, – не торопясь, спускался по широкой тропе, протоптанной толпой по чуть наклонному полю. Он думал о том, какая же получается мутня. В будущем, решил Ренни, такие сборища должны проводиться только по пред-

варительному разрешению. И если он будет иметь к этому хоть какое-то отношение (конечно, будет, всегда имел), получение такого разрешения выльется в немалые трудности.

– Отодвинь людей подальше! – рявкнул Рэндолф патрульному Моррисону. И как только тот повернулся, чтобы выполнить приказ, чиф обратился к толпе: – Пожалуйста, отойдите. Не мешайте оказывать первую помощь.

– Патрульные, выстроиться в шеренгу! – проревел Моррисон. – Оттесняйте их! Любого, кто окажет сопротивление, в наручники!

Толпа начала медленно отступать.

Барби задержался:

– Мистер Эверетт... Расти... Помощь не нужна? Вы в порядке?

– Все хорошо, – ответил Расти, и по его лицу Барби понял все, что на тот момент требовалось знать: фельдшер в порядке, отделался разбитым носом; мальчик не в порядке и никогда уже не будет, даже если останется в живых. Расти положил свежий тампон на кровоточащую глазницу, прижал его рукой отца. – Вторую руку под шею. Давите. Давите сильнее.

Барби уже начал отходить, но тут мальчик заговорил.

– Это Хэллоуин. Ты не можешь... мы не можем...

Расти обмер, его руки, складывающие очередной тампон, застыли. Он словно вернулся в спальню дочерей, слушая крик Джанель: «Во всем виноват Большая Тыква!»

Расти повернулся к Линде. Она тоже слышала. Ее глаза округлились. Щеки, ранее пылающие, разом побледнели.

– Линда! – крикнул ей Расти. – Доставай рацию! Позвони в больницу! Скажи Твитчу, пусть приедет на «скорой».

– Огонь! – прокричал Рори высоким, вибрирующим голосом. Лестер смотрел на него, как, должно быть, Моисей – на неопалимую купину. – Огонь! Автобус в огне! Все кричат! Берегитесь Хэллоуина!

Толпа притихла, вслушиваясь в крики мальчика. Даже Джим Ренни их услышал. Он как раз добрался до последних рядов и начал проталкиваться к передним.

– Линда! Доставай рацию! – повторил Расти. – Нам нужна «скорая»!

Она вздрогнула, будто кто-то хлопнул в ладоши перед ее лицом. Сняла с ремня рацию.

Рори сполз на примятую траву, его начало трясти.

– Что происходит? – снова заволновался отец.

– Ох, дорогой Иисус, он умирает! – запричитала мать.

Расти наклонился над трясущимся, брыкающимся ребен-

ком (стараясь не думать в этот момент о Джанни, но, разумеется, не мог не думать) и попытался поднять подбородок, чтобы не перекрылись дыхательные пути.

– Подключайтесь, папа, – обратился он к Олдену. – Не оставляйте меня одного. Суньте руку под шею. Зажимайте рану. Давайте остановим кровотечение.

Нажатие на рану могло привести к тому, что кусок пули, выбивший мальчику глаз, еще глубже уйдет в мозг, но Расти полагал, что поволноваться из-за этого он еще успеет. Если, конечно, мальчик не умрет прямо здесь, на траве.

Где-то вблизи – но ох как далеко – наконец-то заговорил один из солдат. Если и старше двадцати лет, то ненамного. Испуганный и печальный.

– Мы пытались его остановить. Он нас не послушал. Мы ничего не могли сделать.

Пит Фримен, «Никон» которого болтался у колена, ода-рил юного воина горькой улыбкой:

– Мы это знаем. Если не знали раньше, то теперь точно знаем.

Прежде чем Барби успел слиться с толпой, Мел Сирлс схватил его за локоть.

– Убери руку, – мягко попросил Барби.

Сирлс обнажил зубы в злобной ухмылке.

– И не мечтай, говнюк. – Он повысил голос: – Чиф! Эй, чиф!

Питер Рэндолф, хмурясь, нетерпеливо повернулся к нему.

– Этот парень мешал мне, когда я пытался освободить место от посторонних. Могу я его арестовать?

Рэндолф уже открыл рот, чтобы сказать: «Не отнимай у меня время». Потом огляделся. Джим Ренни наконец-то пробился к тем, кто оставался рядом с раненым мальчиком. Одарил Барби холодным взглядом ящерицы, сидящей на камне, повернулся к Рэндолфу и чуть кивнул.

Мел это заметил. Его улыбка стала шире.

– Джекки! Я хочу сказать – патрульная Уэттингтон. Могу я позаимствовать у вас наручники?

Младший и остальные члены его команды лыбились. Все лучше, чем смотреть на истекающего кровью мальчишку, гораздо лучше, чем приглядывать за толпой молящихся креатинов и этими козлами с плакатами.

– Час расплаты, *Ба-а-а-арби*, – протянул Младший.

На лице Джекки отражалось сомнение.

– Пит... я хочу сказать – чиф... я думаю, этот парень только хотел по...

– В наручники его! – оборвал ее Рэндолф. – Потом разберемся, что он хотел сделать, а чего нет. Сейчас же я хочу навести здесь порядок. – Он возвысил голос: – Все закончилось, друзья! Вы развлеклись – и видите, к чему это привело! А теперь по домам!

Джекки снимала с ремня пластиковые наручники (она не собиралась отдавать их Мелу Сирлсу, сама надела бы их на запястья Барби), когда заговорила Джулия Шамуэй. Она стояла позади Рэндолфа и Большого Джима (тот даже оттолкнул ее локтем, пробираясь к месту событий).

– Я бы этого не делала, чиф Рэндолф, если только ты не хочешь, чтобы полицию ославили на первой странице «Демократа». – И она подарила ему свою фирменную улыбку Моны Лизы. – С учетом того, что эта работа для тебя внове и все такое.

– Что ты такое говоришь? – Рэндолф нахмурился, лицо изрезали глубокие складки, которые не придавали ему шарма.

Джулия подняла фотоаппарат – тоже «Никон», но более старая модель, чем у Фримена.

– Я сделала несколько фотографий мистера Барбары, помогающего мистеру Эверетту с раненым мальчиком, пару – патрульного Сирлса, безо всякой надобности отталкивающего мистера Барбару... и одну – патрульного Сирлса, быюще-

го мистера Барбару по лицу. Также безо всякой надобности. Я – не очень хороший фотограф, но эта фотография у меня получилась. Не желаешь взглянуть, чиф Рэндолф? Это можно. Фотоаппарат цифровой.

Барби все больше восхищался Джулией: он не сомневался, что та блефует. Если она фотографировала, почему держала в левой руке крышку от объектива, будто только что ее сняла?

– Это ложь, чиф, – подал голос Мел. – Барби пытался ударить меня. Спросите Младшего.

– Я думаю, мои фотографии покажут, что молодой мистер Ренни помогал освобождать место вокруг мальчика и в момент удара стоял спиной к мистеру Барбаре и патрульному Сирлсу.

– Я могу забрать у тебя фотоаппарат. – Рэндолф мрачно смотрел на нее. – Как вещественную улику.

– Конечно, можешь, – радостно согласилась она, – и Пит Фримен сфотографирует тебя в этот момент. Потом ты сможешь забрать фотоаппарат Фримена... но все увидят, как ты это делаешь.

– На чьей ты стороне, Джулия? – Губы Большого Джима изогнула яростная улыбка. Улыбка акулы, готовой вцепиться в пухлую ягодицу зазевавшейся пловчихи.

Джулия улыбнулась в ответ, и глаза над этой улыбкой чистотой и наивностью не уступали глазам ребенка.

– А есть стороны, Джеймс? Помимо той, – она указала на

наблюдающих солдат, – и этой?

Большой Джим не отрывал от нее глаз, его губы начали изгибаться в противоположную сторону, стирая улыбку. Потом он махнул рукой Рэндолфу.

– Будем считать, что проехали, мистер Барбара, – сказал чиф. – Погорячились.

– Благодарю, – ответил Барби.

Джекки дернула за рукав своего молодого напарника, который не сводил глаз с Барбары:

– Пошли, патрульный Сирлс. Тут все ясно. Давай и дальше раздвигать круг.

Сирлс пошел с ней, но сначала повернулся к Барби и навел на него палец, склонив голову набок. *Мы еще не закончили, дорогуша.*

Подошли кассир супермаркета Тоби Мэннинг и Джек Эванс – с самодельными носилками из брезента и стоек для тента. Ромми открыл рот, чтобы спросить: а какого хрена они это сделали? Потом закрыл. Пикник все равно закончился, так какая разница?

Все, кто приехал на автомобилях, рассаживались в них, а потом попытались уехать одновременно.

Предсказуемо, думал Джо Макклэтчи. *Абсолютно предсказуемо*.

Большинство копов пытались разрулить мгновенно образовавшуюся пробку, хотя даже подростки (Джо стоял с Бенни Дрейком и Норри Кэлверт) могли сказать, что новоиспеченная пятерка понятия не имела, как это делается. И по теплему воздуху далеко разносились ругательства (*Не можешь, что ли, подать свою хреновину назад?*). Несмотря на давку, никто не жал на клаксон. Большинство, похоже, еще не пришли в себя.

– Посмотрите на этих идиотов, – подал голос Бенни. – И сколько галлонов бензина сейчас вылетает через выхлопные трубы? Наверное, они думают, что запасы бесконечны.

– Дело говоришь, – кивнула Норри, девчонка задиристая, бунтарка местного разлива, с прической маллет⁶², да только сейчас выглядела она бледной, подавленной и испуганной. Норри взяла Бенни за руку. У Пугала Джо остановилось сердце, но уже через мгновение застучало вновь, потому что она взяла за руку и его.

---

⁶² Маллет – стрижка, при которой волосы подстрижены коротко спереди и по бокам, а сзади остаются длинными.

– А вон идет парень, которого едва не арестовали, – указал Бенни свободной рукой.

Барби и женщина из газеты шли к импровизированной автомобильной стоянке вместе с шестьюдесятью или восьмьюдесятью горожанами. Несколько человек удрученно тащили за собой плакаты, с которыми недавно маршировали.

– Наша газетчица ничего, между прочим, не фотографировала, – сообщил своим друзьям Пугало Джо. – Я стоял у нее за спиной. Хитро.

– Да, – кивнул Бенни, – но мне все равно не хотелось бы оказаться на его месте. До того как эта бодяга закончится, копы могут творить все, что им вздумается.

И это правда, мысленно согласился с ним Джо. А новых копов он никак не мог отнести к хорошим парням. Например, Ренни-младшего. История об аресте Сэма Бухло уже ходила по городу.

– Что ты сказал? – переспросила Норри Бенни.

– Да ничего особенного. Все пока еще клево. – Он задумался. – Достаточно клево. Но если так будет продолжаться... Помните «Повелителя мух»? – Ребята читали эту книгу, чтобы сдать на отлично экзамен по английскому языку и литературе. – «Бей свинью. Глотку режь. Добивай», – процитировал Бенни. – Люди обзывают копов свиньями, но я скажу вам, что думаю. Я думаю, копы находят свиней, когда начинает пахнуть жареным. Может, потому, что они, как и все, тоже боятся.

Норри Кэлверт вдруг разрыдалась. Пугало Джо обнял ее, осторожно, словно опасался, как бы это не привело к тому, что они оба взорвутся, но она повернулась к нему лицом и обхватила руками. Точнее, одной рукой, потому что второй по-прежнему держалась за Бенни. Джо подумал, что никогда в жизни не испытывал такого невероятного восторга, как в тот момент, когда ее слезы мочили его рубашку. Поверх ее головы с упреком посмотрел на Бенни.

– Извини. – Бенни похлопал Норри по спине. – Не бойся.

– Он остался *без глаза!* – сквозь слезы выкрикнула она. Грудь Джо частично заглушила слова. Потом Норри его отпустила. – Это уже не забава. Никакая не забава.

– Да. – Джо ответил таким голосом, будто открыл великую истину. – Не забава.

– Посмотрите, – воскликнул Бенни.

Твитч ехал на «скорой» по полю Динсмора, на крыше перемигивались красные огни. Его сестра, женщина, которой принадлежала «Эглантерия», шла впереди, направляя его в объезд самых глубоких рытвин. «Скорая» на поле, под ярким послеполуденным октябрьским солнцем – последний штрих.

Внезапно Пугалу Джо расхотелось протестовать. Но не возникало желания и возвращаться домой.

В тот момент он мечтал только об одном – выбраться из этого города.

Джулия сидела за рулем своего автомобиля, но не заводила двигатель: предстояло подождать, пока рассосется пробка, и ей не хотелось зазря жечь бензин. Она наклонилась мимо Барби, открыла бардачок, достала старую пачку «Американ спиритс».

– Аварийный запас. – В голосе звучали извиняющиеся нотки. – Закуришь?

Он покачал головой.

– А не возражаешь? Потому что я могу и потерпеть.

Он вновь покачал головой.

Джулия закурила, выпустила струю дыма в открытое окно. Температура воздуха не падала – стоял настоящий день бабьего лета – но долго так продолжаться не могло. Еще неделя или чуть больше, а потом погода изменится не в ту сторону, как говорили старожилы. *А может, и нет*, подумала Джулия. *Кто, на хрен, знает?* Если Купол останется на месте, метеорологи, она в этом не сомневалась, выдвинут множество версий насчет погоды внутри, но что с того? Гуру телевизионного канала погоды не могли предсказать, в какую сторону сместится буран, и, по мнению Джулии, не заслуживали большего доверия, чем политические гении, которые целыми днями балаболили за базарным столом в «Эглантирии».

– Спасибо, что заступилась за меня. – Барби повернулся к Джулии. – Спасла мой окорок.

– Прослушай экстренное сообщение, дорогой, – твой окорок по-прежнему висит в коптильне. Что ты собираешься сделать в следующий раз? Попросишь своего друга Кокса позвонить в Союз защиты гражданских свобод? Возможно, там этим заинтересуются, но едва ли кто-либо из портлендского отделения Союза сможет в ближайшее время побывать в Честерс-Милле.

– Не будь такой пессимисткой. Возможно, этим вечером Купол унесет к морю. Или он просто растает в воздухе. Мы не знаем.

– Это вряд ли. Тут видны уши государства – *какого-то* государства, – и, готова спорить, твой полковник Кокс это знает.

Барби молчал. Он поверил Коксу, когда тот сказал, что США не несут ответственности за появление Купола. Не потому, что полковник пользовался у него абсолютным доверием. Просто Барби не думал, что Америка располагает такими технологиями. Или какая другая страна, если на то пошло. Однако что он на самом деле знал о современных технологиях? Последние годы Барби служил в Ираке, угрожал тамошним и без того запуганным жителям, иной раз поднося пистолет к их головам...

Дружок Младшего, Френки Дилессепс, стоял на шоссе номер 119, помогал регулировать движение. Форменную си-

нюю рубашку он надел поверх джинсов – должно быть, в полицейском участке не нашлось штанов подходящего для него размера. Длинный сукин сын. А Джулия увидела (ее это встревожило), что на бедре у него пистолет. Поменьше, чем «глок», которыми пользовались штатные копы Милла, вероятно, его собственный, но все равно пистолет.

– И что ты будешь делать, если за тобой придет этот парень из гитлерюгенда? – Она мотнула головой в сторону Френки. – Крики о полицейской жестокости тебе не помогут, если они притащат тебя в тюрьму и решат закончить начатое. В городе только два адвоката. Один в старческом ма-разме, а второй ездит на «бокстере», который Джим Ренни продал ему со скидкой.

– Я позабочусь о себе.

– О-о-ох, мачо.

– А что с твоей газетой? Когда я уходил вчера ночью, она выглядела готовой.

– Если по времени, то ты уходил уже утром. Да, она готова. Пит, и я, и еще несколько друзей... мы позаботимся о ее доставке. Я просто не видела смысла начинать, пока город на три четверти пустовал. Хочешь стать почтальоном-добровольцем?

– Я бы стал, но мне предстоит приготовить миллион сандвичей. Вечером в ресторане только холодные закуски.

– Может, и я там буду. – Она выбросила сигарету, только наполовину выкуренную, в окно. Потом, после короткого

раздумья, вышла из машины и затушила окурок. Не хватало им еще и травяного пожара, особенно теперь, когда новенькие пожарные машины застряли в Касл-Роке. – Я заезжала в дом чифа Перкинса. – Джулия вернулась за руль. – Только теперь это, естественно, дом Бренды.

– Как она?

– В ужасном состоянии. Но когда я сказала, что ты хочешь повидать ее, и по важному делу – хотя и не сказала, по какому именно, – она согласилась. Лучше после наступления темноты. Я полагаю, твой друг проявит нетерпение...

– Перестань называть Кокса моим другом. Он мне не друг.

Они молча наблюдали, как раненого мальчика загружают в «скорую». Солдаты тоже наблюдали. Вероятно, нарушая приказ, и отношение к ним Джулии определенно улучшилось. «Скорая» покатила через поле к дороге с включенной мигалкой.

– Это ужасно! – вырвалось у Джулии.

Барби обнял ее за плечи. На мгновение она напряглась, но тут же расслабилась. Смотрела прямо перед собой – на «скорую», которая уже выезжала на асфальт шоссе номер 119.

– Что будет, если они закроют меня, друг мой? Что, если Ренни и его карманная полиция решат закрыть мою маленькую газету?

– Этого не случится, – ответил Барби. Но засомневался. Он полагал, что каждый новый день в Честерс-Милле будет становиться Днем-когда-может-случиться-все, если Ку-

пол останется надолго.

– Ее тяготило что-то еще, – добавила Джулия Шамуэй.

– Миссис Перкинс?

– Да. Разговор у нас получился такой странный.

– Она скорбит о муже. Скорбь меняет людей. Я поздоровался с Джеком Эвансом – его жена погибла вчера, когда появился Купол, – и он посмотрел на меня так, будто никогда не видел, хотя с прошлой весны я по средам потчую его моим знаменитым мясным рулетом.

– Бренду Перкинс я знала еще Брендой Морс. Я думала, она скажет мне, что ее волнует... но Бренда не сказала.

Барби указал на дорогу:

– Пожалуй, уже можно ехать.

Едва Джулия завела двигатель, зазвонил ее мобильник. Она чуть не выронила сумку, так торопилась его достать. Послушала, потом передала Барби с ироничной улыбкой:

– Это тебя, босс.

Звонил Кокс, и ему было что сказать. Даже много чего. Барби прервал его только для того, чтобы сообщить о случившемся с мальчиком, которого увезли в «Кэтрин Рассел», но Кокс или не связал историю Рори Динсмора с тем, что говорил сам, или не захотел связать. Выслушал скорее из вежливости, потом продолжил. А закончив, задал вопрос, который прозвучал бы как приказ, если бы Барби носил форму и служил под его командованием.

– Сэр, я понимаю, что вы просите, но вы не в курсе... ска-

жем так, здешней политической ситуации. И моей маленькой роли. До появления Купола у меня здесь возникли некоторые сложности и...

– Нам это известно, – прервал его Кокс. – Стычка с сыном второго члена городского управления и его друзьями. Тебя едва не арестовали, если верить лежащему передо мной досье.

Досье. У него уже есть досье. Да поможет мне Бог.

– Да уж, разведка у вас прекрасная, но позвольте кое-что добавить. Первое: начальник полиции, который спас меня от ареста, умер на Сто девятнадцатом шоссе, кстати, недалеко от того места, откуда я с вами говорю...

Из того мира, куда он сейчас не мог попасть, до Барби донеслось едва слышное шуршание бумаги. Внезапно ему захотелось голыми руками убить полковника Джеймса Оу Кокса, потому что полковник Джеймс Оу Кокс мог пойти в «Макдоналдс», если возникало такое желание, а он, Дейл Барбара, не мог.

– Мы знаем и об этом, – раздалось в трубке. – Проблема с кардиостимулятором.

– Второе, – продолжил Барби, – новый чиф, дружбабан единственного обладающего властью члена городского управления, нанял новых помощников. Тех самых парней, которые пытались оторвать мне голову на парковке у местного ночного клуба.

– Знаешь, полковник, ты должен подняться выше этого.

– Почему вы называете меня полковником? Это вы – полковник.

– Поздравляю. Ты не только вновь призван на службу, но и получил фантастическое повышение.

– Нет! – взревел Барбара. Джулия в тревоге смотрела на него, но он ничего не замечал. – Я не хочу!

– Да, но ты должен, – спокойно ответил Кокс. – Я собираюсь переслать по электронной почте копии всех бумаг твоей подруге-редактору, прежде чем мы отключим от Интернета твой маленький городок, которому так не повезло.

– Отключите? Вы не можете этого сделать!

– Приказ о присвоении тебе нового звания подписан самим президентом. Ты намерен сказать «нет» ему? Насколько я знаю, президент становится весьма злобным, если ему перечат.

Барби не ответил. Голова у него шла кругом.

– Тебе надо зайти к этому члену управления и к начальнику полиции, – продолжил Кокс. – Тебе надо сказать им, что президент США ввел военное положение в Честерс-Милле и назначил тебя старшим офицером. Я понимаю, что поначалу ты встретишь сопротивление, но информация, которую я тебе сообщил, поможет тебе утвердиться в роли связующего звена города с внешним миром. И я знаю, что убеждать ты умеешь. Видел это своими глазами в Ираке.

– Сэр, вы неправильно оцениваете местную ситуацию. – Свободной рукой Барбара провел по волосам. Ухо горело от

этого злогребучего моби́льни́ка. — Вам понятна идея Купола, но не того, что происходит в городе в результате его появления. А ведь прошло меньше тридцати часов.

— Так проясни ситуацию.

— Вы говорите, президент хочет, чтобы я это сделал. Допустим, я позвонил ему отсюда и сказал, что он может поцеловать мой благоухающий зад? — Джулия в ужасе посмотрела на него, но Барби это только вдохновило. — Допустим, я сказал ему, что я тайный агент «Аль-Каиды» и собрался убить его — пух, и пуля в голове. Как насчет этого?

— Капитан Барбара... то есть полковник Барбара... вы наговорили достаточно.

Барби так не считал.

— Сможет он послать ФБР, чтобы схватить меня? Секретную службу? Чертову Красную армию? Нет, сэр. Не сможет.

— У нас есть планы по изменению сложившейся ситуации, как я только что объяснил. — Легкость и добродушие улетучились из голоса Кокса, он более не говорил с давним другом.

— Если ваш план приведет к желаемому результату, присылайте агентов любого федерального ведомства, чтобы арестовать меня. Но если мы останемся отрезанными, кто меня послушает? Поймите же наконец: *этот город отрезан*. Не только от Америки, но и от всего мира. С этим мы ничего не можем поделать, но и вы тоже ничего не можете.

— Мы пытаемся вам помочь, — мягко указал Кокс.

– Вы так говорите, и я почти вам верю. А остальные поверят? Когда люди смотрят, какую помощь им оказывают за счет налогов, которые они платят, то видят солдат, стоящих на страже, повернувшись к городу спиной. И это кое-что для жителей Честерс-Милла значит.

– Ты слишком много говоришь для человека, который отказывается от порученного ему дела.

– Я не отказываюсь. Но я всего в шаге от ареста, и если объявлю себя временным комендантом города, мне это не поможет.

– Допустим, я позвоню первому члену городского управления... как там его фамилия... Сандерс... и скажу ему...

– Именно поэтому я и говорил, что вы ничего не знаете. У нас все тот же Ирак, только на этот раз вы в Вашингтоне, а не в гуще событий, и, похоже, так же беспомощны, как и остальные кабинетные солдаты. Отрывочные разведданные хуже, чем полное отсутствие разведданных.

– Полузнание опасно, – проворковала Джулия.

– Если не Сандерс, то кто?

– Джеймс Ренни. *Второй* член городского управления. В этих местах он Босс Хог⁶³.

Последовала пауза, после которой Кокс заявил:

– Пожалуй, мы сможем оставить вам Интернет. Некоторые из нас придерживаются мнения, что отрезать его –

---

⁶³ Босс Хог – отрицательный герой, продажный администратор округа Хаззард из телевизионного сериала «Дюки из Хаззарда» и нескольких телефильмов.

неадекватная реакция.

– С чего это? Разве вы не понимаете, что рецепт клюквенного хлеба тетюшки Сары рано или поздно перестанет быть секретом, если вы позволите нам оставаться в Сети?

Джулия выпрямилась и губами, не издавая ни звука, спросила: «Они собираются отключить Интернет?»

Барби предупреждающе поднял палец: «Подожди».

– Выслушай меня, Барби. Допустим, мы позвоним этому Ренни и скажем ему, что отключаем Интернет: извините, кризисная ситуация, экстремальные меры, и так далее, и так далее. Потом ты сможешь убедить его в своей незаменимости, раз уж вроде как добился того, что мы изменили свое решение.

Барби задумался. Могло сработать. На какое-то время. Могло и не сработать.

– Плюс, – добавил Кокс, заметно оживляясь, – ты сообщишь им и другую информацию. Может, спасешь несколько жизней и уж точно спасешь от самого жуткого в жизни страха.

– Мобильная связь тоже должна работать, как и Интернет.

– Это сложно. Насчет Сети я пообещать могу, но... Послушай, в том комитете, который все это разгребает, заседают как минимум пять кертисов лемеев⁶⁴. И пока не доказано

---

⁶⁴ Кертис Эмерсон Лемей (1906–1990) – генерал ВВС США. Во время Второй мировой войны планировал и проводил массированные бомбардировки японских городов.

обратное, они убеждены, что все жители Честерс-Милла – террористы.

– И чем эти гипотетические террористы могут навредить Америке? Взорвать вместе с собой церковь Конго?

– Барби, ты ломишься в открытую дверь.

Скорее всего Кокс говорил чистую правду.

– Ты это сделаешь?

– Я вам отвечу при нашем следующем разговоре. Дождитесь моего звонка, прежде чем что-нибудь предпринимать. Сначала я должен поговорить с женой погибшего начальника полиции.

У Кокса нашелся еще один вопрос:

– Надеюсь, ты оставишь при себе ту часть разговора, что касалась политической сделки?

И опять Барби поразился, сколь мало даже Кокс – по армейским стандартам, вольнодумец – понимает, какие изменения уже вызвал Купол. Здесь привычная Коксу секретность не играла никакой роли.

Мы против них, подумал Барби. *Теперь мы против них. Если только их безумная идея не сработает.*

– Сэр, мне действительно придется вам перезвонить. Аккумулятор практически разрядился. – Ложь не вызвала угрызений совести. – И вам придется подождать моего следующего звонка, прежде чем говорить с кем-то еще.

– Только помни, что большой взрыв назначен на тринадцать ноль-ноль завтрашнего дня. Если ты хочешь утвердить

свое старшинство, тебе лучше заранее объявить об этом.

Утвердить старшинство. Еще одна бессмыслица под Ку-полом. Если речь идет не о том, что именно твой генератор будет обеспечен пропаном.

– Мы вскоре поговорим. – И Барби захлопнул мобильник до того, как Кокс успел сказать что-то еще.

119-е практически опустело, хотя Дилессепс оставался там, скрестив руки на груди. Привалился к борту ретро-автомобиля с мощным двигателем. Когда Джулия проезжала мимо «шевроле-новы», Барби заметил наклейку: «ЗАДНИЦА, БЕНЗИН ИЛИ ТРАВКА – НА ХАЛЯВУ НЕ ПОДВОЖУ». При этом на приборном щитке лежала съемная полицейская мигалка. Барби подумал, что увиденное – наглядная иллюстрация нынешних отличий Честерс-Милла от обычного американского городка.

По пути Барби пересказал Джулии разговор с Коксом.

– То, что они планируют, по существу, не отличается от проделанного мальчиком. – В ее голосе слышался ужас.

– Нет, отличия есть. Мальчик воспользовался винтовкой. У них наготове крылатая ракета. Считай, что это проверка теории Большого Взрыва.

Джулия улыбнулась. Только не как всегда, а растерянно и недоуменно. И с такой улыбкой выглядела на все шестьдесят, а не на сорок три года.

– Судя по всему, вторую газету мне придется выпустить раньше, чем я думала.

Барби кивнул:

– Экстренный выпуск, экстренный выпуск, прочитайте об этом все.

– Привет, Сэмми! – обратился к ней кто-то. – Как ты?

Саманта Буши голоса не узнала и осторожно повернулась, поправив сумку-кенгуру. Литл Уолтер спал и весил тонну. Зад болел после падения, и она чувствовала себя оскорбленной – эта чертова Джорджия Ру обозвала ее лесбой. Джорджия Ру, которая не раз и не два, скуля, приходила в ее трейлер, чтобы разжиться восьмушкой⁶⁵ для себя и того накачанного урода, с которым жила.

Как выяснилось, к ней подходил отец Доди. Сэмми говорила с ним тысячу раз, но не узнала голос; едва узнала его самого. Выглядел он старым и печальным – каким-то разбитым. Даже не посмотрел на ее буфера, первый раз.

– Привет, мистер Сандерс. Ой, я даже не видела вас на... – Она махнула рукой в сторону поля и большого тента, который наполовину сложился и выглядел жалким. Почти таким же жалким, как мистер Сандерс.

– Я сидел в тени. – Все тот же запинаящийся голос и страдальческая, виноватая улыбка, на которую больно смотреть. – Хотя у меня было что выпить. Не слишком ли тепло для октября? Да, конечно. Я думал: такой хороший день – очень подходящий для городских мероприятий... пока этот

---

⁶⁵ Имеется в виду одна восьмая английской унции (одна шестнадцатая фунта, или 28,35 г) кокаина или метамфетамина.

мальчик...

Ух ты, он плакал!

– Я очень сожалею, что так вышло с вашей женой, мистер Сандерс.

– Спасибо тебе, Сэмми. Ты такая добрая. Помочь тебе отнести ребенка к машине? Думаю, ты уже можешь ехать, дорога почти полностью освободилась.

От этого предложения Сэмми отказаться не могла, пусть мистер Сандерс и плакал. Вытащила Литл Уолтера из сумки-кенгуру – все равно что достала большой ком теплого теста – и передала отцу Доди. Литл Уолтер открыл глаза, сонно улыбнулся, рыгнул и продолжил спать.

– Я думаю, он наложил полный подгузник, – заметил мистер Сандерс.

– Да, кладет без передышки. Добрый Литл Уолтер.

– Уолтер – очень милое, старомодное имя.

Говорить, что первое имя мальчика Литл, смысла не имело... и она точно знала, что такой разговор у них уже был. Сандерс просто не помнил. И идти с ним – пусть он и нес ребенка – идеальное обломное завершение этого идеального обломного дня. По крайней мере Сандерс не ошибся насчет дороги: автомобильный рой разлетелся. Сэмми задалась вопросом: а сколько пройдет времени, прежде чем весь город пересядет на велосипеды?

– Мне никогда не нравились эти ее летные уроки. – Сандерс, похоже, продолжил, только вслух, какой-то внутрен-

ний разговор. – Иногда я даже спрашивал себя: а не спит ли Клоди с этим парнем?

Мать Доди, спящая с Чаком Томпсоном? Эта идея шокировала и заинтриговала Сэмми.

– Наверное, нет. – Он вздохнул. – В любом случае теперь это значения не имеет. Ты не видела Доди? Прошлой ночью она не пришла домой.

С губ Сэмми едва не слетело: «Конечно, видела – вчера днем». Но если Додестер не ночевала дома, ее слова только встревожили бы папашку Доди. И Сэмми пришлось бы долго-долго говорить с человеком, по лицу которого катились слезы, а из одной ноздри свешивалась сопля. Ее такая перспектива не устраивала.

Они дошли до автомобиля Сэмми, старенького «шевроле» с изъеденными ржавчиной порошками. Сэмми взяла Литл Уолтера, поморщилась от вони. В подгузнике лежала не просто почта, а, похоже, увесистая посылка.

– Нет, мистер Сандерс, я ее не видела.

Он кивнул, вытер нос тыльной стороной ладони. Сопля исчезла или перекочевала куда-то еще. Что радовало.

– Наверное, она поехала в торговый центр с Энджи Маккейн, а потом к тете Пег в Сабаттас, когда поняла, что в город вернуться нельзя.

– Да, вероятно. – И когда Доди объявится в Милле, это будет для него приятным сюрпризом. Видит Бог, он того заслуживал. Сэмми открыла дверцу и положила Литл Уолтера

на переднее пассажирское сиденье. Детским сиденьем Сэмми давно перестала пользоваться. Слишком много хлопот. Кроме того, ездила она очень аккуратно.

– Рад, что повидался с тобой, Сэмми. – Пауза. – Ты помолишься за мою жену?

– Э-э-э... конечно, мистер Сандерс. Никаких проблем.

Она уже собралась сесть за руль, но тут кое-что вспомнила: во-первых, Джорджия Ру двинула ей в грудь подошвой высокого ботинка – вероятно, достаточно сильно, чтобы остался синяк; а во-вторых, Энди Сандерс, с разбитым сердцем или нет, оставался первым членом городского управления.

– Мистер Сандерс!

– Да, Сэмми?

– Некоторые из копов вели себя довольно грубо. Возможно, вы захотите что-то с этим сделать. До того как ситуация выйдет из-под контроля.

Печальная улыбка не сходила с лица Сандерса.

– Да, Сэмми, я понимаю отношение молодежи к полиции, сам был молодым, но сейчас у нас крайне тяжелая ситуация. И чем быстрее мы наведем порядок, тем будет лучше для всех. Ты это понимаешь, так?

– Конечно. – Сэмми поняла другое: никакое горе, даже искреннее, не могло остановить поток дерьма, который лился из политика. – Ладно, еще увидимся.

– Они – хорошая команда, – рассеянно продолжал Эн-

ди. – Пит Рэндолф проследит, чтобы они действовали сообща. Лили воду на общую мельницу. Дули в одну дуду. Защищали и служили, ты знаешь.

– Конечно, – кивнула Сэмми. Защищали и служили, а по ходу еще и пинали в грудь.

Она отъехала. Литл Уолтер спал на переднем сиденье. Жутко воняло детским говном. Сэмми опустила все стекла, потом посмотрела в зеркало заднего обзора. Мистер Сандерс по-прежнему стоял на импровизированной парковке, теперь практически полностью опустевшей. Он помахал ей рукой.

Сэмми ответила тем же, гадая, где провела ночь Доди, если не пришла домой. Потом отмела эти мысли – ее это совершенно не касалось – и включила радиоприемник. Но ловилось только Иисусово радио, поэтому приемник она выключила.

Когда перевела взгляд на дорогу, увидела Френки Дилес-сепса, который стоял перед ней, подняв руку, словно настоящий коп. Ей пришлось резко нажать на педаль тормоза, чтобы не сбить его, а потом протянуть руку к ребенку, удерживая от падения. Литл Уолтер проснулся и заревел.

– Посмотри, что ты сделал! – закричала она на Френки (с которым однажды устроила двухдневный загул в старшей школе, когда Энджи уехала в спортивный лагерь). – Ребенок чуть не свалился на пол!

– А где его сиденье? – Френки всунулся в окно, играя бицепсами.

Большие мышцы, маленький член, вот и весь Френки Дилессепс. Сэмми нисколько не завидовала Энджи.

– Не твое собачье дело.

Настоящий коп выписал бы ей штраф – как за длинный язык, так и за нарушение закона о перевозке в автомобиле малолетних детей, – но Френки только усмехнулся.

– Энджи не видела?

– Нет. – Тут она сказала правду. – Вероятно, ее отрезало, и она не может вернуться в город. – Хотя Сэмми казалось, что отрезало тех, кто остался в городе.

– Машина Энджи на месте. Я заглядывал в гараж.

– Большое дело. Они, вероятно, куда-то поехали на «киа» Доди.

Он задумался над ее словами. На дороге они остались практически одни. Транспортная пробка осталась воспоминанием.

– Джорджия сильно вдарила тебе по сиське, беби. – И прежде чем Сэмми успела ответить, протянул руку и ухватился за ее грудь. Тоже грубо. – Хочешь, чтобы я ее поцеловал?

Она ударила его по руке. Справа от нее орал Литл Уолтер. Иногда Сэмми задавалась вопросом: а для чего Бог создал мужчин? Действительно задавалась. Они только орали или лапали, лапали или орали.

Френки больше не улыбался:

– Ты руки не распускай. Теперь все иначе.

– А что ты мне сделаешь? Арестуешь?

– Я придумаю что-нибудь получше. Проваливай отсюда. А если столкнешься с Энджи, скажи ей, что я хочу ее видеть.

Она уехала, разъяренная и – ей не хотелось признаваться в этом даже себе, но да – немного испуганная. Проехав полмили, остановилась и сменила подгузник Литл Уолтеру. В багажнике лежал мешок для использованных подгузников, но она слишком разозлилась, чтобы вылезать за ним. Вместо этого выбросила обгаженный памперс на обочину, рядом с большим щитом-указателем:

**САЛОН ПОДЕРЖАННЫХ
АВТОМОБИЛЕЙ**

ДЖИМА РЕННИ

ЗАРУБЕЖНЫЕ И ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ

ПОПРО\$ИТЕ У НА\$ КРЕДИТ

С ТАЧКОЙ БУДЕТ ВАМ ВЕЗУХА —

БОЛЬШОЙ ДЖИМ ТОМУ ПОРУКА

Сэмми обогнала нескольких подростков на велосипедах и вновь задалась вопросом: сколько пройдет времени, прежде чем на них пересядут все? Да только до этого бы не дошло. Кто-то обязательно что-нибудь придумает, как в любом из фильмов-катастроф, которые она, обкутившись, обожала смотреть по телевизору: вулканы, извергающие лаву в Лос-Анджелесе, зомби в Нью-Йорке. И, когда все вернется на

круги своя, Френки и Картер Тибодо станут теми же, что и прежде: лузерами из маленького городка, в карманах которых пусто или звякает мелочишка. А пока ей лучше не совываться.

И Сэмми полагала, что поступила правильно, ничего не сказав о Доди.

Расти слушал торопливое пиканье монитора давления крови и понимал, что они теряют мальчика. Собственно, они теряли его с того момента, как привезли на «скорой» в больницу – черт, с того момента, как пуля рикошетом отлетела от Купола, – но пиканье монитора превратило правду в газетный заголовок. Рори следовало бы вертолетом доставить в первую классную, оборудованную всем необходимым больницу оттуда, где он получил ранение. Вместо этого его привезли в операционную, где никогда не проводили операции на мозге, где было слишком жарко (кондиционеры отключили, чтобы сократить расход пропана), а оперировал мальчика врач, которому давно следовало уйти на пенсию, и ассистировали ему фельдшер, никогда не имевший дела с нейрохирургией, и единственная измученная медсестра, которая как раз подала голос:

– Мерцание желудочков⁶⁶, доктор Хаскел.

Сердечный монитор присоединился к монитору кровяного давления. Теперь они пикали хором.

– Я знаю, Джинни, я не труп. – Он помолчал. – То есть не глух. Господи.

Какие-то мгновения доктор и Расти смотрели друг на друга поверх накрытого простыней мальчика. Ясные, понимаю-

---

⁶⁶ Мерцание желудочков – аритмия сердца, ведущая к его остановке.

щие, что к чему, глаза Хаскела разительно отличались от глаз вооруженного стетоскопом человека, который обычно бледной тенью бродил по коридорам и палатам «Кэтрин Рассел». Но он все равно выглядел таким старым и хрупким.

— Мы пытались, — успокаивал его Расти.

Честно говоря, Хаскел не просто пытался; он напомнил Расти один из спортивных романов, которые ему так нравились в юности: стареющий питчер выходит из разминочной зоны, чтобы еще раз ухватить за хвост удачу в седьмой игре «Мировой серии». Но Расти и Джинни Томлинсон в этом действе годились только на роль зрителей, а старый боевой конь просто не мог рассчитывать на счастливый исход.

Расти начал с вливания солевого раствора, добавил маннитол, чтобы уменьшить отек мозга. Хаскел буквально выбежал из операционной, чтобы сделать анализ крови в лаборатории, расположенной в конце коридора, клинический анализ крови. Сделать это мог только Хаскел: Расти не имел необходимых навыков, а лаборанты отсутствовали. В «Кэтрин Рассел» катастрофически не хватало персонала. Расти подумал, что сын Динсморов станет лишь первым взносом из того счета, который придется оплатить городу за дефицит медиков.

Вывяснилось, что крови четвертой группы с отрицательным резусом в их небольших запасах не было вовсе. Зато имелаась кровь первой группы, универсального донора, и они использовали четыре дозы цельной крови из располага-

емых тринадцати. Пока в мальчика вливалась кровь, Хаскел отправил Джинни в маленькую каморку, которая служила больничной библиотекой. Медсестра вернулась с потрепанной книгой: «Нейрохирургия: Общие сведения».

Хаскел оперировал, положив книгу рядом с собой. Ушная воронка придавливала страницы, чтобы они не переворачивались. Расти подумал, что никогда не забудет визга пыли и запаха костной пыли в неестественно теплом воздухе, а также сгустка желеобразной крови, который вывалился из головы мальчика после того, как Хаскел вытащил костяную пробку.

Несколько минут Расти даже позволил себе надеяться на успех. Просверленная дыра позволила снизить давление гематомы, и физиологические показатели Рори стабилизировались... или показали тенденцию к стабилизации. Потом, когда Хаскел пытался определить, находится ли фрагмент пули в пределах досягаемости, все вновь покатилося под гору, и быстро.

Расти подумал о родителях, ждущих и надеющихся, хотя и понимающих, что никакой надежды быть не может. Левая дверь операционной вела к палате реанимации, и родители, войдя в последнюю по разрешению врача, могли взглянуть на сына. Но похоже, путь Рори лежал в правую дверь, к моргу.

– Будь это обычное время, я бы включил систему жизнеобеспечения и поговорил бы с родителями о донорстве ор-

ганов, – сказал Хаскел. – Но разумеется, в обычное время он находился бы не здесь, а совсем в другом месте. И даже если бы попал сюда, я бы не пытался оперировать его, руководствуясь этим чертовым описанием. – Он взял ушную воронку и зашвырнул ее через комнату. Она ударилась о зеленые кафельные плитки, отбила кусок одной и упала на пол.

– Вы хотите ввести адреналин, доктор? – спросила Джинни. Спокойная, хладнокровная, сдержанная, но едва держащаяся на ногах от усталости.

– Я выразился недостаточно ясно? Не хочу затягивать агонию ребенка. – Хаскел протянул руку к красному выключателю на задней стенке аппарата искусственного дыхания. Какой-то остряк, наверное, Твитч, украсил его наклейкой «УР-Р-РА!». – Желаете высказать противоположное мнение, Расти?

Тот обдумал вопрос, потом медленно покачал головой. Тест Бабинского дал положительный результат, показывая серьезные повреждения мозга, но главная причина состояла в том, что у них не было ни единого шанса. Причем с самого начала.

Хаскел повернул выключатель. Рори Динсмор один раз вдохнул сам, вроде бы попытался сделать второй вдох... и сдался.

– Это случилось... – Хаскел посмотрел на большие настенные часы, – в семнадцать пятнадцать. Укажешь время смерти, Джинни?

– Да, доктор.

Хаскел снял маску, и Расти с тревогой отметил, что губы у старика посинели.

– Пошли отсюда, – сказал Хаскел. – Жара меня убивает.

Но убила его не жара, а сердце. Он упал в коридоре, направляясь к Олдену и Шелли, чтобы сообщить им трагическую вестъ. Расти сделал укол адреналина, но тот не помог. Как не помог и закрытый массаж сердца, и дефибрилляция. Время смерти – семнадцать сорок девять. Рон Хаскел пережил своего последнего пациента ровно на тридцать четыре минуты.

Расти сидел на полу, привалившись спиной к стене. О смерти сына родителям Рори сообщила Джинни. С того места, где, закрыв лицо руками, сидел Расти, он слышал крики горя и печали, вырывавшиеся из груди Шелли. Они далеко разносились по практически пустой больнице. И казалось, никогда не смолкнут.

Барби подумал, что в молодости жена чифа была потрясающе красивой женщиной. Даже теперь, с темными мешками под глазами и в первой попавшейся под руку одежде (линялых джинсах и пижамной куртке), Бренда Перкинс выглядела ослепительной. По его убеждению, умные люди редко теряли красоту – если уж природа им ее подарила, – а в глазах Бренды светился живой ум. И что-то еще. Она, конечно, скорбела по мужу, но скорбь не лишила ее любопытства. И в данный момент именно он, Барби, представлял для нее интерес.

Поверх его плеча она смотрела на автомобиль Джулии, отъезжающий задним ходом. Вскинула руки, как бы спрашивая: «Ты куда?»

Джулия выглянула из окна.

– Должна убедиться, что газету развозят. Еще надо заглянуть в «Эглантерию» и передать Энсону Уилеру плохие новости – этим вечером сэндвичи придется готовить ему! Не волнуйся, Брен, Барби не опасен! – И прежде чем Бренда успела ответить или запротестовать, Джулия уже ехала по Морин-стрит, женщина, которой хватало дел.

Барби очень хотел находиться рядом с ней, очень хотел, чтобы его вечерняя программа ограничивалась сорока сэндвичами с ветчиной и сыром и сорока – с туном.

Когда Джулия уехала, Бренда вернулась к расспросам. Они стояли по разные стороны входной двери, и Барби чувствовал себя как кандидат на работу перед серьезным собеседованием.

– Правда? – спросила Бренда.

– Простите, мэм?

– Вы не опасны?

Барби обдумал вопрос. Двумя днями раньше ответил бы положительно, но сейчас чувствовал себя скорее солдатом в Фаллудже, нежели поваром в Честерс-Милле. В результате ответил, что он одомашненный, вызвав у нее улыбку.

– Что ж, придется мне выносить собственное суждение. Хотя теперь я не уверена, что оно будет правильным. Я понесла утрату.

– Знаю, мэм. И очень сожалею.

– Благодарю. Его похоронят завтра. Вынесут из нашего паршивенького маленького похоронного бюро, которое каким-то образом продолжает держаться на плаву, хотя весь город пользуется услугами бюро Кросмана в Касл-Роке. В городе «Похоронное бюро Боуи» называют «Похоронным сараем Боуи». Стюарт – идиот, а его брат Фернолд того хуже, но, кроме них, у нас никого нет. У меня никого нет. – Она вздохнула, словно женщина, которой предстоит большая работа.

И почему нет? – подумал Барби. Смерть любимого проявляет себя во многом, но в любом случае это тяжелый труд.

Она удивила его, спустившись с крыльца.

– Пойдемте во двор, мистер Барбара. Я, возможно, приглашу вас в дом, но позже, если буду в вас уверена. Обычно я полностью доверяю рекомендациям Джулии, но время сейчас необычное. – Бренда повела его вдоль дома, по выкошенной лужайке, с которой сгребли все осенние листья. Справа дощатый забор отделял дом Перкинсов от соседнего участка, по левую руку Барби видел ухоженные клумбы. – Цветами у нас занимался муж. Полагаю, вам представляется, что это странное хобби для защитника правопорядка.

– Я так не думаю.

– И я не думала. Но мы все равно в меньшинстве. В маленьких городках с воображением не очень. Грейс Металиус и Шервуд Андерсон⁶⁷ в этом совершенно правы. Опять же, – они обогнули угол и вышли на просторный двор, – здесь темнеет чуть позже. Генератор у меня есть, но утром он сдох. Закончился газ, как я понимаю. Один запасной баллон имеется, но я не знаю, как его подсоединить. Я пилила Гови за этот генератор. Он хотел научить меня, как его обслуживать. Я отказывалась учиться. В пику ему главным образом. – Слеза из одного глаза медленно поползла по щеке. Бренда рассеянно смахнула ее. – Я бы теперь извинилась перед ним, если б могла. Но не могу, так?

Барби знал, что риторические вопросы ответа не требуют.

---

⁶⁷ Грейс Металиус (1924–1964) и Шервуд Андерсон (1876–1941) – американские писатели.

– Это же переносной баллон. Я могу его заменить.

– Благодарю вас. – Она подвела его к столу, рядом с которым стояла сумка-холодильник. – Я хотела попросить об этом Генри Моррисона и собиралась купить в «Берпи» запасные баллоны, но к тому времени, когда собралась, «Берпи» уже закрылся, а Генри уехал на поле Динсмора вместе со всеми. Вы думаете, завтра я смогу купить баллоны с газом?

– Возможно. – Но Барби, честно говоря, сомневался.

– Я слышала о мальчике. Джина Буффалино из соседнего дома зашла и рассказала мне. Мне так жаль. Он выживет?

– Не знаю, – ответил Барби, но, поскольку интуиция подсказывала, что честность – самый прямой путь к завоеванию доверия этой женщины, добавил: – Думаю, что нет.

– Нет. – Бренда вздохнула, вновь вытерла глаза. – Нет... Это плохо. – Она открыла сумку-холодильник. – У меня вода и диет-кола. Единственный прохладительный напиток, который я разрешала пить Гови. Чему отдадите предпочтение?

– Мне воду, мэм.

Она открыла две бутылки «Поланд спринг», и они выпили. Бренда взглянула на него грустными любопытными глазами:

– Джулия сказала мне, что вам нужен ключ от здания муниципалитета. Я понимаю, зачем он вам нужен. Я также понимаю, почему вы не хотите, чтобы об этом узнал Джим Ренни...

– Возможно, его придется поставить в известность. Ситу-

ация изменилась. Видите ли...

Она подняла руку и покачала головой. Барби замолчал.

— Прежде чем вы мне это скажете, я хочу знать, что у вас произошло с Младшим и его друзьями.

— Мэм, разве ваш муж...

— Гови редко говорил о своих делах, но об этом происшествии рассказал. Думаю, его случившееся встревожило. Я хочу услышать, совпадет ли ваша история с рассказом Гови. Если да, мы поговорим и обо всем остальном. Если нет, я предложу вам уйти, хотя, возможно, бутылку с водой вы сможете унести с собой.

Барби указал на маленькую красную пристройку у левого угла дома:

— Это ваш генератор?

— Да.

— Если, рассказывая, я буду менять баллон, вы меня услышите?

— Да.

— И вы хотите знать все, так?

— Да, конечно. И если вы еще раз назовете меня «мэм», яогрею вас бутылкой.

Дверь в каморку с генератором удерживалась на месте сверкающим латунным крючком. Мужчина, который жил здесь до вчерашнего дня, поддерживал на участке идеальный порядок... хотя с пропаном опростоволосился. Барби решил, что на следующий день попытается раздобыть Брен-

де несколько баллонов пропана, как бы ни закончился этот разговор.

А тем временем, обратился он к себе, расскажи ей все, что она хочет знать о том вечере. Рассказывать Барби было легче, повернувшись к Бренде спиной. Не очень-то хотелось признаваться в причине случившегося: Энджи Маккейн решила, что с ним можно перепихнуться, как и с любым другим.

Правила «солнышка»⁶⁸, напомнил он себе и начал.

---

⁶⁸ Имеются в виду принятые конгрессом США поправки в регламент, обеспечивающие максимальную открытость работы комитетов и комиссий.

Самые яркие воспоминания, оставшиеся у него от прошлого лета, – песня Джеймса Макмертри, которая, похоже, звучала на всех углах. «Разговор на “Тексако”», так она называлась. Строка, которую он запомнил лучше всего: «Мы все должны знать наше место». После того как Энджи стала приклоняться к нему вплотную, когда он готовил, или прижималась грудью к его руке, если тянулась к чему-то уже приготовленному, эта строчка постоянно приходила на ум. Он знал, кто ее дружок, и он знал, что Френки Дилессепс – часть властной структуры города, хотя бы благодаря дружбе с сыном Большого Джима Ренни. Дейл Барбара, с другой стороны, мало чем отличался от бродяги. В заведенном порядке места ему просто не было.

Как-то вечером она провела рукой по его бедру, ухватила за промежность и чуть сжала. Он отреагировал, и по ее злоградской улыбке понял, что реакция не осталась незамеченной.

– Ты можешь сделать то же самое. Если хочешь. – Они стояли на кухне, и она приподняла подол юбки, короткой юбки, давая ему возможность взглянуть на розовые, с оборочками, трусики. – Тебе и мне приятно.

– Я пас, – ответил Барби, и она показала ему язык.

Такое случалось с ним на кухнях пяти или шести ресто-

ранов, и он иной раз даже подыгрывал. Обычно это говорило лишь о том, что молодая девушка решила пофлиртовать с более старшим и довольно-таки симпатичным парнем, работавшим вместе с ней. Но потом Энджи и Френки разбежались, и как-то вечером, уже после закрытия, когда Барби выливал помой в бак, она перешла к более активным действиям.

Он отвернулся от мусорного бака, и Энджи обхватила его руками за шею и поцеловала. Поначалу Барби ответил на поцелуй. Она опустила одну руку, чтобы взять его руку и положить себе на грудь. Это отрезвило Барби. Грудь была хорошая, юная и упругая, но могла навлечь на него беду. Энджи могла навлечь на него беду. Он попытался отстраниться, но она вцепилась в него (ногти уже впивались в шею) и попыталась прижаться к нему бедрами. Тут Барби ее оттолкнул, может, чуть сильнее, чем собирался. Энджи отбросило на мусорный бак. Она зло посмотрела на него, коснулась джинсов на заднице, злости во взгляде прибавилось.

– Спасибо тебе! Теперь у меня все штаны в дерьме!

– Ты должна знать, когда лучше дать задний ход, – сухо ответил он.

– Тебе понравилось!

– Возможно, но ты мне не нравишься. – Барби увидел, что злости и обиды во взгляде прибавилось, и добавил: – То есть ты мне нравишься, но не в этом смысле.

Четыре вечера спустя в «Дипперсе» кто-то сзади вы-

лил стакан пива ему на рубашку. Повернувшись, он увидел Френки Дилессепса.

– Тебе это понравилось, *Ба-а-арби*? Если да, я могу сделать это снова... сегодня кувшин стоит два бакса. Разумеется, если не понравилось, мы можем выйти на улицу.

– Я не знаю, что она тебе сказала, но это ложь, – ответил Барби. Играл музыкальный автомат – не песню Макмертри, но она звучала в его голове: *«Мы все должны знать наше место»*.

– Она мне сказала, что ответила тебе «нет», а ты не оставил и оттрахал ее. На сколько ты ее тяжелее? На сто фунтов? По мне, это изнасилование.

– Я этого не делал. – Но он понимал, что оправдываться бесполезно.

– Хочешь выйти на улицу, ублюдок, или слишком трусливый?

– Слишком трусливый. – И к удивлению Барби, Френки отошел. Барби решил, что на сегодня музыки и пива ему недостаточно, и уже поднимался, когда Френки вернулся, на сей раз не со стаканом, а с кувшином пива. – Не делай этого, – предупредил Барби, но, разумеется, Френки пропустил его слова мимо ушей. Выплеснул пиво ему в лицо, устроил душ из «Бад лайт». Несколько человек пьяно засмеялись и зааплодировали.

– Ты можешь выйти сейчас и решить этот вопрос, – сказал Френки, – или я могу подождать. Скоро закрытие, *Ба-*

а-арби.

Он пошел, понимая, что драки не избежать, в уверенности, что быстренько уложит Френки, пока этого не увидит много людей, и на том будет поставлена точка. Он мог даже извиниться и повторить, что с Энджи у него ничего не было. Мог добавить, что Энджи подкатывалась к нему, и полагал, что об этом знали многие (Роуз и Энсон точно знали). Может, пущенная из носа кровь отрезвит Френки и он поймет очевидное: эта маленькая сучка решила таким способом отомстить Барби.

Поначалу казалось, что все так и будет. Френк стоял на гравии, чуть расставив ноги, отбрасывая две тени в свете двух фонарей в разных концах парковки, подняв руки, как Джон Л. Салливан⁶⁹. Злой, сильный и глупый: типичный громила маленького городка. Привык сваливать противника одним сильным ударом, потом поднимать и наносить более слабые. Пока противник не просил пощады.

Френки шагнул вперед и пустил в ход не такое уж секретное оружие: апперкот, которого Барби избежал, чуть отклонив голову. И ответил прямым джебом в солнечное сплетение. Френки рухнул с написанным на лице изумлением.

– Нам совсем не обязательно... – начал Барби, и тут Младший ударил его сзади по почкам, вероятно, сцепленными руками, превратив их в большой кулак. Барби шагнул впе-

---

⁶⁹ Джон Лоренс Салливан (1858–1918) – американец, первый чемпион мира в тяжелом весе.

ред, но там оказался Картер Тибодо, который, находясь между двумя припаркованными автомобилями, вышел ему навстречу и ударил наотмашь. Если бы попал в цель, для Барби дело закончилось бы сломанной челюстью, но он успел поднять руку, получив в результате самый большой из синяков, который не прошел и в День Купола.

Барби метнулся в сторону, понимая, что это спланированная засада, зная, что должен убраться до того, как кому-то сильно достанется. И не обязательно ему. Он бы убежал – не страдал избытком гордости. Но успел сделать лишь три шага, а потом споткнулся о выставленную ногу Мелвина Сирлса. Распластался на гравии, и тут же начались пинки. Барби прикрывал голову, но доставалось ногам, заднице, рукам. Один удар пришелся по ребрам, когда ему удалось подняться на колени за автофургоном Коротышки Нормана.

Здравый смысл покинул его, и он больше не думал о том, чтобы убежать. Встал, повернулся к ним лицом. Выставил руки перед собой, ладонями вверх, шевеля пальцами. Подзывая. В зазор между автомобилями они могли попасть только по одному.

Младший попытался первым, и его энтузиазм Барби вознаградила пинком в живот. Барби был в кроссовках, не в высоких ботинках, но ударил сильно. Младший согнулся пополам у борта автофургона, жадно ловя ртом воздух.

Френки перебрался через него, и Барби дважды двинул ему в лицо – жалящие удары, но недостаточно сильные, что-

бы что-то сломать. Здравый смысл начал возвращаться.

Заскрипел гравий. Он вовремя повернулся, чтобы встретить лицом к лицу Тибодо, обошедшего его со спины. Удар Картера пришелся в висок. Перед глазами Барби вспыхнули звезды («А может, комета», – сказал он Бренде, открывая клапан нового баллона). Тибодо вновь надвинулся на него, и Барби сильно пнул его в лодыжку. Ухмылка Тибодо превратилась в гримасу. Он упал на одно колено, напоминая футболиста, держащего мяч перед реализацией попытки. Только игроки, владеющие мячом, обычно не хватались за лодыжки.

– Это грязный приемчик! – прокричал, выдвигая абсурдную претензию, Картер Тибодо.

– Кто бы го... – успел сказать Барби, прежде чем Мелвин Сирлс взял его шею в замок.

Барби врезал локтем по ребрам Сирлса, услышал, как из легких выходит воздух. И в нос ударил запах: пиво, сигареты, «Слим Джимс»⁷⁰. Барби ожидал, что Тибодо опять бросится на него до того, как он выберется из узкого прохода между автомобилями, куда отступил. Но Барби вдруг это перестало волновать. Лицо горело, ребра горели, и он решил, что отправит всех четверых в больницу. Там они смогли бы обсудить, какой прием честный, а какой – нет, иллюстрируя это рисунками на гипсовых повязках друг друга.

Именно тогда – вызванный Томми или Уиллоу Андерсонами, владельцами придорожного ресторана – чиф Перкинс

---

⁷⁰ «Слим Джимс» – копченые колбаски.

въехал на парковку. Фары осветили драчунов, как актеров на сцене.

Перкинс на мгновение включил сирену. Она взвыла и тут же смолкла.

Потом вылез из патрульного автомобиля, натягивая ремень на внушительное брюхо.

– Не слишком ранний день недели для таких развлечений, парни, а?

На что Ренни-младший ответил...

Продолжения Бренде не требовалось: Гови ей все рассказал, и она нисколько не удивилась. Даже ребенком сын Большого Джима врал без зазрения совести, особенно когда на кону стояли его интересы.

– На что Младший ответил: «Начал повар». Я права?

– Да. – Барби нажал на кнопку включения, и генератор ожил. Улыбнулся Бренде, хотя и чувствовал, как горят щеки. Он рассказал не самую любимую свою историю. Хотя предпочел бы ее рассказу о том, что однажды произошло в спортивном зале в Фаллудже. – Ну вот: будет свет, холодильник, все прочее.

– Спасибо. Как долго он протянет?

– Только пару дней, но к тому времени все, возможно, закончится.

– Или нет. Полагаю, вы знаете, кто спас вас в тот вечер от поездки в тюрьму округа?

– Конечно. Ваш муж видел, как все происходило. Четверо на одного. Не заметить было трудно.

– Любой другой коп этого бы не увидел, даже если бы все происходило на его глазах. И вам повезло, что в тот вечер Гови выехал на патрулирование: дежурить полагалось Джорджу Фредерику, но тот слег с желудочным гриппом. – Она помолчала. – Можете назвать это провидением, а не удачей.

– Могу, – охотно согласился Барби.

– Не хотите ли пройти в дом, мистер Барбара?

– Почему бы не посидеть здесь? Если вы не возражаете.

Тут хорошо.

– Не возражаю. Погода скоро переменится. Похолодает. Или нет?

Барби ответил, что не знает.

– Когда Гови привез вас всех в участок, Дилессепс сказал ему, что вы изнасиловали Энджи Маккейн. Разве не так?

– То была его первая версия. Потом он сказал, что, возможно, изнасилования и не было, но, когда Энджи испугалась и попросила меня остановиться, я ее не послушал. Полагаю, это должно означать частичное изнасилование.

Она чуть улыбнулась:

– Только не говорите при феминистках о частичном изнасиловании.

– Да уж, пожалуй, не стоит. В любом случае ваш муж отправил меня в комнату для допросов, которая днем, наверное, служила чуланом для швабр...

Бренда рассмеялась.

– ...а потом вызвал Энджи. Посадил ее так, чтобы она смотрела мне в глаза. Черт, мы практически соприкасались локтями. Требуется серьезная подготовка, чтобы лгать о чем-то серьезном, особенно молодому мужчине или женщине. Я это выяснил еще в армии. Ваш муж тоже это знал. Сказал ей, что дело пойдет в суд. Объяснил, какое полагает-

ся наказание за дачу ложных показаний. Короче, она сказала правду. Призналась, что никакого полового акта не было, не говоря уж об изнасиловании.

– Гови придерживался принципа: «Логика превыше закона». Исходя из него и действовал. Питер Рэндолф все делает не так отчасти потому, что тугодум, но главным образом потому, что ему не под силу держать Ренни в узде. Мой муж мог. Гови говорил мне, что мистер Ренни, как только ему стало известно о вашей ссоре, потребовал, чтобы вас хоть в чем-то да обвинили. Он рвал и метал. Вы это знали?

– Нет. – Но Барби не удивился.

– Гови сказал мистеру Ренни, что он передаст в суд все материалы, если дело дойдет до суда, в том числе указывающие, что на парковке четверо напали на одного. Он добавил, что хороший адвокат по уголовным делам раскопает, что творили Френки и Младший в старшей школе. А натворили они много чего, хотя их старые проделки не шли ни в какое сравнение с тем, что случилось с вами. – Она покачала головой. – Ренни-младший никогда не был пай-мальчиком, но и особого вреда не приносил. Однако за последний год, может, чуть больше, он изменился. Гови это видел и тревожился. Как мне стало известно, Гови многое знал и о сыне, и об отце... – Бренда замолчала.

Барби видел, что она никак не может решить, продолжать ей или нет: жена начальника полиции маленького городка, Бренда привыкла держать язык за зубами, а такие привычки

умирали медленно.

– Гови посоветовал вам покинуть город до того, как Ренни найдет способ навредить вам, так? Как я понимаю, вы не смогли уйти, потому что Купол появился до того, как вы это сделали?

– Именно так. Могу я теперь выпить «диет-колу», миссис Перкинс?

– Зовите меня Бренда. И я буду звать вас Барби, если вам так привычнее. Пожалуйста, возьмите газировку.

Барби взял.

– Вам нужен ключ от атомного убежища, чтобы взять там счетчик Гейгера. Я могу вам помочь и сделаю это. Но вы вроде бы сказали: Ренни должен быть в курсе, это меня тревожит. Может, горе затуманило мне рассудок, но я не понимаю, для чего вам хоть в чем-то соперничать с ним. Большой Джим выпрыгивает из штанов, стоит кому-то попытаться оспорить его власть, а вы с самого начала у него не в чести. Если бы мой муж оставался начальником полиции, возможно, вы вдвоем смогли бы пойти к Ренни. Думаю, я бы получила от этого огромное удовольствие. – Она наклонилась вперед, пристально всмотрелась в него. Под глазами темнели мешки. – Но Гови нет, а вы в любой момент можете оказаться в камере, вместо того чтобы искать этот загадочный генератор.

– Я знаю, но появилась новая информация. Завтра в час дня военные собираются выстрелить по Куполу крылатой ра-

кетой.

– Господи Иисусе!

– Они стреляли и другими ракетами, но лишь для того, чтобы определить высоту барьера – на радаре он не виден. И с макетными боеголовками. Эта будет настоящая. Для уничтожения подземных целей.

Она заметно побледнела.

– И в какую часть нашего города они собираются стрелять?

– На месте пересечения Купола с Литл-Битч-роуд. Прощлым вечером мы с Джулией там побывали. Ракета взорвется примерно в пяти футах от земли.

У нее – что так не пристало даме – просто отвалилась челюсть.

– Это невозможно!

– Боюсь, так и будет. Ракету запустят с «Б-52», и полетит она по запрограммированному маршруту. Действительно запрограммированному. С учетом всех возвышенностей и долин, как только она спустится на высоту цели. Мощь у нее жуткая. Если ракета взорвется и не пробьет Купол, горожане только сильно напугаются. Грохота будет как при Армагеддоне. А если она пробьет Купол...

Ее рука поднялась к шее.

– Будут сильные разрушения? Барби, у нас нет пожарных машин!

– Я уверен, что вся пожарная техника будет стоять наго-

тове. Что же касается разрушений... – Он пожал плечами. – Эвакуировать придется всех.

– Это правильно? Власти приняли правильное решение?

– Вопрос спорный, миссис... Бренда. Так или иначе, они его приняли. Но боюсь, это не самое худшее. – И Барби добавил, увидев выражение ее лица: – Для меня – не для города. Я – теперь полковник. Президент подписал указ.

Она закатила глаза.

– Я вас поздравляю.

– Я должен объявить в Честерс-Милле военное положение и взять власть. Джиму Ренни это понравится? – Она удивила его, рассмеявшись. И Барби удивил себя, последовав ее примеру. – Понимаете, что получается? Город не должен знать о том, что я позаимствовал счетчик Гейгера, но горожанам необходимо знать, что по ним выстрелят ракетой с боеголовкой, какими взрывают подземные бункеры. Джулия Шамуэй распространит данную информацию, если я этого не сделаю, но отцы города должны услышать ее от меня. Потому что...

– Я знаю почему. – Благодаря краснеющему солнцу с лица Бренды ушла бледность. Она рассеянно потирала руки. – Если вы должны установить здесь власть... как того хочет ваш командир...

– Полагаю, теперь Кокс – мой коллега.

Бренда вздохнула:

– Андреа Гриннел. Мы должны пойти с этим к ней. Потом вместе поговорим с Ренни и Энди Сандерсом. По крайней

мере численный перевес будет на нашей стороне, трое против двоих.

– Сестра Роуз? Почему?

– Вы не знаете, что она третий член городского управления? – И добавила, когда он покачал головой: – Не огорчайтесь. Многие того не знают, хотя эту должность Андреа занимает несколько лет. Обычно она «чего изволите» для первых двух лиц города... точнее, для Ренни, поскольку Энди Сандерс – тот же «чего изволите»... И у нее есть... проблемы... но и характер тоже. Или был.

– Какие проблемы?

Он подумал, что и этим она делиться не будет, но ошибся:

– Наркотическая зависимость. Болеутоляющие. Я не знаю, как далеко все зашло.

– И, как я понимаю, лекарства она получает в «Аптечном магазине Сандерса»?

– Да. Я знаю, это не идеальное решение, а вам нужно быть предельно осторожным, но... Целесообразность может заставить Ренни какое-то время терпеть ваше присутствие. Но ваше лидерство? – Бренда покачала головой. – Он подотрет задницу любым объявлением военного положения, с подписью президента или без оной. Я...

Она замолчала. Смотрела куда-то ему за спину, и глаза округлялись.

– Миссис Перкинс? Бренда? Что такое?

– Ох! – выдохнула она. – Ох, Господи!

Барби обернулся, и изумление лишило дара речи и его. Солнце, как и всегда, становилось красным, спускаясь к горизонту после теплых, ясных дней, когда после полудня обходилось без дождя. Но никогда в жизни он не видел такого заката. У него зародилась мысль, что подобные закаты открываются глазам только тех, кто находится в непосредственной близости от извергающегося вулкана.

Нет, и они такого никогда не видели. Это нечто совершенно новое.

Заходящее солнце разительно отличалось от шара. Оно напоминало огромный красный галстук-бабочку с пылающей круглой серединой. На западную часть небосвода словно наклеили тонкую пленку цвета крови, но с набором высоты она становилась грязно-оранжевой. И вот эта грязная пленка практически полностью скрывала горизонт.

– Святый Боже, все равно что смотришь сквозь грязное ветровое стекло, когда едешь прямо на солнце, – прокомментировала Бренда.

И так оно и было, только роль ветрового стекла выполнял Купол. Он уже начал собирать пыль и пыльцу. И загрязняющие вещества. И эта пленка могла только утолщаться.

Мы должны его помыть, подумал Барби и представил добровольцев с ведрами и тряпками. Абсурд. Как они будут мыть Купол на высоте сорока футов? Или ста сорока? Или тысячи?

– С этим надо покончить, – прошептала Бренда. – Позво-

ните полковнику и скажите: пусть запустят самую большую ракету, и черт с ними, с последствиями. Потому что с этим нужно покончить.

Барби промолчал. Не знал, сумеет ли заговорить, даже если и хотел бы что-то сказать. Этот бескрайний пыльный блеск оставил его без слов. Он будто смотрел в иллюминатор, по другую сторону которого находился ад.

Няк, няк, няк

1

Джим Ренни и Энди Сандерс наблюдали необычный закат со ступенек «Похоронного бюро Боуи». В семь вечера в муниципалитете намечалось еще одно «чрезвычайное экспертное заседание», и Большой Джим хотел прийти пораньше, чтобы подготовиться к нему, но в тот момент они стояли и наблюдали, как день умирал такой загадочной грязной смертью.

– Похоже на конец света. – В тихом голосе Энди слышалось благоговение.

– Выдумки! – фыркнул Большой Джим, и даже ему собственный голос показался очень уж резким – по простой причине: подумал он о том же. Впервые с момента появления Купола у него возникла мысль, что возникшая ситуация им не по зубам – *ему* не по зубам, – но мысль эту он с яростью отверг. – Ты видишь Христа, Господа нашего, спускающегося с неба?

– Нет, – признал Энди. Он видел только горожан, которых знал всю жизнь. Они группками стояли вдоль Главной улицы, не разговаривали, только смотрели на этот странный закат, прикрывая руками глаза.

– Ты видишь меня? – настаивал Большой Джим.

Энди повернулся к нему.

– Конечно, вижу. – В голосе звучало недоумение. – Конечно, вижу, Большой Джим.

– А это означает, что я не вознесся. Я уже много лет как отдал мое сердце Иисусу, и, будь это конец света, я бы здесь не стоял. Да и ты тоже.

– Наверное, нет. – Но в голосе Энди звучало сомнение. Если их ждали Небеса – и омовение кровью агнца, – почему они только что говорили со Стюартом Боуи о закрытии «нашего маленького дельца», как это называл Большой Джим. И как они вообще могли заниматься таким бизнесом? Как производство метамфетамина могло помочь спасению души?

Если бы Энди спросил об этом Большого Джима, то мог заранее предсказать ответ: цель иногда оправдывает средства. Цели в данном конкретном случае казались замечательными, сказочными: новая церковь Святого Исккупителя (старая являла собой лачугу с оштукатуренными стенами и деревянным крестом на крыше); радиостанция, которая спасла множество душ (только Господь знал, сколько именно); десять процентов, которые они передавали – не привлекая к себе внимания, чеками, выписанными банком на Каймановых островах – «Миссионерскому обществу Господа Иисуса», чтобы помочь «неприметным коричневым братьям», как нравилось называть их пастору Коггинсу.

Но, глядя на гигантский, размытый по небу закат, каза-

лось, говорящий о том, что все человеческие дела мелки и никчемны, Энди пришлось признать: эти цели – всего лишь оправдание. Без денежного потока, который обеспечивало производство мета, его аптечный магазин разорился бы шестью годами раньше. То же самое произошло бы и с похоронным бюро. И – хотя человек, который сейчас стоял рядом с ним, никогда бы этого не признал – с «Салоном подержанных автомобилей Джима Ренни».

– Я знаю, о чем ты думаешь, дружище, – ворвался в его размышления голос Большого Джима.

Энди застенчиво посмотрел на него. Большой Джим улыбался... но не яростной улыбкой. Наоборот, мягкой, понимающей. Энди улыбнулся в ответ... или попытался. Он считал, что многим обязан Большому Джиму. И в этом списке аптечный магазин и «БМВ» Клоди стояли далеко не на первом месте. Какой прок погибшей жене от «БМВ», пусть даже с парктроником и стереосистемой, управляемой голосом?

Когда все закончится и Доди вернется, я отдам «бумер» ей, решил Энди. Клоди одобрила бы.

Большой Джим протянул руку с короткими пальцами к заходящему солнцу, которое распласталось по западному горизонту как огромное отравленное яйцо.

– Ты думаешь, все это каким-то образом наша вина. И Бог наказывает нас за то, что мы напрасно удерживали город на плаву, когда для него наступили тяжелые времена. Это неправда, дружище. Бог тут ни при чем. Если бы ты сказал,

что поражение во Вьетнаме – это от Бога, который предупредил Америку, что она сходит с пути истинного, я бы с тобой согласился. Если бы ты сказал, что одиннадцатое сентября – реакция Высшего существа на решение Верховного суда, постановившего, что маленьким детям не обязательно начинать день с молитвы Богу, который их создал, я бы с тобой согласился. Но чтобы Бог наказывал Честерс-Милл, потому что мы не захотели его превращения в еще один город-призрак, вроде Джея или Миллинокета? – Он покачал головой: – Нет, сэр. Нет.

– Мы также клали неплохие деньги в собственные карманы, – робко заметил Энди.

Что правда, то правда. Они не только поддерживали свои предприятия и протягивали руку помощи неприметным коричневым братьям. У Энди был свой счет на Каймановых островах. И на каждый доллар, достававшийся Сандерсу – или, к слову сказать, Боуи, – Большой Джим, и Энди мог на это поспорить, получал три. Может, и четыре.

– Трудящийся достоин пропитания, – назидательно, но мягко указал Большой Джим. – От Матфея, десять-десять. – Правда, не удосужился процитировать предыдущий стих: «Не берите с собой ни золота, ни серебра, ни меди в пояса свои». Ренни посмотрел на часы. – Раз уж разговор зашел о работе, дружище, нам пора. Нужно многое решить. – И он зашагал к муниципалитету. Энди последовал за ним, не отрывая глаз от заката, который пылал так ярко, что вызвал у

него ассоциации с воспаленной плотью. – В любом случае ты слышал Стюарта – мы закрыли лавочку. «Все сделано и застегнуто», как сказал маленький мальчик, когда впервые воспользовался ширинкой. Стюарт сам говорил с Шефом.

– Тот еще тип, – мрачно пробурчал Энди.

Большой Джим хохотнул.

– О Филе не волнуйся. Мы закрылись и останемся закрытыми, пока не закончится кризис. Более того, возможно, это знак, что закрыться нам надо навсегда. Знак свыше.

– Это было бы хорошо, – ответил Энди. И тут же его неприятно поразила мысль: когда Купол исчезнет, Большой Джим может передумать, а если он передумает, Энди с ним согласится. Как и Стюарт Боуи, как и его брат Фернолд. С радостью. Отчасти потому, что деньги такие большие – не говоря о том, что с них не нужно платить налоги, – отчасти потому, что все они уже очень глубоко завязли. Он вспомнил слова одной давно ушедшей кинозвезды: «К тому времени, когда я понял, что не люблю играть, я стал слишком богатым, чтобы завязать с этим».

– Тревожиться не о чем, – продолжил Большой Джим. – Через пару недель мы начнем завозить пропан в город, разрешится ситуация с Куполом или нет. Мы воспользуемся городскими грузовиками, на которых возят песок. Ты же помнишь, как работает механическая коробка передач?

– Да, – мрачно ответил Энди.

– И... – Большой Джим просиял, так ему понравилась осе-

нившая его идея. — Мы сможем воспользоваться катафалком Стю! Тогда часть баллонов удастся переправить в город скорее.

Энди промолчал. Ему не нравилось, что они экспроприировали (так называл это Большой Джим) огромное количество пропана из различных городских источников, но по всему выходило, что это самый безопасный путь. Производство они поставили на широкую ногу, — отсюда существенный расход пропана (и мощный выброс вредных газов). Большой Джим прямо указал, что закупка пропана в больших количествах может вызвать подозрения. Так же как и закупка большого количества лекарств, отпускаемых без рецепта, которые использовались в процессе производства.

Конечно, наличие аптечного магазина облегчало такие приобретения, хотя Энди очень нервничал из-за объемов робитуссина и судафеда, которые приходили в Честерс-Милл. Он думал, что именно на этом они и погорят. Но ранее не принимал во внимание огромный запас контейнеров и баллонов с пропаном, складированных за зданием радиостанции ХНВ.

— Между прочим, сегодня в муниципалитете электричества будет в достатке. — Большой Джим говорил таким тоном, будто сообщал приятный сюрприз. — Я попросил Рэндолфа послать моего парня и его приятеля Френки в больницу и взять один из их контейнеров для нашего генератора.

На лице Энди отразилась тревога:

– Но мы уже взяли...

– Знаю, – мягко прервал его Ренни. – Знаю, что взяли. Не волнуйся из-за «Кэтрин Рассел», пока пропана у них предостаточно.

– Ты мог бы взять их на радиостанции... там их очень много...

– Больница ближе. И так безопаснее. Пит Рэндолф – наш человек, но это не означает, что его надо посвящать в это наше маленькое дельце. Теперь или вообще.

Последнее замечание окончательно убедило Энди, что на самом деле Ренни не собирается закрывать фабрику.

– Джим, если мы начнем возвращать пропан в город, что мы скажем насчет того, где он был? Сошлемся на Газовую фею, которая сначала взяла пропан, а потом решила вернуть?

Ренни нахмурился:

– Ты думаешь, это смешно, дружище?

– Нет, я думаю, это страшно!

– У меня есть план. Мы объявим о создании городского склада топлива и о необходимости нормирования пропана, если возникнет такая необходимость. И печного топлива, если придумаем, как использовать его при отключенном электричестве. Мне не по душе идея нормирования – это совсем не по-американски – но нельзя забывать про ту басню про стрекозу и муравья. В городе полно олухов, которые используют все за месяц, а потом будут орать на нас, требуя, чтобы

мы заботились о них при первых признаках похолодания!

– Ты же не думаешь, что все затянется на *месяц*?

– Разумеется, нет, но ты знаешь, как говорят старожилы: надеясь на лучшее, готовься к худшему.

Энди хотел было напомнить, что они уже использовали немалое количество городских запасов пропана на изготовление кристаллического мета, но предугадал ответ Большого Джима: «Откуда мы могли знать?»

Разумеется, не могли. Кто в здравом уме мог предположить, что их так неожиданно отсекут от всех ресурсов? При том что обычно ты строишь планы на все случаи жизни. И даже больше. Так уж устроена Америка. Чего-то не предусмотреть – оскорбление разума и духа.

– Ты не единственный, кому не понравится идея нормирования.

– Вот почему нам нужна полиция. Мы все скорбим о Гови Перкинсе, но он сейчас с Иисусом, а у нас Пит Рэндолф. Что в сложившейся ситуации для города плюс. Потому что он *слушает*. – Ренни наставил палец на Энди. – Люди в этом городе, собственно, как и везде, не очень-то отличаются от детей, когда речь заходит об их интересах. Сколько раз я тебе это говорил?

– Много. – Энди вздохнул.

– И что надо заставлять детей делать?

– Есть овощи, если они хотят получить десерт.

– Да. А иногда приходится и щелкнуть кнутом.

– Раз уж об этом зашла речь. На поле Динсмора я разговаривал с Самантой Буши... одной из подруг Доди. Она говорит, что некоторые копы вели себя грубо. Очень грубо. Нам надо бы поговорить об этом с чифом Рэндолфом.

Джим нахмурился:

– А чего ты ожидал, дружище? Белых перчаток? Там чуть не произошел бунт. У нас, в Честерс-Милле, едва не начался ёханный бунт!

– Я знаю, ты прав, но все-таки...

– Я знаю эту Буши. Знал всю ее семью. Наркоманы, автомобильные воры, не возвращали ссуды, не платили налогов. Все те, кого мы называли белой швалью, пока это не стало политически некорректным. Люди, на которых мы должны сейчас обращать самое пристальное внимание. *Те самые люди.* Они могут разорвать город в клочья, получи хоть малейший шанс. Этого ты хочешь?

– Нет, разумеется, нет...

Но Большой Джим уже разошелся:

– В каждом городе есть свои муравьи – это хорошо – и свои стрекозы, что не очень хорошо, но мы должны с ними жить, поскольку понимаем таких, как они, и можем заставить делать то, что в их же интересах. Даже если иной раз приходится на них надавить. Но в каждом городе есть и своя саранча, совсем как в Библии, и это люди, подобные Буши. На них мы должны опустить свой молот. Нравится тебе или нет, но личной свободой придется поступиться, пока все это

не закончится. И мы тоже приносим жертвы. Разве не собираемся закрыть наше маленькое дельце?

Энди не стал возражать, что выбора у них нет, поскольку произведенную продукцию все равно нельзя вывезти из города, ограничился коротким «да». Он не хотел больше говорить об этом, и его страшило грядущее заседание, которое могло затянуться до полуночи. Желание у него было одно: вернуться в пустой дом, выпить чего-нибудь крепкого, а потом прилечь, думать о Клоди и плакать, пока не придет сон.

– Самое важное сейчас, дружище, – удержать корабль на плаву. Это означает – закон, и порядок, и надзор. *Наш* надзор, потому что мы не стрекозы. Мы – муравьи. Муравьи-солдаты. – Большой Джим задумался. А когда заговорил вновь, тон его стал предельно деловым: – Я пересматриваю наше решение позволить «Миру еды» работать в обычном режиме. Я не говорю, что мы должны немедленно закрыть супермаркет – пока это ни к чему, – в ближайшие пару дней нам надо не сводить с него глаз. Как гребаным коршунам. То же самое относится и к «Бензину и бакалее». И, наверное, будет неплохо экспроприировать часть наиболее раскупаемых продуктов для нашего персонала...

Он остановился, глядя на лестницу, ведущую к дверям муниципалитета. Не мог поверить своим глазам и поднял руку, чтобы прикрыть их от яростного заката. Ничего не изменилось. Наверху сидели Бренда Перкинс и этот трехханный смутьян Дейл Барбара. И не бок о бок. Между ними, ожив-

ленно болтая с вдовой чифа Перкинса, расположилась Андреа Гриннел, третий член городского управления. И они передавали из рук в руки какие-то листы бумаги.

Большому Джиму это не понравилось.

Совершенно не понравилось.

Он двинулся к ним с намерением положить конец этому разговору, о чем бы тот ни шел. Но не успел сделать и пяти шагов, как к нему подбежал мальчишка. Один из сыновей Кильяна. С десятков Кильянов жили в полуразвалившейся лачуге на птицеферме, расположенной у границы с Таркерс-Миллсом. Никто из детей особым умом не отличался – да и откуда, учитывая, что у них за родители, – но все были на хорошем счету в Святом Исккупителе, другими словами, всех ждала дорога в рай. Этого вроде бы звали Ронни... по крайней мере Ренни так думал, но поручиться не мог. Очень уж они были похожи: круглые головы, низкие лбы, крючковатые носы.

Мальчик, одетый в старую футболку с надписью «ХНВ» на груди, держал в руке записку.

– Эй, мистер Ренни! Оосподи, я искал вас по всему городу!

– Боюсь, сейчас я не смогу поговорить с тобой, Ронни. – Большой Джим все посматривал на троицу, что устроилась на лестнице. Этих треханых придурков. – Может, завтра...

– Я – Ричи, мистер Ренни. Ронни – мой брат.

– Ричи. Ну конечно. А теперь извини меня. – И Большой Джим размашистым шагом устремился вперед.

Энди взял записку из руки мальчика и догнал Ренни – тот

еще не успел добраться до лестницы.

– Лучше бы тебе взглянуть.

Сначала Большой Джим взглянул на лицо Энди, еще более встревоженное. Потом взял записку.

Джеймс!

Я должен увидеться с тобой этим вечером. Я должен поговорить с тобой, прежде чем поговорю с городом. Пожалуйста, ответь. Мою записку принесет тебе Ричи Кильян.

Преподобный Лестер Коггинс.

Не Лес, даже не Лестер. Нет. «Преподобный Лестер Коггинс». Нехорошо. Почему, ну почему все это должно происходить одновременно?

Мальчишка стоял перед книжным магазином, выглядел как сирота в линялой футболке и мешковатых, спадающих джинсах. Ренни позвал его к себе. Мальчишка скоренько подбежал. Большой Джим достал ручку с золотой надписью: «ВАМ НИ В ЧЕМ НЕ ЗНАТЬ ОТКАЗУ, БОЛЬШОЙ ДЖИМ ПОМОЖЕТ СРАЗУ», – и нацарапал два коротких предложения: «В полночь. У меня дома». Сложил листок и протянул мальчику:

– Отнеси ему. *И не читай.*

– Не буду. Ни за что!! Благослови вас Бог, мистер Ренни.

– И тебя тоже, сынок. – Он проводил мальчишку взглядом.

– О чем речь? – спросил Энди. И прежде чем Большой

Джим успел ответить, добавил: – О фабрике? О мете...

– Заткнись!

Шокированный Энди отступил на шаг. Большой Джим никогда с ним так не говорил. Значит, дело совсем плохо.

– Не все сразу, – пробормотал Ренни и двинулся на встречу самой насущной проблеме.

Наблюдая за приближающимся Ренни, Барби подумал: *Он идет, как человек, который болен, но не знает об этом*. Ренни также шагал, как человек, всю жизнь раздававший другим пинки. И плотоядно улыбался, когда взял Бренду за руки и сжал их. Она позволила ему это сделать, держалась спокойно и сдержанно.

– Бренда, мои глубочайшие соболезнования. Мне следовало зайти раньше... и, разумеется, я буду на похоронах... но столько навалилось дел. Не только на меня.

– Я понимаю.

– Нам очень недостает Герцога.

– Это точно, – добавил Энди, выглядывая из-за спины Большого Джима: буксир в кильватере океанского лайнера. – Очень недостает.

– Премного благодарна вам обоим.

– И хотя я бы с удовольствием обсудил твои проблемы... я вижу, что они у тебя есть... – Улыбка Большого Джима стала шире, но глаза оставались холодными. – У нас очень важное совещание. Андреа, не могла бы ты пойти первой и подготовить документы?

Андреа, которой перевалило за пятьдесят, в тот момент выглядела девочкой, которую поймали, когда она схватила с подоконника горячий пирожок с вареньем. Женщина начала

подниматься (поморщившись от боли в спине), но Бренда крепко взяла ее за руку. И Андреа вновь села.

Барби вдруг осознал, что Гриннел и Сандерс насмерть испуганы. И причина страха – не Купол, во всяком случае, в тот момент, а Ренни. Вновь он подумал: *Все еще не так плохо, худшее впереди.*

– Я думаю, будет лучше, если ты уделишь нам некоторое время, – доброжелательно заговорила Бренда. – Конечно же, ты понимаешь, если б не важное дело... *очень важное...* я бы сидела дома, оплакивая мужа.

Большой Джим – редкий случай – не нашелся с ответом. Люди на улице, которые ранее наблюдали закат, теперь смотрели на импровизированный митинг. Ренни казалось, что значимость Барбары, которой тот не заслуживал, росла потому, что он сидел рядом с третьим членом городского управления и вдовой умершего начальника полиции. Да еще они передавали друг другу какие-то бумаги, словно письма от папы римского. И кому принадлежала идея этой показухи? Разумеется, Перкинс. Андреа не хватило бы ума. И храбрости, чтобы на людях противопоставить себя ему, Большому Джиму.

– Что ж, может, несколько минут... Что скажешь, Энди?

– Конечно. Для вас несколько минут всегда найдутся, миссис Перкинс. Я действительно очень сожалею о смерти Герцога.

– И я сожалею о смерти твоей жены, – со всей серьезно-

стью ответила она.

Их взгляды встретились. Это было мгновение истинной скорби, и Большому Джиму хотелось рвать волосы на голове. Он знал, что не должен позволять себе таких чувств – плохо отражалось на давлении, а что плохо для давления, то плохо для сердца, – но иной раз так трудно заставить себя сдержаться. Особенно если тебе только что вручили записку от человека, который слишком много знал, а теперь верил, что собирается обратиться к городу и этого хочет Бог. И если Большой Джим правильно предположил, что именно вбил себе в голову Коггинс, дело Бренды наверняка не стоило и выеденного яйца.

Хотя как знать? Потому что Бренда Перкинс никогда не любила его и она была вдовой мужчины, которого теперь город чтит – без всякой на то причины – героем. Но первое, что ему следовало сделать...

– Давайте пройдем в дом. Мы поговорим в зале заседаний. – Его взгляд сместился на Барби: – Вы тоже как-то с этим связаны, мистер Барбара? Я ума не приложу, каким образом.

– Надеюсь, это вам поможет. – Барби протянул ему листы бумаги, которые, как заметил Ренни, ранее передавались из рук в руки. – В свое время я служил в армии. Капитаном. Так уж вышло, что меня вновь призывали на службу. И повысили в звании.

Ренни взял листы, держа за уголок, словно они обжигали

пальцы. Письмо выглядело куда более изысканным, чем мятая записка, которую передал ему Ричи Кильян, и пришло от куда более известного адресата. С простой, однако, шапкой: «ИЗ БЕЛОГО ДОМА». Судя по дате, отправили его именно в этот день.

Ренни пощупал бумагу. Глубокая вертикальная полоса образовалась между кустистыми бровями.

– Это не бланк Белого дома.

Разумеется, он самый, глупый ты наш, едва не сорвалось с губ Барби. Час назад письмо доставил член эскадрильи эльфов из «Федерал экспресс». Этот маленький сукин сын просто телепортировался сквозь Купол. Ему-то что?

– Разумеется, нет, – ответил Барби, как мог, добродушно. – Оно пришло по Интернету, в виде пэ-дэ-эф-файла. Миз Шамуэй загрузила его в свой компьютер и распечатала.

Джулия Шамуэй. Еще одна смутьянка.

– Прочитай его, Джеймс, – подала голос Бренда. – Это важно.

Большой Джим прочитал.

Бенни Дрейк, Норри Кэлверт и Пугало Джо Макклэтчи стояли перед редакцией «Демократа», единственной издающейся в Честерс-Милле газеты. Каждый с фонариком. Бенни и Джо держали свои в руках, тогда как Норри сунула фонарик в широкий передний карман «кенгуру». Все смотрели на муниципалитет, где несколько человек – включая всех троих членов городского управления и повара из «Эглантирии» – вроде бы о чем-то совещались.

– Интересно, о чем они говорят, – озвучила свое любопытство Норри.

– Обычное взрослое дерьмо. – Бенни продемонстрировал полнейшее отсутствие интереса и постучал в дверь редакции.

Когда ответа не последовало, Джо протиснулся мимо него и повернул ручку. Дверь открылась. Он сразу понял, почему миз Шамуэй не слышала их: большой копир работал на полную мощность, тогда как она сама разговаривала со спортивным репортером и парнем, который в этот день фотографировал на поле.

Она увидела подростков и помахала рукой, предлагая войти. Отдельные листы один за другим выстреливались в лоток копира. Пит Фримен и Тони Гуэй, который все же, как и Пит, остался в городе на уик-энд, по очереди брали их и

укладывали в стопки.

– А вот и вы! – явно обрадовалась Джулия. – Я боялась, что вы не придете. Мы почти готовы. Конечно, если этот чертов копир не нагадит в постель.

Джо, Бенни и Норри встретили это очаровательное bon mot молчаливым одобрением, каждый решил, что воспользуется им при первой представившейся возможности.

– Вы получили разрешение от своих стариков? – спросила Джулия. – Я не хочу, чтобы толпа рассерженных родителей вцепилась мне в волосы.

– Да, мэм, – кивнула Норри. – Мы все получили.

Фримен пытался перевязать стопку листов шпагатом. Получалось не очень. Норри наблюдала. Она умела завязывать пять различных узлов. А также привязывать блесну. Ей показал отец. Она, в свою очередь, показала ему, как съезжать по перилам, и, свалившись первый раз, он смеялся, пока по щекам не покатились слезы. Она думала, ее отец – лучший во Вселенной.

– Хотите, я это сделаю? – предложила Норри.

– Если у тебя получится лучше, конечно. – Пит отступил в сторону.

Она двинулась к стопкам газет, Джо и Бенни следовали за ней по пятам. Потом увидела большой черный заголовок на одностраничном экстренном выпуске и остановилась.

– Вот дерьмо!

Как только слова слетели с губ, Норри прижала руки ко

рту, но Джулия только кивнула.

– Это натуральное дерьмо, все правильно. Надеюсь, вы все приехали на велосипедах, как мы и договаривались, и у каждого есть корзинка на руле. На скейтбордах газеты развозить не получится.

– Что вы сказали, то мы и сделали, – ответил Джо. – У моего велосипеда корзинки нет, но есть багажник.

– Я привяжу к нему газеты, – пообещала Норри.

Пит Фримен, который восхищенно наблюдал, как девочка-подросток быстро перевязывает одну стопку газет за другой (узлы чем-то напоминали бабочек), кивнул:

– Готов спорить, что привяжешь. Это у тебя получается.

– Само собой, – буднично ответила Норри.

– Фонарики при вас? – спросила Джулия.

– Да, – хором ответили они.

– Хорошо. Подростки не развозят «Демократ» уже лет тридцать, и я не хочу, чтобы возобновление этой традиции привело к тому, что кого-то из вас собьют на углу Главной улицы или Престил-стрит.

– Да, это будет кошмар, – согласился Джо.

– Каждый дом и предприятие на этих двух улицах получает по газете. Так? Плюс Морин-стрит и Сент-Энн-авеню. После этого маршрут выбирайте сами. Раздайте все газеты, какие сможете, но в девять часов отправляйтесь по домам. Те газеты, что останутся у вас, положите на углах улиц. Придавите камнями, чтобы не разлетелись.

Бенни вновь взглянул на заголовок:

ЧЕСТЕРС-МИЛЛ, ВНИМАНИЕ!

ПО БАРЬЕРУ БУДУТ СТРЕЛЯТЬ!

КРЫЛАТАЯ РАКЕТА УЖЕ НА СТАРТЕ

**РЕКОМЕНДУЕТСЯ ЭВАКУАЦИЯ
ЗАПАДНОЙ ГРАНИЦЫ**

– Готов спорить, не сработает, – мрачно заявил Джо, глядя на карту, вероятно, нарисованную от руки, в нижней части страницы. Границу между Честерс-Миллом и Таркерс-Миллом обвели красным. Большим «Х» обозначили место, где Литл-Битч-роуд пересекала административную границу города. «Х» расшифровывалась как «ТОЧКА УДАРА».

– Придержи язык, пацан, – бросил Тони Гуэй.

ИЗ БЕЛОГО ДОМА

С дружеским приветом и наилучшими пожеланиями
членам ГОРОДСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ЧЕСТЕРС-
МИЛЛА Эндрю Сандерсу

Джеймсу П. Ренни

Андреа Гриннел

Дорогие господа и дама!

Первое и самое главное: я приветствую вас и хочу выразить глубокую озабоченность и участие от лица всей нации. Завтрашний день я объявил Днем молитвы, и по всей Америке церкви откроют свои двери людям всех исповеданий, чтобы они молились за вас и за тех, кто пытается понять, что произошло на границах вашего города, понять и исправить. Позвольте заверить вас, что мы не успокоимся, пока население Честерс-Милла не обретет свободу и виновные в случившемся не будут наказаны. Обещаю вам и населению Честерс-Милла – ситуация изменится к лучшему, и в самое ближайшее время. Я говорю это со всей возложенной на меня ответственностью, как ваш Главнокомандующий.

Второе: этим письмом я представляю вам

полковника армии США Дейла Барбару. П-к Барбара служил в Ираке, где был награжден медалью «Бронзовая звезда», медалью «За особые заслуги» и двумя медалями «Пурпурное сердце». Его вновь призвали на службу и повысили в звании, чтобы через него вы могли связаться с нами, а мы – с вами. Я знаю, что вы, будучи истинными американцами, окажете ему всяческое содействие. И как вы будете помогать ему, так и мы поможем вам.

Я намеревался, исходя из рекомендаций Объединенного комитета начальников штабов и министров обороны и национальной безопасности, ввести военное положение в Честерс-Милле и назначить п-ка Барбару временным военным губернатором. П-к Барбара, однако, заверил меня, что в этом нет необходимости. Он говорил мне, что рассчитывает на всестороннее сотрудничество со стороны членов городского управления и местной полиции. Он уверен, что его функция – «советовать и разрешать». Я согласился с его мнением, хотя это решение может быть пересмотрено.

Третье: я знаю, вы встревожены из-за того, что не можете позвонить друзьям и близким. Мы понимаем вашу озабоченность, но для нас также очень важно поддержание «телефонной блокады», чтобы снизить риск утечки секретной информации из города и ее поступления в город. Вы, возможно, думаете, что это чрезмерная мера предосторожности; заверяю вас, что нет. Очень может быть, что кто-то из тех, кто

сейчас находится в Честерс-Милле, обладает важными сведениями, касающимися барьера. Внутригородские звонки будут проходить без помех.

Четвертое: мы собираемся на какое-то время продлить информационную блокаду, хотя этот вопрос продолжает рассматриваться. Очень возможно, что мы сочтем необходимым проведение городскими властями и п-ком Барбарой совместной пресс-конференции, но на текущий момент наше мнение таково: быстрое разрешение кризиса снизит актуальность встречи с представителями средств массовой информации.

В пятом тезисе хочу особо остановиться на Интернете. Объединенный комитет начальников штабов настоятельно рекомендовал временно блокировать электронную почту, и я склонялся к принятию такого решения. П-к Барбара, со своей стороны, советовал сохранить жителям Честерс-Милла доступ к Интернету. Он указал, что вся электронная почта может законным образом контролироваться Агентством национальной безопасности, и контроль этот осуществить гораздо проще, чем за телефонными разговорами. И поскольку он – «наш человек в гуще событий», я согласился с его точкой зрения, отчасти из гуманных соображений. Это решение, однако, тоже может быть пересмотрено; в политике случаются изменения. П-к Барбара окажет немалое влияние на такого рода решения, и мы рассчитываем на плодотворные рабочие отношения между ним и городскими властями.

Шестое: у меня есть веские основания предполагать, что ваши испытания могут закончиться уже завтра, в час пополудни по ЛВВ⁷¹. П-к Барбара объяснит вам подробности военной операции, которая будет проведена в это время, и он заверяет меня, что вы, члены городского управления, и миз Джулия Шамуэй, владелица и издатель местной газеты, сумеете известить жителей Честерс-Милла о том, что их ждет.

И последнее: вы – граждане Соединенных Штатов Америки, и мы никогда вас не бросим. Наше самое твердое обещание, основанное на наших лучших идеалах, звучит просто: мы не оставим ни одного мужчину, женщину или ребенка. Все ресурсы, которые потребуются для того, чтобы положить конец вашему заточению, будут использованы. Каждый доллар, который потребуется потратить ради этого, будет потрачен. В ответ мы рассчитываем на доверие и сотрудничество. Пожалуйста, не откажите нам ни в первом, ни во втором.

*Со всеми молитвами и с наилучшими пожеланиями,
остаюсь искренне ваш...*

---

⁷¹ Имеется в виду летнее восточное время.

Какой бы писака ни накропал это послание, мерзавец подписал его сам, фамилией и двумя именами, включая и второе, террористическое⁷². Большой Джим не голосовал за него, а в тот момент, телепортируйся президент перед ним, Ренни с радостью бы его задушил.

И Барбару.

Большого Джима так и подмывало высвистать Пита Рэндолфа и препроводить полковника-повара в камеру. Сказать ему, что он может устанавливать трехнутое военное положение, сидя в подвале полицейского участка, а Сэма Вердро назначить своим адъютантом. Возможно, Бухло даже удастся удерживать под контролем дрожь в руках достаточно долго, чтобы не ткнуть пальцем в глаз, отдавая честь.

Но не теперь. Не сейчас. Некоторые фразы так и выпирали из письма мерзавца главнокомандующего: *И как вы будете помогать ему, так и мы поможем вам... Плодотворные рабочие отношения между ним и городскими властями... Это решение может быть пересмотрено... Мы рассчитываем на доверие и сотрудничество.*

И последняя трактовалась предельно ясно. Большой Джим не сомневался, что для этого выступающего за аборты

---

⁷² Имеется в виду Барак Хуссейн Обама (р. 1961) – 44-й (действующий на момент событий в романе) президент США.

щучьего сына слово «вера»⁷³

---

⁷³ С. Кинг использовал слово faith – вера, доверие (*англ.*).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.